

АБ / Альманах **XVI**
библиофила

Альманах библиофила
XVI

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Альманах библиофила»
рассказывает о книгах и книжниках
прошлого и настоящего,
о многогранной роли книги
в жизни советского общества,
о наиболее актуальных проблемах
современного движения книголюбов
в нашей стране и за рубежом.
На страницах продолжающегося издания
публикуются выступления
известных советских и зарубежных
писателей, деятелей книги,
выдающихся представителей науки и культуры.
«Альманах библиофила»
рассчитан на широкий круг читателей —
всех, кто интересуется культурным феноменом,
именуемым
Книга

Альманах АБ библиофила

Альманах библиофила

Выпуск 16

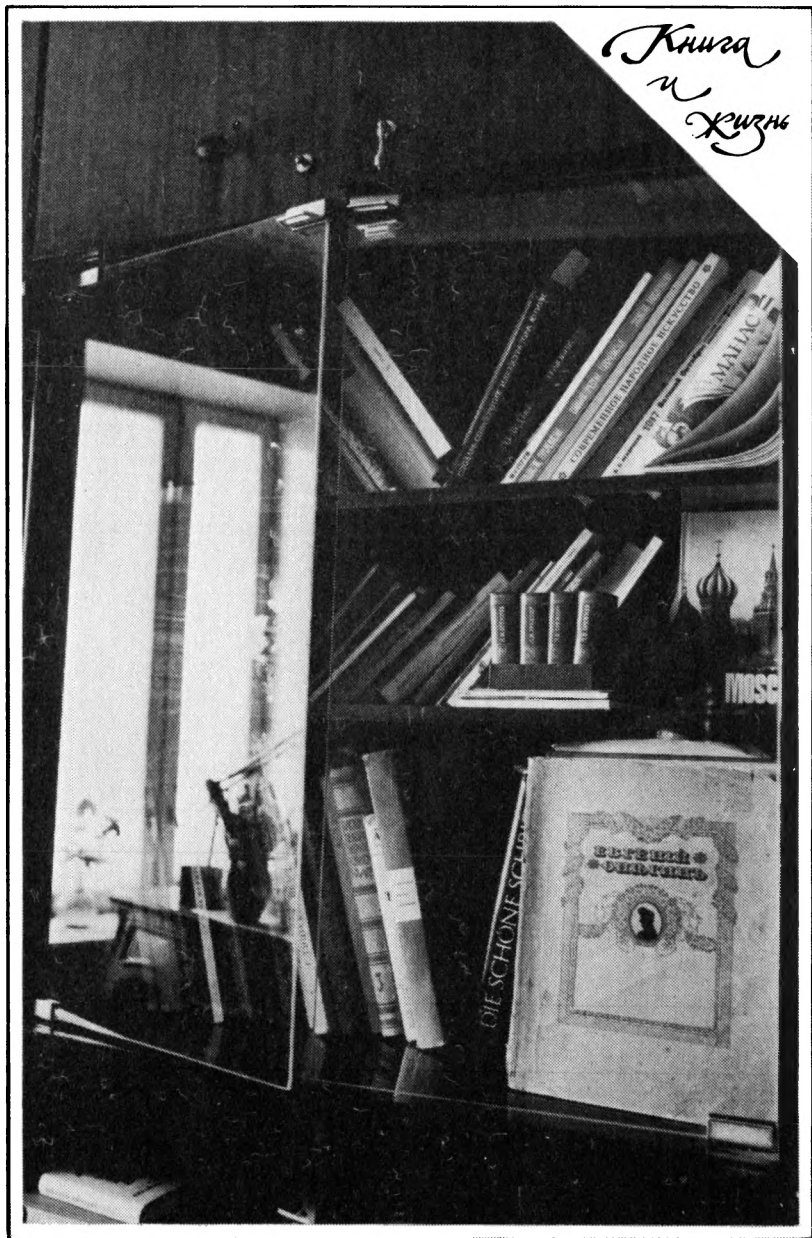
Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айти, В. И. Буйлов,
Н. Х. Еселев, Е. А. Исаев, А. И. Калашников,
Е. П. Кирилук, В. В. Кожин, В. Я. Лазарев,
А. Э. Мильчин, Ю. П. Некрошюс, Е. Л. Немировский,
А. И. Овсянников, Л. А. Озеров,
П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, И. И. Чхиквишвили

Художник
В. В. Вагин

Книга
и
жизнь

Разойдутся и распространятся книги и с ними
учение и общенародное просвещение.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Теория и практика никогда не должны быть
разделены, равно как и книга и жизнь.

Н. А. РУБАКИН

Книга — источник человеческих знаний, а следо-
вательно, и источник силы человека! Тот, кто
начитан, тот, кто образован, может сделать в жизни
неизмеримо больше, чем человек отсталый, мало-
культурный.

М. В. ИСАКОВСКИЙ

Михаил Колосов

СОЗВУЧНОЕ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

На страницах «Альманаха библиофила» уже публиковались ответы на вопросы специальной анкеты, которую мы предлагали известным писателям, библиофилам, деятелям науки и культуры. Она вызвала интерес у наших читателей. Мы предлагаем вниманию книголюбов новый вариант анкеты альманаха. На наши вопросы отвечают известный советский прозаик, главный редактор еженедельника «Литературная Россия» Михаил Макарович Колосов и советский славист Олег Николаевич Трубачев.

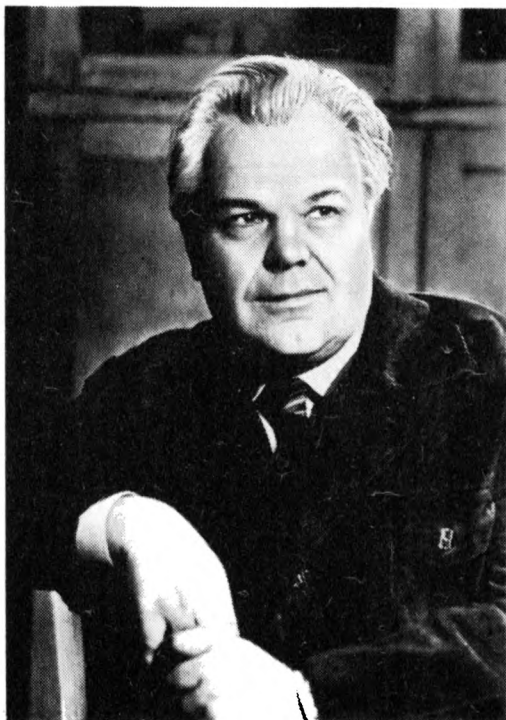
АНКЕТА «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»

1. Когда началось Ваше увлечение книгой?
2. Какие книги помогают Вам в писательском труде? Как Вы работаете с книгой?
3. Ваш круг чтения и книжные интересы?
4. Какой, по-Вашему, должна быть библиотека писателя?
5. Ваша домашняя библиотека: ее тематический состав, как подбираете книги, есть ли редкости, интересные рукописи, фотоматериалы; внешнее оформление Вашего собрания; книги, которыми Вы гордитесь, которые Вам дороги.
6. Есть ли в Вашем собрании книги с автографами?
7. Ваше отношение к так называемому «книжному буму», «моде на книги»?
8. Какими бы Вы хотели видеть книги, написанные Вами?
9. Ваше представление об искусстве книги: переплет, иллюстрации, оформление и т. п.
10. Как Вы относитесь к проблеме использования личных библиотек в общественных целях?
11. Приходится ли Вам в поисках нужных книг бывать в букинистических магазинах? Каким, по-Вашему, должен быть книжный или букинистический магазин?

Кроме того, мы предложили М. М. Колосову специальный вопрос:

12. «Литературная Россия» уделяет немало места пропаганде лучших произведений советской литературы, рассказывает о новых книгах писателей. Что нового в этой работе?

М. М. Колосов. Главный редактор еженедельника «Литературная Россия». Автор книг «Три круга войны», «Ночной буря», «Родная окраина» и многих других

1. Мое увлечение книгой началось с детства. Самой первой книжкой, которая меня «схватила» за душу, была повесть Л. Пантелеева «Часы». Потом его же «Ленька Пантелеев» и особенно «Ташкент—город хлебный» А. Неверова. Тут и герой—мой тезка, и вообще многое мне импонировало: бедное сиротское детство мое очень плотно накладывалось на судьбы героев. И дальше я читал книги такого порядка: Э. Мало «Без семьи», В. Гюго «Отверженные» и др. Затем были: «Овод» Войнич и «Как закалялась сталь» Островского, потом—Тургенев «Отцы и дети», Пушкин, Лермонтов, Есенин.

2. Книг, которые помогают мне в писательском труде, специально назвать не могу. Они все—друзья мои, все помощники. Непосредственную помощь оказывают разве что справочники—по языку и другие.

3. Круг чтения мой менялся с возрастом. О детстве и юности я уже сказал в ответе на первый вопрос анкеты. Потом были Бальзак, Дж. Лондон, Золя, М. Горький, русская классика. Из

современных — В. Астафьев, К. Воробьев, Е. Носов. В последние годы привлекает все больше научная и философская литература: о космосе и мироздании, о прошлом и будущем Земли, о животном и растительном мире; литература — древняя (Греция, Рим и Русь); эпоха Возрождения. Особенно меня трогают произведения, в которых я нахожу созвучное с современностью.

4. Какая должна быть библиотека писателя — не знаю. У каждого своя. Вкусы, пристрастия, манера работы, привычки у каждого писателя свои, не похожие на другого.

5. Моя библиотека состоит в основном из художественной литературы, изданий, которые выходили в послевоенное время. Редких книг мало, да я за ними и не гоняюсь, мне как-то неважно, в каком году издана книга, важно, что у меня есть это произведение. Книги мне дороги все. С детства я люблю книгу как таковую, независимо от жанра. Люблю держать ее в руках, особенно хорошо сделанную полиграфически, люблю копаться в книгах. Расстаюсь с книгой с большой болью, даже если она и была «двойником».

6. Книг с автографами у меня очень много. Такие мне дарили В. Овечкин, М. Алексеев, С. П. Антонов, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Е. Носов, В. Белов, Н. Доризо, С. Крутилин, П. Проскурин и многие другие. С В. Овечкиным мы были дружны на протяжении многих лет, до самой его смерти, особенно в тот период, когда мы с ним жили в Курске. Эти книги мне особенно дороги.

7. По-моему, «книжный бум» — это хороший бум, гораздо лучше, чем «джинсовый», «серебряный», «шлягерный». Жаль только, что читаются книги все-таки не с таким энтузиазмом, с каким они добываются.

8. Книги, написанные мною, я хотел бы видеть зачитанными.

9. Книги должны издаваться хорошо. Особенно классика. Бумага, оформление, переплетные материалы, полиграфическое исполнение — все должно быть высшего класса.

10. К проблеме использования личных библиотек в общественных целях я отношусь отрицательно. И не только потому, что я в этом деле эгоист, «жаден» на книгу. Открыть библиотеку — значит, стать общественным библиотекарем. Не у каждого найдется для этого время и желание. А потом — хорошую книгу, как правило, «теряют», «забывают» вернуть, многие обращаются с книгами небрежно. А я книги берегу, я даже пометки в них не делаю, лишь в последнее время стал иногда пользоваться этим «варварским» способом, да и то — только простым карандашом. Компенсация? Даже десятикратная мне не нужна. Для меня книга дороже любых денег.

11. В букинистических магазинах бываю очень редко. Как-то пытался с помощью этих магазинов восполнить недостающие тома в некоторых собраниях сочинений — не получилось. Может быть, это мое субъективное мнение, но их работа для меня — темный лес, они почему-то ассоциируются у меня с комиссионными магазинами, в которые я стараюсь редко заходить: не люблю, когда чувствую, что настоящая жизнь идет где-то за занавеской, шепотом, а для меня, простака, отведена лишь витрина.

12. Да, «Литературная Россия» уделяет много внимания пропаганде лучших произведений советской литературы. И все-таки несколько уточнил бы эту работу: не только пропагандой занимается «ЛР» — она сама участвует в современном литературном процессе. Ведь если мы критикуем какое-то произведение — какая же это пропаганда? А участвует «ЛР» в литературном процессе не только рецензиями, литературоведческими статьями, дискуссиями, но и публикациями самих литературных произведений — коротких повестей, рассказов, стихотворений, очерков. Но об этой работе разговор длинный, и, как мне кажется, он выходит за рамки данной анкеты.

Олег Трубачев

КНИГА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Олег Николаевич Трубачев — известный славист, член-корреспондент Академии наук СССР, член-корреспондент Югославянской Академии в Загребе, член Советского комитета славистов — автор уникального этимологического словаря, снискавшего широкую известность. В его «Этимологическом словаре славянских языков» реконструируется праславянский лексический фонд. Автор свободно пользуется при реконструкции всеми 15 славянскими языками в их современном и древнем виде.

О. Н. Трубачев рассказывает о той роли, которую играют книги в становлении современного ученого, как бы отвечая на все вопросы «Анкеты».

Пришло время, и эти вопросы задали также мне. Какой-то свой ответ на них в той или иной форме готов, наверное, у каждого из нас, коль скоро все мы учились по книгам, да и сейчас большую часть новой информации черпаем из книг, хотя иные горячие головы уже толкуют о новых формах и источниках информации в будущем.

«Книга в моей жизни?» — это, конечно, вопрос, обращенный к нашему детству, отрочеству и юности, а не только к зрелому возрасту, и я рад отметить, что мое детство в этом смысле (да и в других отношениях) сложилось счастливо. Я вырос в семье, где любили книгу. Это было в 30-е годы, в довоенном Сталинграде. Отец, молодой тогда врач, собирал библиотеку из русской и мировой художественной классики. Возможности для этого были небольшие, условия жизни — скромные, ничего похожего на нынешний «взрыв» библиофилии и библиомании, разумеется, не было, любители и ценители книг знали друг друга подчас наперечет, также как и букинистов и переплетчиков. Отец, например, сам мог переплести книгу. Он ездил в магазины, брал иногда с собой и меня, и книги постепенно занимали свои места в большом стеклянном шкафу. Их, я думаю, никогда не было очень много, возможно, не больше тысячи, но они систематически и умело подбирались.

Та довоенная наша библиотека погибла в Сталинграде осенью 1942 года, поэтому не все, находившееся в ней, успело

найти путь к мальчишескому сердцу. И все-таки я сумел много взять от этой библиотеки. В ней были русские и советские издания — их выпускали ЗИФ («Земля и фабрика»), КОГИЗ и, конечно, «Academia», — а также многотомные собрания сочинений авторов, которые никогда и нигде потом мне в таком количестве не встречались, например, английского автора приключенческой литературы капитана Мариетта.

Надо ли говорить, с каким увлечением я поглощал тогда эти «морские приключения», к тому же хорошо иллюстрированные. Именно благодаря его роману «Корабль-призрак» я еще тогда приобщился к распространенному сюжету мировой литературы и культуры — легенде о Летучем голландце. И сейчас еще, когда, бывает, машинально прочтешь и расшифруешь литеры FD (Flying Dutch — Летучий голландец) на парусах яхт соответствующего класса, где-то краем сознания проплывет это леденящее, мрачноватое повествование капитана Мариетта.

Вообще приключенческой классики было у нас много: в том числе, разумеется, Ф. Купер, Жюль Верн, тоже ЗИФовский, очень комплектный (так его потом у нас никогда не переиздавали) и сопровождаемый большим количеством отличных иллюстраций французских художников. Смешно сказать, но когда мне — уже для каких-то нынешних научных изысканий — понадобился малоизвестный роман Жюль Верна «Упрямец Керабан», то его нашли в Москве только по межбиблиотечному абонементу, в Библиотеке им. В. И. Ленина, и только... в издании ЗИФ. Так что мне передали как бы привет из детства.

Начал я свои книжные воспоминания с «приключений» и «путешествий», потому что ничего так не любил, как их. В моем детском сознании эти два дорогих для меня слова даже слились и как бы синонимизировались. В жизни это получило свое преломление. Путешественником и моряком я не стал (хотя у последнем определенно мечтал), но манящая экзотика закладывала основу будущих интересов, питала фантазию и через нее — интуицию. С детства полюбил географию, а, по словам моего старого близкого коллеги, которого теперь уже нет в живых, если ребенок проявил интерес к географии, значит, полюбит филологию. Так я, видимо, пришел в филологию, а в этимологии, в которой профессионально работаю, без фантазии и интуиции нечего делать (впрочем, это, кажется, можно сказать и о многих других науках).

До серьезной русской классики в те далекие годы я еще не дорос, но, конечно, успел полюбить сказки — и «Сказки» Пушкина, и трехтомник Афанасьева, и многие другие. Надо сказать, что в 30-е годы у нас умели изумительно издавать книги, в том числе и этого рода. Как прекрасны, например, были «Сказки»

Перро с дивными иллюстрациями (до сих пор помню обложку и гравюры).

В то время очень активно издавались наши национальные эпосы, и я читал с интересом и армянского «Давида Сасунского», и калмыцкого «Джангара». А тогдашний юбилей Руставели! Он породил чудесное иллюстрированное издание поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Но фантастика, так называемая научная, меня трогала мало, с недоверием читал имевшегося у нас Уэллса и «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого.

С признательностью храню память о милой дешевенькой серии «Книга за книгой». Именно благодаря ей запали в душу и «Роланд-оруженосец» Жуковского, и «Тёма и Жучка» Гарина-Михайловского, и «Стойкий оловянный солдатик» Андерсена, и множество другого хорошего. «Книга за книгой» имела, судя по всему, широкую издательскую программу. Она предоставила возможность прикоснуться к творчеству нидерландского писателя Мультиатули — прочитать книжечку «Саиджи и Адинда».

Вспоминаю, как ввиду моего неестественно тихого поведения меня находили обычно склонившимся над книгой, особенно если это была «книжка с картинками». Незаметно для себя я учился быть усидчивым, а усидчивость — добродетель не последняя для того, кто создает словари, что я и делаю сейчас, работая над многотомным «Этимологическим словарем славянских языков», первым в нашей стране (ранее мною подготовлен — переведен и дополнен — четырехтомный «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера). Тогда же я на практике, не сознавая этого, постигал великую истину, что книга — *vehiculum informationis*, что можно посетить Африку и побывать в Древнем Риме (помню, меня потряс «Спартак» Джованьоли), не покидая комнаты. Это тоже воспитывало навыки будущего кабинетного ученого. Хорошее изучение литературы — верный и наиболее экономный способ изучения предмета.

Я забыл сказать, что в доме у нас царила аккуратность, отчего у меня выработалась стойкая неприязнь ко всякому «живописному беспорядку», «рабочему беспорядку» на письменном столе; я не верю, что за этим всегда стоит творчество и богатство мыслей. К книгам это имело самое прямое отношение: они не пачкались, не мялись, не загибались, не клались куда попало. Это был культ книги (причем необязательно старой и редкой, об этом — далее). Поэтому книгу и не давали кому угодно. Это была семейная библиотека (сейчас охотно популяризируют опыт семейных библиотек, превращаемых в районные, поселковые, словом, — публичные, тут, конечно, возможны разные мнения). На меня, на отца производили тягостные впечатлительные случаи потребительского, небрежного отношения к книгам.

Воспоминания уходят в то прошлое, когда притягательный стеклянный шкаф был аккуратно закрыт, из-за стекла манили толстые корешки книг. Какие же это были книги? Среди них — «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, как известно, виртуозно переведенный на русский язык и хорошо изданный, с иллюстрациями непревзойденного Гюстава Доре. Я себе просто не представляю этого писателя иллюстрированным кем-нибудь другим.

Так и запомнились автор и художник в своей неразрывной конгенитальности. Возрожденческая жизнь бьет ключом на этих картинках.

За стеклянной дверцей шкафа стояли книги, знакомство с которыми тогда было и останется навсегда для меня прекраснейшим переживанием моей жизни: «Жизнь Робинзона Крузо» Дефо и «Путешествия Гулливера» Свифта. Это замечательные издания «Academia» с иллюстрациями Гранвиля. Прекрасный художник-иллюстратор объединил обоих писателей, не питавших при жизни друг к другу добрых чувств (особенно Свифт), как мне стало известно много позже. Не все иллюстрации Гранвиля, как и Доре, подходили для детских глаз, особенно в книге язвительного Свифта, но мастерство художников покоряло детскую душу, и я полюбил эту жизнь и эту природу, принялся рисовать пальмы, корабли, оружие, предметы и — как мог — людей.

До сих пор мне зрительно памятен тщательный гравюрный штрих Гранвиля, кафтаны с обшлагами, башмаки с пряжками. С натуры я никогда рисовать не учился, но гранвилевские рисунки срисовывал с таким тщанием и упорством, что взрослые обратили на это внимание, хвалили, показывали друг другу. Я считаю невозможным издавать «Робинзона Крузо» и «Гулливера» с какими-то иными иллюстрациями, это только погубит достигнутое единство образов. Если добавить, что я тогда подолгу играл в Робинзона Крузо, лежа с ружьем в засаде среди нарисованных и вырезанных из бумаги пальм, то станет понятным, что содержание книг стало содержанием и моей жизни. Величие трудов и терзаний Робинзона Крузо детская душа почувствовала раньше, чем ум научился понимать.

Ученый Свифт был интересен мне и позже, как этимологу, своим остроумным выдумыванием для великанов имен на кельтской (ирландской) основе, а также пародийными рассуждениями насчет споров об этимологии названия летающего острова Лапута (позже я прочел это и по-английски).

Из того же стеклянного шкафа извлекался, к моей радости, двухтомный «Дон Кихот» Сервантеса издания «Academia», иллюстрированный уже упоминавшимся Доре. Был в хорошем довоенном издании и Шекспир, если говорить о современниках Серван-

теса. К слову сказать, Сервантес и Доре тоже образовывали неповторимое классическое единство. Так получилось, что я, не прочитав еще «Дон Кихота» по-испански, читал его, кроме русского, еще и (частями) в польском и литовском переводах, и всякий раз это были книги, иллюстрированные Доре. Мне непонятны поэтому попытки иных художников заменить Доре в новых изданиях «Дон Кихота». Это невозможно.

Прекрасное сопереживание возникает у нас, когда мы знакомим с этими сокровищами своих детей. Так было, например, при чтении сыну детского издания «Робинзона Крузо». Тогда вновь я почувствовал эту подлинную поэму труда и добрых помыслов (когда сам маленький, то многого не видишь за пальмами и дикарями). В одну из прогулок с сыном мы купили в магазине «Букинист» на Ленинском проспекте «Робинзона Крузо» издания «Academia» 1932 года, несколько потрепанного, помню, за 3 рубля. Лет 20 назад это еще было возможно. А сейчас, говорят, тех изданий «Academia» не найти, а полная коллекция книг «Academia» — это редчайшая вещь!

До сих пор речь шла в основном о семейной библиотеке, о книгах в стеклянном шкафу. Но я читал тогда, разумеется, не только свои, но и книги городской библиотеки. Одной из них, если не ошибаюсь, была крупноформатная книга «Черногорские сказки и легенды». Они затронули меня тоже очень глубоко. Новые сюжеты, имена, новые слова (из этой книги мне, видимо, впервые врезалось в память слово *пучина* — о море). До войны были прочитаны и близкие мне по духу и содержанию «Песни западных славян» Пушкина. Пушкинские строчки сами укладывались в детской памяти, эпический их тон очаровывал, а незнакомые прежде слова и имена только разжигали интерес: два могучих *беля* побрались; *Стамати* был стар и бессилён, а Елена молода и прекрасна... Разумеется, на всю жизнь и наверняка еще с тех лет запомнился страшный пушкинский *вурдалак* — слово и образ. Я много думал, уже став филологом, о слове *вурдалак*, даже пытался его (ошибочно) этимологизировать в начале своей ученой карьеры. Конечный, отстоявшийся итог этих размышлений о вурдалаке нашел отражение в подготовленном мною словаре Фасмера. Но сейчас речь о другом — пожалуй, о зачатках интереса к славянству, которые заронили эти хорошие книги. Дело в том, что перед самой войной мне встретились в детском журнале и запомнились эпические стихи черногорского поэта Радуле Стийенского. Я хранил о них теплое воспоминание долго и бережно.

На этом впору и кончить воспоминания о книгах моего детства и перейти к книгам отрочества и юности.

С годами число книг в поле моего зрения, естественно, росло,

хотя события жизни не благоприятствовали спокойному чтению. Шла Отечественная война, и семья переезжала на новые места жительства. Чтение в то время не могло не быть случайным. В доме приютившего нас дяди, врача-хирурга, в Горьком, были прочитаны в 1942—1943 годах и запомнились «Илиада» Гомера в переводе Гнедича (очень хорошее дореволюционное иллюстрированное издание). В одном толстом журнале тех военных лет попало описание Грюнвальдской битвы в отрывке из «Крестоносцев» Г. Сенкевича, и это чтение стало событием для меня, предварившим позднейшее прочтение в оригинале практически всех крупных романов этого необыкновенного польского писателя.

Тяжелая война воспитывала и славянское чувство, отнюдь не в ущерб библиофильскому интернационализму. Замечу, что моим первым иностранным языком был немецкий. А мое серьезное изучение языков началось на Украине, куда мы переехали после ее освобождения нашими войсками. Тогда мне было 14 лет. До этого—в 12 лет—прочел «Войну и мир» Толстого, так сказать, в первом приближении, чтобы вернуться к нему потом, когда мог читать там на французском письма и длинные пассажи.

Украинский город Днепропетровск поразил обилием осевшей в букинистических магазинах трофейной литературы на иностранных языках. Занималась новая мирная жизнь, а с ней крепили и ширились новые интересы. Меня и раньше влекло ко всему написанному не по-русски. Латинские буквы я пытался употреблять сам, для передачи русских слов, это была моя детская игра. Написанное на иностранных языках диковинными сочетаниями букв слово привлекало и было непонятным, вызывая стремление его «узнать». Так обретало форму мое путешествие в неизвестное. Узнавать в новом обличье уже знакомое—увлекательное занятие. Так были прочитаны вновь, но уже на немецком, с удивлением и захватывающим интересом, помогавшим одолевать трудности, знакомые немецкие сказки. Тот монументальный немецкий «Märchenbuch», преодоленный в 15-летнем возрасте, запомнился на всю жизнь.

Чудесное узнавание старых знакомых—сказок и сказочников—одухотворяло тонким романтизмом все это сугубо самостоятельное занятие, включая заучивание слов, и требовало большой усидчивости, буквально «прикипания к стулу». Немецким словарным составом я овладел действительно основательно, и это пригодилось позже.

В 1945—1946 годах мне приходилось читать, порой без системы, весьма трудные, даже труднейшие книги. Всякий хороший педагог пришел бы от этого в ужас, но я после «Книги

сказок» (неадаптированной, правда) начал «Фауста» Гете... Конечно, прочитать к 16 годам в оригинале полного «Фауста» значило понять в нем едва ли одну четверть. Но затем я перечитывал его вновь и вновь; в конце концов прочитал немецкий текст четыре раза.

Возможности перечитывать Гете были — он перебивал у нас в нескольких немецких изданиях. Сначала — 15-томное собрание его художественных сочинений, затем — роскошное, в нескольких больших томах, абсолютной сохранности, иллюстрированное лучшими немецкими художниками, издание поэта, вышедшее к 50-летию со дня смерти — в 1882 году в Штутгарте.

В 1947—1948 годах удалось приобрести полные собрания сочинений Шиллера и Гейне в превосходных немецких изданиях большого формата. Я прочел их целиком. Особенно (т. е. больше, чем Гете) я любил как поэта прямодушного и романтического Шиллера. В этом издании он открылся мне не только как автор баллад, поэм и драм, но и как историк («История Тридцатилетней войны», «История отпадения Нидерландов от испанского правительства»). Надо ли говорить, какая это была школа в изучении немецкого языка, в познании Германии, в эстетическом воспитании.

О том, что Шиллер — поэт юности, уже сказано другими. Гейне я любил как-то меньше, чем Гете и Шиллера. Тем не менее пища для ума и сердца имелась первоклассная. Посещая букинистические магазины и приобретая редкие книги по очень недорогой тогда цене, мы с отцом вскоре собрали неплохую библиотеку европейских классиков — в оригинале.

Больше всего было немецкой литературы — несколько сот томов Гете, Гейне, Шиллера, Виланда, Лессинга, Клейста, Кернера, Шамиссо и ряд других; собрания сочинений философов — Гегеля и Шопенгауэра; книги по всемирной истории, искусству; был даже четырехтомник Фрица Ройтера. Большую часть собранной немецкой классики я прочел тогда же — на свежую, молодую голову. Был еще на немецком языке, т. е. в переводе, образцовый изданный Генрик Ибсен в 20-ти томах. Я много читал Ибсена именно в этом издании. Мы собрали оригинальные издания французской литературы (Расин, Мольер, Лафонтен; «Жиль Блаз» Лесажа, «История крестовых походов», «История французской литературы» Г. Лансона), и я, надо сказать, успел тогда же, в студенческие годы, много одолеть из этого; было немало английской (хотелось бы особенно отметить оксфордский 12-томник Шекспира).

Как видно из рассказанного, мое вхождение в филологию продолжало осуществляться с помощью книг, особенно благодаря проявившейся склонности к языкам. Кончая среднюю школу, я

уже свободно читал по-немецки, по-польски и регулярно занимался чтением на французском и английском языках. Приобретенный тогда скромный чешско-русский словарь под редакцией П. Г. Богатырева 1947 года — «памятник» начавшемуся интересу к чешскому языку; приобрел я и учебник болгарского языка С. Б. Бернштейна 1948 года. Старый польско-русский словарь издания 1931 года, купленный году в 1946-м, служил мне очень исправно, но рано перестал удовлетворять, а потому поля его страниц были покрыты моими тогдашними «дополнениями». Это по большей части толкования редких слов и географических названий, встреченных в прочитанных студентом романах Сенкевича на польском языке.

Охотно приобретались тогда отдельные книги на итальянском языке. В связи с этим приходилось обращаться к учебникам итальянского и испанского языков (правда, серьезно углубиться в них я не успел). Даже был приобретен учебник японского языка в двух частях Холодовича, но тоже без особого результата: Восток меня мало привлекал.

Пережив потерю первой нашей библиотеки в Сталинграде, отец с новым жаром, поддерживаемым уже моими интересами, принялся собирать вторую семейную библиотеку. Она и на этот раз количественно не была большой, но подобрана была неплохо и имела ряд ценных изданий. В те годы необычайно широко развернулась издательская деятельность. По подписке можно было приобрести за короткое время несколько десятков собраний сочинений лучших русских и зарубежных писателей.

Хочется добрым словом упомянуть деятельность нашего Издательства иностранной литературы в те годы, выпустившего в оригиналах много классики. Купер, Байрон, Диккенс, Золя и другие в советских изданиях тоже активно покупались и читались мной тогда. Книгу «Жерминаль» Золя по-французски, помню, я прихватил с собой даже в летнюю уборочную пору в колхоз, будучи студентом. И как символ книжных интересов тех лет вспоминается диковинная книжка, изданная в дореволюционной России и выуженная нами из букинистических развалов (почему-то она была в обложке тома свода законов Российской империи), — сказка «Мать» Андерсена на 26 языках. Эта печальная мудрая сказка, которую прочел в некоторых переводах, послужила воспитательным средством против юношеской гордыни.

Ни одна библиотека, как бы велика она ни была, не может удовлетворить вполне своего читателя или собирателя. Я имею в виду и тех своих знакомых московских ученых, которые ухитряются в двухкомнатной квартире держать библиотеку в 5 тысяч томов, а в трехкомнатной — даже 30 тысяч томов! Не может удовлетворить одна библиотека, даже государственная, научного

работника, исследователя, как не удовлетворяют, я уверен, своих владельцев названные мной для примера две частные библиотеки, но задавить и выжить человека из собственного жилья они могут вполне. О себе скажу, что я слишком хорошо понимаю, как много нужно книг на самом деле, а потому давно приучил себя обходиться библиотечным и межбиблиотечным абонементом. Словом, «почитание книжное» (по Ярославу Мудрому) и книжное собирательство — вещи все-таки разные, хотя я не хотел бы обязательно бросить тень на последнее. Создание хороших библиотек — по-своему прекрасное дело, но в нем есть риск, даже если это не снобизм. Если разобраться, создание библиотеки — это большое самостоятельное дело, оно поглощает и сковывает силы, требует времени, места. Как это ни парадоксально, создание даже целенаправленных научных библиотек отвлекает от занятий наукой, такие примеры тоже известны. Так что приходится выбирать.

Последние 10 лет я совсем не приобретаю художественную литературу, а научную приобретаю с большим выбором, единицами, а библиотека растет, полок не хватает! Дело в том, что я состою в научном обмене с немалым кругом лиц и получаю от них, а также от тех, с кем даже и не состою в таком обмене, еженедельно, если не ежедневно, довольно много новинок. Дарственные экземпляры составляют к настоящему моменту уже значительную часть моей библиотеки. Этот научный книжный обмен с коллегами очень ценен и оперативен, книги, которые я получаю таким путем, не сразу появляются в московских библиотеках.

Так я незаметно перешел на разговор о научной библиотеке. Я выбрал (не вчера) свой путь, а с ним и свой тип личной библиотеки. Но главное, что при этом надо иметь в виду, — это то, что, помимо личных словарей, справочников и прочей подсобной научной литературы, у меня, у каждого из нас, работников науки, есть в обороте то, что можно назвать *библиотекой читаемой литературы*, или, точнее, литературы абонируемой, которая лишь временно занимает мой стол и книжные полки, хотя в моей жизни, в моих исканиях играет важную роль.

Библиотечные книги дарили мне радость и в раннем детстве, я уже говорил об этом. В студенческие годы я, конечно, более систематично обращался в библиотеку (главным образом, университета, факультета). Замечу только, что это не было преобладающим источником моего чтения и учения. Основная масса русской классики, необходимой для студента-филолога, у меня имелась дома. Помню, что я стремился прочесть как можно больше произведений западноевропейской литературы в оригинале и прибегал при этом нередко к помощи университетской

библиотеки, читая Мопассана, Барбюса, Роллана, Гауптмана и других, если их не было дома. Стремление студента-русиста читать изучаемую литературу по возможности в оригинале, может быть, и отдавало, как сейчас сказали бы, «пижонством», но в нем присутствовали и интерес к книге, и требовательность к себе.

Москва, годы аспирантуры, дальнейший научный путь вдали от родительского дома многое переменяли в привычном образе жизни. Публичная библиотека, библиотека института стали надолго основными поставщиками книжных знаний, даже впоследствии, когда я предпочитал работу над книгами в своем кабинете. Конечно, радужные представления молодого человека о богатстве столичных библиотек сменились зрелыми суждениями научного работника, познавшего и разочарования. Главный источник огорчения — некомплектность периодических или многотомных изданий. Именно нужного тебе тома нет — им кто-то раз и навсегда «поинтересовался». Это всегда очень досадно.

Бывают, наверное, в нашей жизни какие-то «заколдованные» по своей недоступности нужные книги. Так у меня было с Плинием. Я никакими судьбами не мог получить через московские библиотеки книги IV—VI его «Естественной истории». Для курьеза отмечу, что и в ряде европейских университетов, когда я отыскивал Плиния на полках филологических и исторических семинаров, книги IV—VI всякий раз отсутствовали. Что же, я понимаю тех, кто меня опередил: эти книги, наверное, самые интересные во всей плиниевской энциклопедии древних знаний. Я рад, что мне, наконец, удалось прочесть в них то, мимо чего многие проходили. Но, чтобы сделать это как следует, пришлось добыть своего Плиния, специально списавшись с зарубежными коллегами (по счастью, «Естественная история» как раз вновь переиздавалась). «Свой» латинский Плиний и «свой» греческий Геродот в лучших изданиях смотрят на меня с полком (к прочтению и понимаю последнего я тоже приложил свою исследовательскую руку). Они — мои спутники и добрые помощники в путешествии в неизвестное, когда я ищу следы древнего неопisanного языка и этноса в античном Северном Причерноморье.

Я лексикограф, составляю и издаю, как уже было сказано, особые книги — словари. Предрасположение к этому обозначилось, думаю, рано, еще в школе. Под влиянием своих упорных занятий немецким языком я вознамерился делать свой немецко-русский словарь, который, как мне казалось, должен был отличаться от существующих, даже составил (в тетрадке) большой начальный кусок этого словаря. Разумеется, это была компиля-

ция из других знакомых словарей, но с посылными моими дополнениями из прочитанного.

У человека, который не только читает книги, написанные другими, но и сам их пишет, отношение к книгам особое. Книга, с одной стороны, для меня — лелеемый, оберегаемый предмет (усвоенное с детства «не загибать углов, не пачкать...»), с другой стороны — это орудие моего повседневного труда. Натренированный глаз, читая, выхватывает ошибки автора или издателей, рука привычно держит карандаш, делая на полях легкие пометы, необходимые для заострения внимания, особенно при повторном чтении и использовании книги для работы. Пометы различные — от лаконичных птичек-галочек и нотабене до порой довольно подробных примечаний, которые потом входят частями текста в мои работы. Такие дополнения-приписки есть и на полях книг, вышедших из-под моего пера. Иногда это реакция досады в свой адрес — своевременно не сообразил описать, объяснить так, как сейчас представляется совершенно очевидным. Простейший пример. В моем русском переводном издании «Этимологического словаря русского языка» Фасмера оставлено необъясненным слово в следующей словарной статье: «*Катетка* — небольшой головной платок, астрах. Темное слово». Абсолютно ясно (теперь), что это не что иное, как диалектный вариант слова *кокетка* (как это раньше не догадался? Случаи смешения мягких *к* и *т* обычны в русских народных говорах. Еще с детства и тоже с Нижней Волги мне знакомо слово *пашкет*, местное видоизменение литературного *паштет*). Так и останется эта карандашная приписка в моем личном Фасмере, а это, если хотите, маленькая, но этимология, истолкование ранее не объясненного слова. Одно дело — бесспорная заповедь не портить книг, а другое дело — грамотные карандашные пометы на полях автора, исследователя, владельца книги.

О моей работе над переводом словаря Фасмера хочется рассказать особо.

Как известно, «Этимологический словарь русского языка» Макс Фасмера был выпущен издательством «Карл Винтер» в Гейдельберге в 1950—1958 годах, т. е. четверть века тому назад. Этимологические словари имеют свою судьбу, они стареют, как люди, которые их пишут, они тоже не бессмертны. Их благополучие и продолжительность жизни зависят от того, как с ними обращаются и хорошо ли их «питают», — я имею в виду издания и дополнения. При этом, естественно, ни одно новое издание, ни одно дополнение не вправе считаться совершенным и полным, наиболее естественный ход вещей — это когда за хорошим следует лучшее (не будем сейчас говорить о возможности обратного). Прежде чем рассказать о своем опыте, я хотел бы отметить,

касясь собственного перевода и дополнений к словарю Фасмера, что полностью отдаю себе отчет в тех или иных недостатках или неровностях этой работы. Сейчас, наверное, я сделал бы кое-что иначе, объяснил бы еще некоторые случаи, оставшиеся тогда неясными, но многое я и сегодня оставил бы как есть, и это, конечно, приносит удовлетворение от сознания правильности выбора или решения.

Инициатива издания русского Фасмера в стране русского языка находит свое начало если не в предложениях московского съезда славистов (IV Международный съезд славистов 1958 года), то, во всяком случае, в том прекрасном духе этого съезда и последующего за ним времени. 72-летний профессор западноберлинского университета Макс Фасмер прибыл в Москву (уже во второй раз после войны, первый раз был в 1956 году в связи с Международным комитетом славистов), принял участие в конгрессе, был глубоко потрясен теплым приемом. У нас все еще помнят его трогательную речь в актовом зале Московского университета.

Короче говоря, вскоре возникла идея русского перевода его словаря. Издательство иностранной литературы предложило мне заняться переводом, в январе 1959 года был заключен договор, и я принялся с воодушевлением за дело. В апреле 1961 года работа была окончена, и рукопись в 3200 машинописных страниц, примерно 160 авторских листов (оригинальный текст плюс этимологические и литературные поправки и дополнения переводчика), была передана редакции языкознания издательства. Те два года были для меня, молодого кандидата филологических наук, отличной школой.

Определенная подготовка для такой работы у меня была. Несколько лет уже были посвящены этимологическим исследованиям; близкое знакомство с только что опубликованным этимологическим словарем Фасмера позволило мне выступить с докладом об этом словаре на специальном заседании в Академии наук СССР в 1959 году (см.: Вопросы языкознания, 1960, № 3). Своевременность выхода словаря Фасмера в свет, высокий научный уровень труда, богатый словник (диалектная лексика, включение украинских и белорусских слов, серия статей по ономастике, особенно украсивших этот словарь, богатая библиография, трезвый этимологический анализ, непредвзятость) — таков был тогдашний вывод.

С окончанием перевода словаря Фасмера трудности не кончились. Скорее, наоборот. Перевод мог бы выйти из печати значительно раньше, на самом же деле публикация длилась 9 лет (1964—1973). Дело оказалось новым и не совсем обычным, издательские планы, как всегда, были перегружены, русский

Фасмер нуждался в специальной печати, требовалась академическая типография.

От издательства «Карл Винтер» пришел запрос (переданный мне устно профессором Гертой Хютль-Ворт), действительно ли мы планируем у себя русское издание словаря Фасмера — в Федеративной Республике Германии намеревались предпринять второе издание. Первое немецкое издание Фасмера насчитывало 2 тысячи экземпляров, если не ошибаюсь. Наше русское было в десять раз больше. К сожалению, сам Фасмер не дожил до его выхода. Но еще перед смертью, в 1962 году, он узнал о намерении издать его словарь на русском языке. Несколько озабоченный этим, он написал академику В. В. Виноградову, тогдашнему академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР. Как только я узнал о его опасениях, послал ему образец своего перевода с примерными дополнениями в квадратных скобках.

Но вернусь к своей домашней библиотеке. В моем обиходе нет и никогда не было книг рукописных, старопечатных, редчайших. Согласен с тем, что их поиски — это тоже род путешествия в незнаемое, со своими колумбами и со своими прекрасными открытиями. Я работаю и ищу в другом измерении — во времени, когда еще не было книг, не было письма — даже у греков или у еще более древних цивилизаций. Может быть, поэтому у меня спокойное отношение к старым книгам: в сравнении с праславянскими и праиндоевропейскими древностями все это — новая литература. Углубление в реконструируемые тысячелетия наделяет иным видением кардинальных проблем. Взять хотя бы проблему литературного языка: в представлении специалистов по письменной истории литературный язык — это обязательно язык письменной литературы. При этом недооценивают тот факт, что литература — это прежде всего не письменность, «буквенность» (таково в самом деле начальное значение латинского *litteratura*), а словесность, которая всякий раз начинается как устная словесность, что главнейшая особенность ее возникновения и употребления — наддиалектность. Гомеровские поэмы — это уже литература, литературный язык, только со временем обретшие письменную форму. Такое понимание исторического места книг и книжности приходит не сразу, и к нему более восприимчивы исследователи дописьменных эпох. Русисты и специалисты близкого профиля, как я заметил, не расположены к такому пониманию, оно их шокирует...

Таким образом, редкие книги я созерцал только в музеях и в чужих собраниях. Впрочем, не только в музеях. Помню, увидел *прижизненное* издание «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, причем увидел при потрясающих, можно сказать,

обстоятельствах — в руках одной студентки, моей сокурсницы, известной среди нас своим отставанием и неуспеваемостью. Студентка глядела в небрежно раскрытую книгу, сидя в университетском клубе, и ответила на мой изумленный вопрос (я понял, что передо мной — запрещенный уникум конца XVIII века), что книга из университетской библиотеки. Жалею, что не поинтересовался последующей судьбой этой книги...

На этом месте я хотел бы и расстаться с внимательным читателем, выразив убеждение, что книголюбие, как и все на свете, кроме общих представлений и стандартных правил, облекается у каждого из нас в индивидуальную форму, обретает своеобразие и отличия, и эти последние, думается, представляют наиболее живой интерес.

Мигель де Унамуно

* * *

Грамматика пейзажа,
в которой, не дыша,
с травой и с тенью кряжа
спрягается душа!
Не чудо, а наука.
Лишь тем, кто в это вник,
понятен с полужвука,
природа, твой язык.

Перевод с испанского С. Гончаренко

Геннадий Гусев

ЛЕТОПИСЬ ВРЕМЕНИ

Беседу вел С. Плеханов

— Геннадий Михайлович, в центре внимания литературной общественности находится важный партийный документ, определивший главные творческие задачи нашей художественной интеллигенции — постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства». Обсуждения его прошли и в издательствах страны, и это свидетельствует о том, что новые поколения советских людей вскоре прочитают близкие им по духу и времени произведения. Основные положения документа «нацеливают на современность» всех, кто так или иначе воздействует на текущий литературный процесс, формирует его. Вам, как директору издательства «Современник», все это должно быть особенно близко...

— Наше издательство вступило в четырнадцатый год своего существования. Оно было создано для выпуска главным образом новинок литературы — и этот замысел нашел отражение в самом его названии. Так что для наших авторов герой-современник изначально являлся средоточием их творческих интересов, его удачные воплощения и определили успех лучших книг, выпущенных издательством за эти годы. И речь идет не только о произведениях русских прозаиков и поэтов. Весомая часть нашей печатной продукции — книги авторов из автономных республик, областей и краев огромной Российской Федерации.

— Если не ошибаюсь, ваше издательство единственное, которое выпускает своеобразную серию, уже самим своим названием как бы заявляющую о предмете нравственных исканий авторов — «Новинки „Современника“».

— Да, книги, украшенные эмблемой «Летящая ласточка», готовятся в свет во всех редакциях — прозы, поэзии, литературы народов РСФСР, критики, по работе с молодыми авторами. Мы сознательно стремимся к тому, чтобы издания названной серии были не просто новинкой в хронологическом смысле, но и несли

какой-то новый взгляд на нашу жизнь, отражали динамику дня сегодняшнего. Книга, выходящая под маркой «Новинок», должна дышать пафосом современности — так что отнесение ее к этому ряду имеет не формальный характер.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов об одной проблеме, с которой сталкивается, разумеется, не только наше издательство. Нередки случаи, когда автор, недостаточно талантливый, стремится сыграть на актуальности проблематики и темы. О таких конъюнктурщиках очень точно и своевременно было сказано на XXVI съезде партии: любые попытки прикрыть актуальностью бедность идейного содержания — негодны. С подобными поползновениями приходится бороться, и в ответ мы слышим иногда: ну как же так, я написал книгу о современном рабочем классе, о сегодняшней социалистической деревне, а вы... И следуют чуть ли не упреки в «непонимании» злобы дня и т. п. Тут приходится проявлять твердость, чтобы убедить не в меру обидчивого литератора, что злободневность темы сама по себе вовсе не гарантирует творческой удачи... Но это, в общем-то, неизбежные сложности литературного процесса, нашего издательского дела.

Мы видим свою главную задачу в том, чтобы помочь писателю повернуться лицом к современности, ориентировать его на художественное осмысление актуальных вопросов, волнующих все наше общество. Речь идет, разумеется, о том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для работы литератора, чтобы увлечь его поставленной задачей. Тут необходимы и творческие командировки, и поездки по стране, и встречи с читателями. Но не только в них дело. В конце концов, наступает тот момент, когда, прямо по Пушкину, «требуется поэта к священной жертве Аполлон», когда писатель остается наедине с чистым листом бумаги. Вот тогда уже не надо его отрывать, направлять в поездки, напротив, необходимо обеспечить ему возможность неспешно, серьезно, с полным накалом творческих возможностей заниматься своим делом...

— В Постановлении ЦК КПСС говорится также и о конкретных проблемах, в решении которых может помочь литература. Если касаться долгосрочных планов партии, то речь прежде всего идет о Продовольственной программе, о том, что писатель своим словом должен помочь решению этой большой общенародной задачи. «Современник» традиционно много внимания уделяет делам современной деревни, преобразованию Нечерноземья, поэтому хотелось бы узнать о планах издательства по выпуску книг, затрагивающих тему переустройства сельской жизни.

— Лучший пример такого участия издательства в этом

всенародном деле: мы осуществляем выпуск 30-томной библиотеки «Сердце России». Каждый из томов посвящен какой-либо области, краю или автономной республике Нечерноземья. В них находит место и публицистика, и проза, и поэзия — словом, каждая книга дает средствами художественного слова, средствами искусства портрет края с его историей, неповторимыми особенностями; в то же время сверхзадача каждого тома — показать место края на карте Советской России, всей нашей великой страны. Не только прошлое и настоящее, но и обязательно загляд в будущее! Мы выбираем для публикации в серии «Сердце России» все лучшее, что создано местными писателями, а также и то, что писали о крае побывавшие здесь, полюбившие эту землю другие талантливые литераторы.

Вот мы заговорили о Продовольственной программе. В издательстве создается седьмая по счету редакция — редакция писательской публицистики. Будет расширено издание уже существующей серии «Наш день», названной так по некоторой аналогии с известным детищем Горького — журналом «Наши достижения». Будут выпускаться остроактуальные сборники, авторские книги, которые раскроют средствами публицистики, а также художественной прозы и поэзии разные аспекты социально-экономической и духовной жизни нашей страны.

Почему я особенно подчеркиваю *писательская* публицистика? Потому что для работы в союзе с новой редакцией мы хотим призвать лучшие литературные силы — и прозаиков, и поэтов, и критиков.

Для примера назову сборник «Дали отчие, неоглядные» (1980), под обложкой которого мы уже собрали более десяти прозаиков и публицистов. Среди них — Ф. Абрамов, В. Белов, И. Васильев и другие. Книга уже стала редкостью. После успеха этой книги у нас возникла идея выпуска современниковского ежегодника под тем же поэтичным названием. Но дело не только в поэзии — заглавие точно отражает идейную суть книги. Планируемый ежегодник нацелен, если можно так выразиться, на основную проблематику Продовольственной программы. Он даст писателям возможность оперативно отвечать на задачи, скажем, этого года, этого этапа выполнения Продовольственной программы.

— *Раз уж мы коснулись продолжающихся изданий, объединенных единым замыслом, то уместно сказать здесь о широко известной приверженности книголюбов к собиранию книжных серий. Не могли бы вы рассказать о новых замыслах «Современника» в этом направлении?*

— Особое внимание мы уделяем изданиям, раскрывающим интернационалистский характер советского общества, показыва-

ющим расцвет всех наций и народностей нашей страны. Так, «Современник» приступил к выпуску новой серии «Дерево дружбы». Ее составят 15 томов, каждый из которых расскажет о тесных, проверенных временем связях между русским народом и народами каждой из союзных республик. Таким образом, 14 томов — о братских республиках, связанных с РСФСР нерушимыми узами общей исторической судьбы. А 15-й том посвящен дружбе русского народа с народами братских социалистических стран. Добавлю, что это будут антологии художественных произведений, в основном поэтических. Впрочем, в двух словах не расскажешь о всем богатстве замысла. Лучше взять в руки, например, 1-й том этой серии — сборник русской и украинской поэзии «В семье вольной, новой», приуроченный к 1500-летию Киева. Сюда вошли произведения, создания которых отделены друг от друга многими веками, — от «Слова о полку Игореве» до стихотворений современных молодых поэтов России и Украины. И такой временной охват не случаен. Хотя понятие «интернационализм» принадлежит к числу философских и нравственных категорий, рожденных нашим столетием, появилось оно не на пустом месте. Корни дружбы народов нашей страны уходят в глубину веков. Русские классики говорили о всечеловечности, всемирной отзывчивости нашего народа. Еще в XVI веке замечательный русский мыслитель Феодосий Косой писал: «Равны будут люди во всех языцех». Мы не можем забывать о наших давних традициях...

Продолжу, однако, рассказ о сериях «Современника». Мы приступили к выпуску десяти томной библиотеки литератур народов Севера и Дальнего Востока. Такое издание предпринимается впервые, и, думается, значение его выходит за рамки нашей страны. Ибо человечество никогда не знало ничего подобного: за короткий исторический период родился целый художественный мир. Десятки народов, еще 50—60 лет назад не имевшие письменности, создали художественные ценности, которые стали заметным вкладом в сокровищницу общечеловеческой культуры. Невозможно переоценить это уникальное достижение социализма...

— Одно время в издательских аннотациях к книгам, выпускаемым «Современником», была в широком ходу фраза: книга создана по социальному заказу издательства. Расскажите подробнее об этой форме воздействия на современный литературный процесс.

— Рожденная вместе с «Современником» практика социального заказа встретила широкое понимание и поддержку писателей. Мы пришли к согласованному мнению, что практику социального заказа надо всячески развивать, но применительно к

книгам актуального содержания, в первую очередь к публицистике и прозе.

Как-то само собой мы подошли и к проблеме молодых. Прежде чем войти в литературу, молодой автор стремится, так сказать, наработать себе биографию. Но не всегда это является залогом успеха его первых произведений. Человек, что называется, прошел огонь, воду и медные трубы, а *самости* пока не обрел, не хватает ему подчас оригинального взгляда на вещи. Социальный заказ может сыграть в таких случаях организующую роль, он выстроит богатые, но подчас сумбурные жизненные впечатления...

В ближайшее время мы собираемся пригласить к себе и маститых, и молодых писателей, обнаруживших вкус к публицистике. Это даст, по моему убеждению, новый импульс практике соцзаказа. И, скажу по секрету, у нас на прицеле ряд литераторов, с которыми мы собираемся вступить в договорные отношения, призвать их к творческой работе на главных направлениях созидательной деятельности нашего народа.

— *В Постановлении ЦК КПСС о работе журналов говорится об участии писателей в разработке художественными средствами узловых проблем международной жизни...*

— Буду самокритичен. Как это ни прискорбно, но издательство с таким обязывающим названием — «Современник» — теперь только решает вопрос о создании редакции публицистики. Но так случилось, что при своем основании издательство задумывалось как чисто художественное. К великому сожалению, у нас пока не сложилось стойкой традиции привлечения к сотрудничеству авторов, пишущих на международные темы. Я мог бы назвать всего несколько книг, что были выпущены за годы существования нашего издательства. Но сейчас в рамках серии «Наш день» задуманы новые книги, посвященные жгучим проблемам сегодняшнего беспокойного мира.

У нас есть ряд интересных замыслов по самым разным вопросам международной жизни. Тема — писатель и борьба за мир в современных условиях — занимает видное место в перспективных планах издательства. Но, как говорится, о достигнутом будем судить по результатам...

У нас есть намерение провести встречу с крупными журналистами-международниками, которые никогда не были в «Современнике» и до сих пор не знают нашего адреса. Ведь пока «первую скрипку» в литературе, посвященной международной тематике, играют такие великолепные авторы, как Овчинников, Статура, но не романисты. На это имеют свои причины. Видимо, пришло время подумать о длительных зарубежных командировках и для писателей, потому что покамест приходится

констатировать: если талантливый прозаик и создает произведение на международную тему, то это, как правило, лишь путевые заметки, пусть даже такие блестящие, как, скажем, у Г. Бакланова, или зарубежные записки А. Ананьева, В. Поволяева. Имеются, конечно, исключения. Назову «Дерево в центре Кабула» Александра Проханова...

— *И это как раз результат длительной командировки! Что, кстати, служит подтверждением вашей мысли... Роман Проханова стал заметным событием в литературе. Ему по достоинству присуждена премия Ленинского комсомола. Да, «Дерево в центре Кабула» не лишено отдельных огрехов, но они объяснимы, пожалуй, и тем, что нет в области прозы на международную тематику прочно и давно сложившейся традиции...*

— Да, плодородный слой в почве наращивается долгие десятилетия. Каждый писатель, работающий в том или ином жанре, ориентируется на опыт предшественников, на достигнутый ими уровень.

За последнее время резко усилилась международная напряженность, и причиной тому — участившиеся попытки империализма остановить ход истории, «переиграть» итоги последних десятилетий в свою пользу. События в Африке, в Центральной Америке и на Ближнем Востоке приковывают к себе внимание человечества. Но проза и поэзия пока не очень решительно берутся за эти темы. Только несколько примеров можно привести: Юлиан Семенов, Игорь Беляев, Юрий Колесников...

Ждем и от других писателей новых книг!

— *Вот уже несколько лет под издательской маркой «Современника» выходят книги классиков русской литературы, причем многие из них представляют собой настоящие шедевры полиграфического искусства, принято именовать такие издания подарочными, сувенирными. Число этих книг растет. Налицо расширение программы издательства — ведь в момент его основания задача переиздания классики не формулировалась в качестве важнейшей...*

— Не так давно у нас создана редакция переизданий русской классики и современной русской советской прозы. Мы считаем, что работа такого рода должна идти рука об руку с подготовкой остроактуальных книг — без воспитания нашей классикой невозможно представить себе сознательного гражданина, патриота своей Родины.

Что касается выпуска библиофильских художественных изданий, то скажу об одном оригинальном замысле. «Современник» выпустил 12 миниатюрных томов Собрания сочинений Л. Н. Толстого; 10 томов Собрания сочинений А. С. Пушкина; все книжеч-

ки помещаются в одной кассете. В том же формате выйдут собрания произведений Горького, Чехова, Гоголя, Маяковского, Лескова, Лермонтова. Таким образом, будет создана целая библиотека миниатюрных изданий классики.

Теперь расскажу о других шедеврах полиграфии. Их отличает как раз солидный формат, но главное здесь не в размерах, а в великолепном оформлении. Не так давно вышла первая из книг такого рода — «Русские былины» с иллюстрациями художников Палеха. На очереди — «Русские частушки», «Русские баллады», «Русский городской романс». Роскошные тома «Русских народных сказок» оформляют известные мастера книжной графики — москвич Владимир Вагин и хабаровчанин Геннадий Павлишин. Вообще, растет наше внимание к фольклору.

Особо отмечу уникальное издание, которое станет, вне всякого сомнения, подлинным событием не только в среде библиофилов, но и в научном мире. Это — книга о русском народном свадебном обряде, созданная по инициативе крупного русского ученого и исторического романиста Дмитрия Балашова. Великолепный памятник нашей национальной старине воздвигнут кропотливым трудом фольклористов, собиравших песни русской свадьбы на огромной территории от черноземной полосы до архангельского Севера. К книге прилагаются три грампластинки, записанные во время экспедиций. Как видите, я не жалею превосходных эпитетов для характеристики этой книги. Но она того стоит — ничего подобного никогда еще не издавалось ни у нас, ни за рубежом...

— *Те издания, которые вы назвали, — это не просто подарки книголюбу. Они представляют собой подлинные открытия — много ли знает широкий читатель, скажем, о русской балладе?*

— Продолжу эту мысль таким образом: мы иногда бываем бедны оттого, что чересчур богаты. Это, конечно, парадокс, но это так, сияние звезд первой величины — таких, как Пушкин, Толстой, Достоевский — часто затмевает высокие художественные ценности, и в разряд второстепенных попадают писатели, которые могли бы составить славу любой развитой литературе...

По инициативе Сергея Павловича Залыгина мы приступили к изданию серии «Из наследия», в которой будут выходить книги забытых или полузабытых авторов XIX — начала XX века. Первой из них стал сборник избранных произведений крестьянского писателя-самоучки С. Т. Семенова, высоко оцененного Л. Н. Толстым. Сочинения его были отмечены золотой медалью Российской Академии наук. Переиздавая его теперь, мы и вправду как бы открываем широкому читателю новое имя.

Продолжается серия «Любителям российской словесности».

Только за последнее время в составе ее увидели свет сочинения В. Ф. Одоевского, братьев Аксаковых, Н. Некрасова. Все эти имена много значили для современников, но и теперь их лучшие произведения позволяют углубить наше представление об истории русской культуры.

Новая серия «Истории лицо живое» также представит читателю ряд забытых имен. Это будет своего рода библиотека исторического романа издательства «Современник», в нее войдут как произведения писателей прошлого, так и новые работы советских авторов.

Таким образом, художественная летопись эпохи, создаваемая нашим издательством, представляет собой не просто хронику совершающегося на наших глазах. Понять величие настоящего нельзя без сопоставления его с минувшим. Назову это так: чувство корней, чувство кровного родства поколений ушедших и живущих.

Георгий Гачев

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНИЦАМ

Беседа вел Владимир Климов

Перу доктора филологических наук Георгия Дмитриевича Гачева принадлежат многочисленные книги: «Ускоренное развитие литературы», «Любовь, человек, эпоха. (Рассуждение о повести „Джамия“ Чингиза Айтматова)», «Чингиз Айтматов и мировая литература», «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр», «Жизнь художественного сознания», «Жизнь, творчество, искусство», «Образ в русской художественной культуре». В последние годы он изучает характер взаимовлияний образного мышления и естественнонаучного и то, как сказываются личностные, национальные особенности мышления в развитии точных наук, видя свою задачу в том, чтобы строить мост между гуманитарными и естественными науками...

Наша беседа с ученым началась с такого вопроса:

— Что определило направление вашей творческой деятельности? Талант? Характер? Удача? Вкус? Или что-то иное? Могли бы вы определить главные, решающие этапы формирования вашего внутреннего мира? Какую роль на каждом из них играла книга? Какая именно?

— Мой мир определили, пожалуй, важнейшие для меня вопросы: что такое жизнь, «Я» и зачем это мое «Я» — здесь? И я занялся поисками ответа на них. Понимания своих возможностей для этого у меня не было. Есть способности, нет способностей — кто мог ответить?..

С юности мне пришлось решать очень сложную дилемму... Я рос в музыкальной среде, и отец и мать были известными музыковедами. Я мучался, решая по какому пути пойти — музыкальному или литературному. Первоначально явный перевес был на стороне музыки. Даже два курса Гнесинского

училища кончил. Вот что мой отец, Дмитрий Гачев*, писал мне в те дни в своем письме:

«Ты теперь стоишь перед величайшей дилеммой — литература или музыка. В разрешении этого жизненного вопроса лучше руководствоваться своей собственной природой, своими собственными симпатиями и склонностями, не насиловать, а также не преувеличивать их значение. Трудно, разумеется, теперь тебе определенно сказать самому, какую область выбрать. Но если тебя начали уже серьезно беспокоить и волновать музыкальные идеи, мысли, мелодии, планы симфонических разработок, то лучше не препятствовать их дальнейшему развитию...»

Долго я не делал окончательного выбора. Колебание продолжалось до 26 лет... Будучи в аспирантуре Института мировой литературы имени Горького, я продолжал ходить и в Гнесинское училище, слушал лекции по музыке, писал ее. Но потом у меня произошел какой-то перелом — и я окончательно выбрал литературу...

Однако с музыкой не расстаюсь и по сей день. Собственно, тот жанр, в котором я работаю в мышлении, объясним и через музыку. Развитие мысли осуществляется симфоническим образом, в ней самой как бы находятся главная партия, побочная, модуляция, музыкальный синтез...

Но вернусь к отцу, к его значению в моей жизни... Он по типу своему такой же человек, как и я, — музыка и литература были главным делом его жизни. Он был музыковедом, автором больших статей: «Стендаль о музыке», «Ромен Роллан — художник-музыкант», но занимался также и эстетикой, написал книгу «Эстетические взгляды Дидро»...

Моя нынешняя домашняя библиотека — это, прежде всего, его библиотека, где множество очень ценных для меня книг. Отец долгое время, после окончания Института красной профессуры, был заведующим отделом редакции западной классики Гослитиздата. Он готовил к изданию сочинения Гете, Дидро, многих других писателей.

Когда судьба моя почти определилась, отец написал в другом письме, которое, как мне кажется, будет интересно для тех, кто начинает свою жизнь в мире книг:

«Поскольку ты сам уже предначертал свой будущий путь, необходимо уже теперь начать тебе работать методически и по определенной, строго выработанной системе. До сих пор твои занятия по литературе имели случайный и анархический харак-

* Дмитрий Иванович Гачев (1902—1945) — музыковед, литературовед. Автор многих статей и книг. Подробнее о нем см. в кн.: Гачев Д. Статьи. Письма. Воспоминания. М.: Музыка, 1975.

тер. Пора в них внести систему. Самое важное — не прыгать от эпохи к эпохе, от школы к школе, а спокойно и вдумчиво создавать тот необходимый фундамент, на котором тебе придется когда-нибудь, по окончании литературного института, воздвигать соответствующее здание... Необходимо начинать с литературы Древней Греции, являющейся колыбелью европейской культуры, начинать с Ренессанса. О роли и значении античной культуры считаю лишним говорить, поскольку вы уже изучали историю античного общества. Нужно напомнить тебе только, что вся европейская культура, начиная с Ренессанса, развивалась под знаменем античной культуры.

Мне представляется следующий план сжатого изучения мировой художественной литературы в основных ее представителях и произведениях:

Гомер—Илиада, Одиссея; *Эсхил*, *Софокл*, *Еврипид*, *Аристофан*—театр; *Вергилий*—Энеида (Георгики, Буколики); (*Плавт*, *Теренций*—театр); *Гораций*—оды; *Ювенал*—сатиры; (*Марциал*—Эпиграммы); *Овидий*—избр. произведения; *Данте*—Ад (Чистилище, Рай), Новая жизнь; *Ариосто*—Неистовый Роланд, *Петрарка*—сонеты; *Торквато Тассо*—Освобожденный Иерусалим; *Шекспир*—Гамлет, Макбет, Отелло, Король Лир, Ромео и Джульетта, Юлий Цезарь, Антоний и Клеопатра, Кориолан, Ричард III, Генрих IV—I и II часть; Буря, Венецианский купец, Двенадцатая ночь, Укрощение строптивой, Много шума из ничего, Как вам это понравится, Мера за меру, Цимбелин, сонеты. (Это основное.) *Филдинг*—История Тома Джонса Найденьша; *Стерн*—(Сентиментальное путешествие); *Байрон*—стихотворения, поэмы: Шильонский узник, Гяур, Корсар, Абидосская невеста, Чайльд Гарольд (Дон Жуан), Мазепа, драм. поэмы—(Манфред, Каин); *Диккенс*—Записки Пиквикского клуба, Оливер Твист, Давид Копперфильд, Николас Никльби, Домби и сын, Крошка Доррит, Холодный дом, Тяжелые времена и др.; *Шиллер*—Разбойники, Коварство и любовь, Дон Карлос, Орлеанская дева, Мария Стюарт, Вильгельм Телль, Заговор Фиеско (Трилогия «Валленштейн»), избр. стихотворения; *Гете*—Вертер, Эгмонт, Фауст (I и II часть), Ифигения в Авлиде, Герман и Доротея (Вильгельм Майстер—ученические годы и годы странствий), Рейнеке Лис, Автобиография—Поэзия и правда моей жизни, избр. стихотворения; *Гейне*—Путевые картины, Германия, Флорентинские ночи, стихотворения (Северное море, Романцеро, Новые стихотворения и пр.); *Буало*—Поэтическое искусство; *Корнель*, *Расин*—избр. театр (одномомник, изд. Гослитиздата); *Мольер*—ты уже читал основное; *Вольтер*—избр. произведения, изд. Гослитиздата; *Дидро*—Племянник Рамо (Жакфаталист...); другие произведения—в вузе. *Руссо*—кроме «Испо-

веди» и «Эмилия» и «Новую Элоизу» — обязательно Бомарше — трилогию; *Стендаль* — Красное и Черное, Красное и Белое, Пармский монастырь, Анри Брюлар, Новеллы; *Бальзак* — Шагреновая кожа, Отец Горио, Евгения Гранде, Величие и падение цезаря Бирото, Утраченные иллюзии, Гобсек, Крестьяне (Старый холостяк), (Тридцатилетняя женщина). (Это основное, другие произведения позже.) *Гюго* — Отверженные, Собор Парижской Богоматери, Труженики моря, Человек, который смеется, 93-й год, Эрнани, Король забавляется, Жиль (очевидно, Рюи. — Г. Г.) Блаз; Избр. стихотворения в изд. Гослитиздата (переводы Шенгели); *Беранже* — избр. песни; *Флобера*, *Мопассана*, *Золя*, *Франса* — в вузе; *Ромен Роллан* — Жан Кристоф — 10 книг, Кола Брюньон, Героические жизни; *Гамсун* — Голод, Пан, Виктория, Мистерии (Рабы любви).

Это является примерным списком того *минимума* художественной древней и западной литературы, с которой ты должен познакомиться к твоему вступлению в литературный институт. Я не касался русской литературы, которую вы подробно изучаете в средней школе, а лишь древней и западной, которую вы не изучаете или если и знакомитесь — то лишь в связи с чем-нибудь. Для того, чтобы у тебя было единое представление о литературном развитии, и для того, чтобы ты понял развитие художественной литературы как единый исторический процесс, необходимо параллельно с ознакомлением с художественной литературой читать и специальные исторические труды, посвященные соответствующей исторической эпохе, как, например, Историю Древней Греции Сергеева. Среди существующих историй западных литератур могу тебе рекомендовать историю древней и западных литератур в нескольких томах П. С. Когана. У нас это лучший историк литературы, который в своих трудах дает исторически связанное изложение литературных эпох и школ... В своем примерном списке я не указал „Дон Кихота“, „Гулливера“ и т. п., которых ты давно уже читал. Не указал также и на американскую литературу, с которой можно познакомиться в институте. Не указал также на боковые потоки мировой художественной литературы, такие как Ленау и Улинд, Мюссе и Жорж Санд, Мильтон и Скотт и др., с которыми ты всегда успеешь познакомиться и после средней школы. Не указал также и на Рабле, которого поймешь лучше через несколько лет. Список и без того достаточно большой. Кроме того, тебе необходимо фундаментально изучить немецкий, научиться хорошо играть на фортепиано... Произведения и авторы, взятые в скобках, — можно оставить для институтских лет...»

Итак, с раннего детства я окунулся в библиотеку отца. Помню, лет в 10—11 я составил полную ее библиографию. Это

очень важный момент в моей жизни. Была для создания библиографии придумана игра в «квартет»: на каждого писателя я завел по четыре карточки самых важных его произведений. Например, на Гоголя — «Тарас Бульба», «Мертвые души», «Ревизор», «Нос»... У меня целая коробка таких писательских «квартетов» сохранилась. В литературу, а позднее и в историю, стал входить через игру, что развивало своеобразное игровое мышление.

В университете я учился плохо. И вот почему. Всю жизнь до этого рос нелюдимым — среди книг, музыки, наедине со своими мыслями. Мне катастрофически не хватало друзей, общения. Но вот в университете как прорвало, — я всем пожертвовал ради комсомольской работы, бурной общественной жизни... Появилась куча забот, множество друзей, дел, обязательств. Как это ни парадоксально, но университет дал освобождение от того груза знаний, коими я был перенасыщен дома. В конце концов, именно этот своеобразный катарсис вывел меня в «жизнемыслие».

Это не отвлеченная для меня, абстрактная наука, а мышление — как спутник жизни, активный участник жизненного процесса. Надо, чтобы мысль стала не отвлеченной от жизни, а максимально приближенной к ней...

Ну, например, возьмем мою книгу, которую я сейчас пишу, — «Зимой с Декартом»... Он был прекрасным мыслителем, великолепно знал философию, был известен у себя на родине. Сидел у себя в Голландии и был счастлив... Но переживал он, что никому не известен, что немногие знают, какой он гений... Тогда он стал переписываться с разными людьми — из других городов, стран... Вступал с ними в полемику, отстаивал свою точку зрения, продолжал разрабатывать свою философскую систему. Слава его дошла до королевы Швеции Христины, она пригласила его преподавать философию. И он, нелюдимый, поехал по этому приглашению, мечтая передать людям свои знания, передать, так сказать, непосредственно, в прямом общении. Он, обычно привыкший писать в постели, не выдержал перемены, простудился и умер. Как же из жизни его не извлечь урока!.. Так объект размышлений служит практическому жизнемыслию, научению.

Но вернусь к книгам.

Помню один из кошмаров в моей жизни. Проснулся в комнате, которая сплошь была заставлена шкафами с книгами, и почувствовал себя замурованным среди них. Где-то идет жизнь, а ты видишь только книги и ничего более. Книг множество, все они толстые, солидные, массивные, и каждая требует отдаться ей, требует моего внимания и моего времени, смеет быть призывно и требовательно... Я понял, что эти книги взяли бы от меня не одну, а множество жизней — обезжизненных, а потому бессмыс-

ленных. И я возмущился—ушел в речной флот, резко «сменил декорации». Два года занимался физическим трудом. Сначала работал автослесарем, потом матросом на речном пароходстве (с тайной, глубоко затаенной надеждой пуститься-таки в заморское путешествие).

Многое это мне дало. Например, помогло проверить себя, возникло ощущение, что я выбрал свой путь вполне сознательно и свободно. Помогло понять, что могу прожить и физическим трудом, а не только умом и пером.

После этих двух лет у меня пробудился духовный голод, открылось как бы второе дыхание в науку...

В первый, дофлотский период я написал две книги—«Ускоренное развитие литературы» и «Любовь, человек, эпоха». Обе были изданы уже после моего возвращения из плавания, стали итогом моего тридцатилетия и завершили этот этап моей жизни.

Второй, главный период начался после. Моя мысль, как и мое поведение, стали более свободными, независимыми...

Я бы так охарактеризовал этапы моего творческого становления. Первый этап—очарование историей. Этому посвящена книга об ускоренном развитии литературы.

На втором этапе я задумался: каковы формы бытия в мышлении? Плодом раздумий стала книга «Содержательность художественных форм».

Третий этап продолжается и сегодня, связан с моим изучением национального восприятия мира...

— Хотелось бы узнать, Георгий Дмитриевич, как, на ваш взгляд, вообще может протекать влияние книги на человека, по каким каналам? Может ли оно определять формирование характера или духовного мира человека?

— Опять начну с себя. Я никогда не опирался на книги, как на самоцель, для меня они существуют только в прямой связи с жизнью. Книжная гипертрофия убийственна для жизни, убийственна для истины и для бытия духа. На разных этапах жизни книги то приближались ко мне, то отдалялись или оказывались в стороне от моих интересов. Вот так, несколько лет назад я с легкостью отринул их от себя. Мне казалось, полностью переключившись на философию, я кратчайшим путем научусь жизни. Мне всегда—а сейчас особенно—хотелось быть живым, живым и только, «живым и только, до конца». Находиться в постоянном состоянии вопрошаемости, быть открытым миру, жизни, бытию—вот мой первейший принцип. Никакой системности у меня или своей системы—нет. И потому, быть может, в последнее время опять все больше и больше начинаю ценить литературу и искусство, все чаще обращаюсь к ним. И поэтому разговор о

книжной стороне моего формирования для меня лично важен сегодня, как никогда раньше. Определяющим здесь является уже цитированное здесь письмо моего отца, ориентированное по преимуществу на Элладу. Я последовал его совету. Так впервые, чрезвычайно всерьез, в меня вошли литература, культура Древней Греции.

Потом, в университете, я писал о романтизме, об эстетике Шелли, увлекся исследовательской работой, приобрел вкус к библиотекам. Из других моих писаний тех лет назову исследование о Садко, о характере и природе русской рифмы. Здесь мне очень помогло музыкальное образование, чуткость к таким музыкально-поэтическим явлениям, как метр и ритм.

На филологическом факультете я кончил два отделения, славянское и романо-германское. Писал о болгарском поэте Христо Смирненском, значение которого для Болгарии такое же, как Маяковского для России.

По окончании университета предложили остаться в Москве, в издательстве «Прогресс» на болгарском отделении, но я поехал учительствовать в Брянск, в среднюю школу, преподавая литературу. Потом вернулся в Москву, поступил в аспирантуру.

И вот в процессе исследования и озарила меня идея, о которой я здесь уже упоминал, что существует ускоренное развитие литературы. Я решил сопоставить болгарскую литературу с мировым литературным процессом.

Что бы ни было, как бы индивидуально ни развивалась страна, ее культура обязательно должна пройти необходимые фазы, освоенные мировой культурой, и соотноситься с ними. Пятьдесят лет болгарской литературы помогли мне понять то, что происходило в литературе Европы на отдельных этапах. Удалось соединить все мои наблюдения воедино. Здесь очень помог Гегель с его принципом единства логического и исторического.

Когда гипноз истории, довлевший надо мной, я стал преодолевать,— мне помог Михаил Бахтин, его книга о Рабле, карнавале... Случилось это тогда, когда я начал писать свое исследование о содержательности художественных форм. В то время я вел дневник. Перечитывая его и свое исследование о художественных формах, я внезапно обнаружил явственную перекличку между ними—объективным текстом и субъективной жизнью. Объективный текст содержал художественные элементы, мой дневник—записи моих страстей и моей жизни в дни работы над исследованием. Мой объект и я воссоединились. Тогда я стал писать автокомментарий к этим дневникам. Так получился как бы трехслойный текст, отлившийся в книгу «Шестьдесят дней в мышлении». В ней я впервые вышел на принцип, называемый мной жизнемыслью. Это объемистая книга, половина которой—

то есть чисто исследовательская часть — издана как «Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр)».

После возвращения из флота мной была написана книга «Осень с Кантом».

С 1967 года начался период «естествознания».

— *Георгий Дмитриевич, мы многое уже узнали о вас. Но хотелось бы теперь понять, какие конкретно книги оказали влияние на формирование вашего духовного, нравственного мира. Какие литературные вкусы определяют ваши оригинальные и неожиданные идеи и столь радикальные поиски. Итак, проведите, пожалуйста, краткую экскурсию по вашей библиотеке, расскажите о круге вашего чтения.*

— Библиотеку, как уже говорил, собирал вначале мой отец. В ней много редких книг, старых — издания «Academia», много книг по филологии, истории культуры, по музыке и искусству... Ну и, конечно, художественная литература.

Я, к сожалению, чаще транжирил, раздавал книги, нежели собирал. Но поскольку не только транжирил, меня все время преследовал вопрос — что собирать? Ведь интересы мои постоянно менялись. Сначала много приобрел книг по литературоведению, далеко не все успел прочитать, как увлекся естествознанием. И многое осталось непрочитанным. Сейчас новые увлечения, но уверен, что многие из ныне покупаемых книг не дадут мне необходимой интеллектуальной информации, так как просто не доберусь до них...

По своим литературным вкусам и предпочтениям — я архаист и классик. В литературе XX века многое мне близко. Но предпочтение отдаю прошлому...

Из русских классиков — это прежде всего Державин. Он первым, еще в отрочестве, когда мне было лет пятнадцать, очень мощно вошел в меня...

И вечно стих жерлом пожрется
И смерть нам смотрит груз забот...

Очень своеобразный литературный стиль Державина, где запросто сочетается низкое и высокое, повлиял на мой собственный стиль. Бурная какофоничность, дисгармония художественных средств, совмещение в одной фразе внешне несовместимых звуков — вот приметы державинской поэзии, чрезвычайно близкие мне...

Мой вечный спутник — Пушкин...

Потом Л. Толстой. А еще — был и есть — Ф. Достоевский.

С отрочества, вместе с Державиным, очень сильно влиял Маяковский. Своим раскованным сознанием и вольным словом. Маяковский в этом смысле — велик. Как освободитель, дерзкий и на дерзание толкающий.

В последние годы увлекся Андреем Платоновым. Это не просто прекрасный стилист. Это человек народа, синтезировавший и воплотивший народные революционные чаянья.

И, конечно, Тютчев...

Из классиков — люблю древних греков. Платона, конечно, как писателя и как философа...

Гете и Шиллер, Томас Манн...

— В нашей очень насыщенной идеями и мыслями беседе нетрудно, что называется, утонуть. Множество имен, фактов, ситуаций. Философия вообще, как известно, наука непростая. Многие из тех, кто стремился освоить ее по книгам, вероятно, отшатывались в страхе, понимая, что сотни, тысячи философских томов им не осилить. Тут нужна какая-то система философских знаний, какой-то золотой ключик, могущий помочь людям разобраться в этой мудрой и серьезной области познания. В чем, по-вашему, суть философских исканий?..

— Сам я страдал от той же проблемы. И ужас от бессистемности в поисках испытал. И сейчас испытываю. Об этом же говорит одна притча. Однажды царь собрал мудрецов и попросил их ответить на вопрос — в чем суть жизни. Они долго работали и принесли царю пять толстых томов. Царь говорит: «Я не успею прочитать, сделайте покороче». Мудрецы еще три года работали и доставили царю один увесистый том. А царь — уже при смерти. Тогда одного из мудрецов подвели к царю и он молвил ему эту суть: «Человек родился, жил, терпел, исчез...»

Так и с этим множеством книг. Фактически, при всем их многообразии, суть одна. И все над одним и тем же вопросом бьются, но часто используют для этого самую разную терминологию. Надо так углубиться в философские проблемы, чтобы почувствовать их в себе...

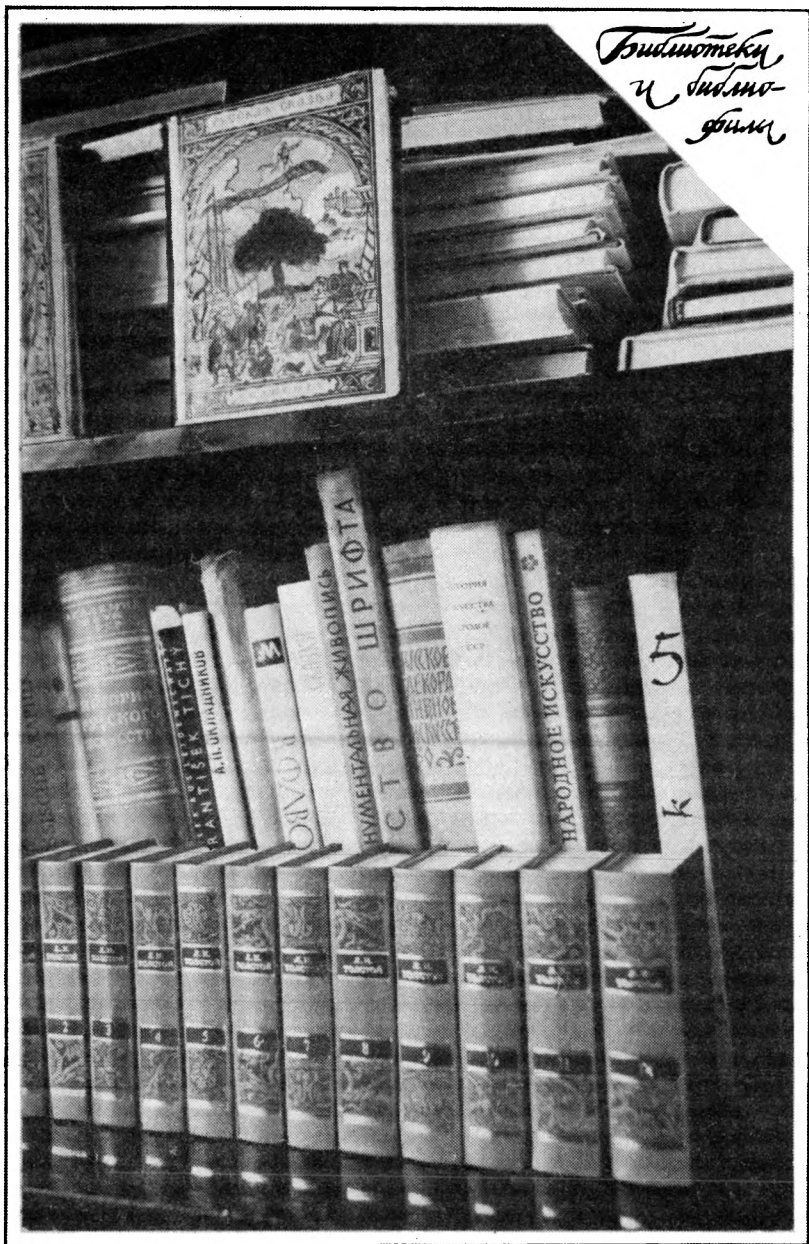
Владимир Фалеев

РОЖДЕННЫЙ В ЗЕМЛЯНКЕ

Рожденный в землянке,
Угрюм и суров,
Таит он затишье во взгляде.
Он вздрогнет от шороха
Чьих-то шагов,
Как будто от взрыва снаряда.

Стреляет с экранов,
Из книжек война
Жестоким огнем откровенья.
Ему ж в подсознание
Засела она
Осколком еще до рожденья.

*Библиотека
и кино-
фонд*

Библиотека—это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет; это—запасный магазин, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост.

А. И. ГЕРЦЕН

С какую жадностью, как плотно я приник
К стоцветным стеклам, к окнам вещей книг,
И увидел сквозь них просторы и сиянья,
Лучей и форм неизвестных сочетанья,
Услышал странные, родные имена...
И годы я стоял, безумный, у окна...

В. Я. БРЮСОВ

Е. Македонская
СПУТНИК ПРОФЕССИИ

Кто не знает народного артиста СССР Бориса Михайловича Тенина, создавшего более чем за 60 лет творческой деятельности незабываемые образы в кино, театре, на телевидении? А между тем мало кому известно, что Борис Михайлович — страстный библиофил, владелец замечательной библиотеки.

Увлечение книгами пришло к Б. М. Тенину еще в раннем детстве, в Туле. В семье железнодорожного служащего, где родился Борис Михайлович, любили книгу, любили читать. Отец часто брал с собой Бориса в библиотеку тульского Заречья. Пока он менял для себя подшивки «Нивы», «Вокруг света», «Природа и люди» и другие журналы, которые он очень ценил, считал зеркалом своего времени, а для матери — томики А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, А. Шеллера-Михайлова или Л. Андреева, Борис рассматривал картинки. Так, впервые с печатным словом познакомил журнал будущего библиофила.

На тульских ярмарках мальчику начали покупать и первые книжки: запомнившиеся ему на всю жизнь изданные И. Д. Сытиным в мягких обложках с цветными картинками «Бова-королевич», «Руслан и Людмила», «Вий», «Страшная месть», «Пан Твардовский» и другие. Среди них были и выпущенные в Москве в 1901 году Е. И. Коноваловой «Анекдоты шута Балакирева». Эту, небольшого формата книжечку, полное название которой: «Собрание точных сведений о весьма замечательной личности и о самой жизни бывшего при дворе Петра Великого шута Балакирева, сведение о его сыне и все анекдоты его, Балакирева», много-много лет спустя, в 1948 году, приобрел Б. М. Тенин в букинистическом магазине; она была уже одета в твердый переплет, но сохранила под этим «защитным плащом» свое первоначальное «яркое платье» — мягкую обложку. На ней изображен шут с большим мечом, ударяющий в бубен, верхом на кабане в срубе и с колокольчиком. Эта книжечка стоит среди многих других в библиотеке артиста, стоит, улыбаясь ему из далекого детства...

Б. М. Тенин в своей библиотеке

Самое сильное впечатление в детские годы произвел на Б. Тенина полученный в подарок и уже прочитанный самостоятельно «Тарас Бульба».

Посещения с отцом библиотеки не прошли даром. Самое первое свое книжное собрание, которое Тенин называет теперь «предбиблиотекой», он уподобил «настоящей», большой: все книжечки были выстроены в ряд, в алфавитном порядке; на каждую наклеен ярлычок, а с помощью подаренного ему детского набора «Гутенберг» все проштемпелеваны. И вот у окна своей комнатки за импровизированной кафедрой юный библиотекарь выдает книжки ребятам со двора. Идет игра в библиотеку...

Любовь к книге выростала параллельно с другим, не менее сильным увлечением,—театром. Сколь заманчивой была мечта стать актером, рассказчиком, куплетистом, фокусником, можно судить по тому, что в 1919 году четырнадцатилетний Борис

Тенин, переехав в Москву к переведенному туда на партийную работу отцу, захватил с собой из родного города сборники частушек и куплетов и поступил в драматическую студию Бутырского Совдепа. С этого момента начался артист Борис Михайлович Тенин. Одновременно стал формироваться библиофил.

Простаивая часами перед прилавками книжного магазина С. Ф. Рассохина на углу Тверской и Георгиевского переулка, где распродавалась огромная библиотека* его владельца, молодой библиофил выбирал из груды книг те произведения, которые могли бы послужить ему как актеру. Это были преимущественно одноактные пьесы, переписанные от руки нищими обитателями ночлежки знаменитого Хитрова рынка, описанными В. А. Гиляровским, и затем размноженные.

Деньги, заработанные участием в передвижных театральных коллективах, шли на приобретение Полного собрания сочинений А. П. Чехова в издании А. Ф. Маркса, великолепного издания произведений Л. Н. Толстого с рисунками В. С. Сварога — в коричневых переплетах с металлическими барельефами, Полного собрания сочинений Ч. Диккенса издания Ф. Ф. Павленкова, сборников А. Т. Аверченко, Тэффи, М. М. Зощенко.

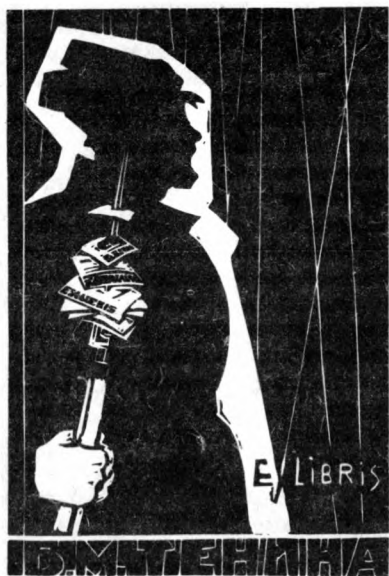
Так начала складываться московская юношеская библиотека. Со временем она разрослась, пополнилась Собранием сочинений Ги де Мопассана в издании «Шиповник», полным комплектом журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», произведениями Н. А. Лейкина, И. И. Мясницкого и многих других.

В этот первый московский период наметилось еще одно увлечение Бориса Михайловича, выросшее позже в самостоятельную ветвь его собирательства, — карикатура, шарж, юмор, сатира. Работая в передвижных театральные коллективах, часто гастролируя, Тенин стал записывать и, таким образом, собирать всякого рода курьезы — экспромты, короткие истории, кем-то оброненные смешные фразы или даже отдельные слова, импровизированные частушки, анекдоты.

К сожалению, при переезде в Ленинград в 1937 году, когда Н. П. Акимов пригласил уже популярного артиста Б. М. Тенина в Ленинградский театр комедии, почти все это было утрачено. Но, как случается с истинными библиофилами, Тенин вновь устремился к букинистам.

С 1938 года начался короткий, ленинградский период создания второй библиотеки.

* Большая часть библиотеки поступила позже в Центральную театральную библиотеку.

Экслибрисы Б. М. Тенина

Борис Михайлович вновь собирает полностью «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», отдельные произведения писателей-сатириков, восстанавливает частично то, что было утеряно при переезде. В гостиницах «Европейская» и «Астория», где он живет в предвоенное время, а затем — вместе с женой, актрисой того же театра Л. П. Сухаревской, в первые военные годы, самым большим богатством, источником тепла в малоустроенной жизни были книги. И в первую очередь — произведения М. М. Зощенко. Личное знакомство с необыкновенно остроумным и редко улыбавшимся Михаилом Михайловичем Зощенко произошло здесь же, в Ленинграде, чему немало способствовал художник и главный режиссер Театра комедии Н. П. Акимов, с удивительным талантом умевший объединять вокруг руководимого им театра интересных людей.

Книги по истории, психологии, мемуары, Малая советская энциклопедия, годовые комплекты мало кому теперь известных сатирических журналов «Смехач», «Бегемот», «Ревизор», собрания сочинений О. Генри, П. Вудхауза, В. Джекобса, М. Твена, даже Полное собрание сочинений Понсона дю Террайля со всеми приключениями Рокамболя, «Молодость Генриха», Поль де Кок, Жорж Санд и т. д. — вот далеко не полный состав второй библиотеки Б. М. Тенина.

Началась война... Из блокадного Ленинграда в декабре 1942 года Театр комедии эвакуировался в Сталинабад. «Пришлось расстаться с этой библиотекой, — вспоминает Б. М. Тенин. — Забрал с собою около двадцати книг одного О'Генри, благо они были наиболее портативны».

Потеряв две библиотеки, актер поклялся больше книг не покупать, но в 1944 году, вернувшись в Москву, стал клятвopепреступником: первая же зарплата ушла в букинистические магазины и на Цветной (теперь Центральный) рынок, где продавалось несметное количество литературы. Так было положено начало третьей, последней, самой крупной библиотеке — своеобразному «репортажу из мира», как называют ее Борис Михайлович и Лидия Павловна.

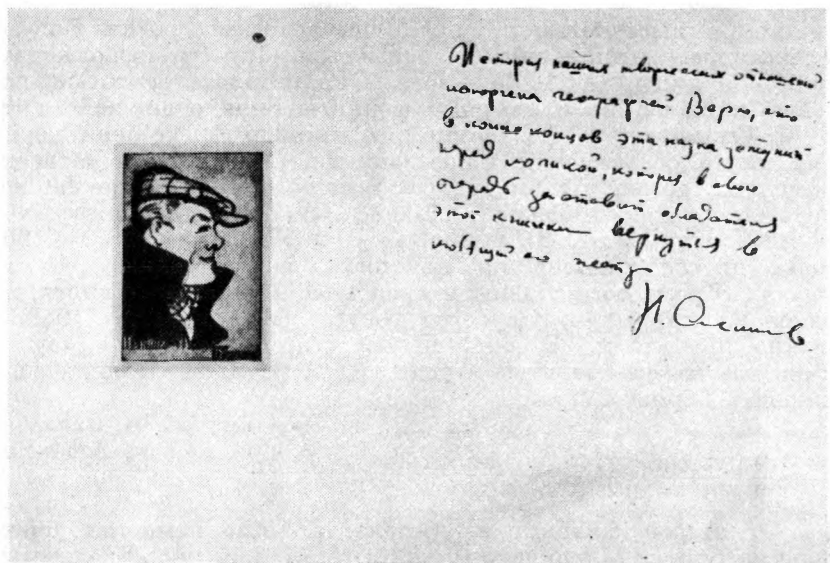
Настоящий состав библиотеки таков, что проследить все пути и истоки поступления в нее книг — дело чрезвычайно сложное, требующее много времени. И все же... библиофил вспоминает старого московского букиниста М. И. Логина, у которого куплены 86-томный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и снова 30-томное Собрание сочинений Ги де Мопассана в издании «Шиповник», но уже в первоизданном состоянии — в папках, семитомник «Падение царского режима», выпущенный в Ленинграде в 1920-е годы, в третий раз (!) «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», разнообразные мемуары и др.

Обмен книгами... Борис Михайлович относится к нему положительно. Многие ли знают, что у М. Н. Бернеса была большая библиотека? Он собирал произведения современных западных писателей, увлекался приключенческой литературой. Добрые отношения у Б. М. Тенина с М. Н. Бернесом завязались еще в то время, когда оба снимались в фильме «Человек с ружьем». Однажды, увидев у Бернеса великолепное, четвертое, самое подробное, вольфовское издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, Борис Михайлович уговорил Марка Наумовича отдать ему этот словарь за «кучу», как говорит Тенин, книг любимого Бернесом жанра. Обмен состоялся и, более того, послужил началом пробуждения у Бориса Михайловича огромного интереса к справочной литературе.

Двухтомный библиографический указатель, составленный Вен. Вишневским, «Театральная периодика» (М.; Л., 1941), имевшийся у Бориса Михайловича в двух экземплярах, был обменян им на недостающий том «Пантеона русских театров» из дублетных фондов Московской библиотеки ВТО. Оттуда же в результате обмена на полки библиотеки Тенина встал ряд годовых комплектов журнала «Театр и искусство». В обмен на некоторые дублетные экземпляры литературы о книжных знаках Б. М. Тенин получил от коллекционера А. С. Зуева из Винницы интересные его издания: «Тарантас. Путевые приключения. Сочинение графа В. А. Соллогуба» (Спб., 1845) изд. книгопродавца Андрея Иванова и «Летопись русского театра» Пимена Арапова (Спб., 1861) с автографом академика архитектуры С. В. Бессонова.

Подобных примеров обмена книгами можно было бы привести еще очень много, но перейдем к книгам-подаркам, составляющим большую и очень интересную часть библиотеки артиста. Здесь два вида изданий: просто подарки и книги с автографами и дарственными надписями.

Николай Павлович Акимов «просто» подарил Борису Михайловичу Тенину два замечательных издания на французском языке: «Клошмерль» Габриэля Шевалье — книгу, выпущенную в 1934 году в Париже, нумерованный экземпляр с прекрасными рисунками Дюбу, и парижское издание Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона» (в этом же переплете: «Последние приключения знаменитого Тартарена» и «Тартарен в Альпах») с иллюстрациями Дютриака. Просто ли подарил? И да, и нет: первую книжку — чтобы доставить удовольствие своему другу, большому любителю и собирателю карикатур, великолепными рисунками французского художника, а вторую — «с прицелом». Запечатленный рукой талантливого Дютриака облик Тартарена должен был послужить артисту для создания образа Мюзероля в комедии

Надпись Н. П. Акимова на книге А. А. Бартошевича

Э. Лабиша «Святыня брака», которая и была поставлена Н. П. Акимовым в 1935 году в Московском мюзик-холле.

Когда после войны творческие дороги привели Б. М. Тенина в Москву и ему пришлось проститься с Ленинградским театром комедии, Н. П. Акимов, сохраняя в сердце нежность и любовь к соратнику и другу, не раз преподносил ему книги, где «огрызался» дарственными надписями. Так, на книге А. А. Бартошевича «Акимов» (Л., 1933) он пишет: «История наших творческих отношений испорчена географией. Верю, что в конце концов эта наука уступит перед логикой, которая в свою очередь заставит обладателя этой книжки вернуться в любящий его театр. Н. Акимов».

И уже незадолго до смерти Николай Павлович Акимов на титульном листе своей книги «О театре» (М.; Л., 1962) делает такую надпись: «Дорогой Борис Михайлович! Всегда с нежностью вспоминаю совместную работу и со злостью Вас при каждом распределении ролей.

14/XI—64

Н. Акимов».

В 1933 году* в Московском мюзик-холле Борис Михайлович Тенин познакомился с работавшим там же знаменитым иллюзи-

онистом, выступавшим под псевдонимом «Алли-Вад», — Александром Алексеевичем Вадимовым. Дружба продолжалась до конца жизни А. А. Вадимова. Она питалась не только любовью к сцене, но и любовью к книге. Зная о детской мечте Б. М. Тенина стать фокусником, Александр Алексеевич дарил ему книги об искусстве иллюзионизма. Среди них и каталоги немецких торговых фирм фокусов: *Spezial-Fabrikation von Zauberapparaten und Illusionen. Mago, Qualitäts-Erzeugnisse von Weltruf* (Katalog A, B), журналы «Der Magier» за 1961—1962 годы, другие издания на немецком, английском и русском языках. Кроме того, Вадимов преподнес Тенину свои книги, на одной из которых — «Искусство фокуса» (М.: Искусство, 1959) — можно прочитать: «В знак нашей старой дружбы, в память славных мюзик-холльных годин и встречи в Сталинабаде* дивному Борису Тенину.

А. Вадимов,
он же Алли-Вад

1960, Москва».

От второй библиотеки уцелела, в числе немногих, очень дорогая Борису Михайловичу книга М. М. Зоценко «Уважаемые граждане. Избранные рассказы», выпущенная в Ленинграде в 1940 году. В 1941 году автор подарил ее Тенину с такой надписью: «Дорогому Борису Михайловичу Тенину с любовью и почитанием».

Из «дарителей», друзей Б. М. Тенина, к великому сожалению, большинства давно уже нет в живых. Нет и замечательного поэта Михаила Аркадьевича Светлова. Дружба с ним многие годы связывала Бориса Михайловича Тенина и Лидию Павловну Сухаревскую, талант которой он высоко ценил. Осталась у них его книга «Избранные стихи» (М., 1935), подаренная автором вскоре после окончания войны. Надпись, сделанная рукой М. Светлова, вылилась в каламбур, очевидно, мало известный собирателям светловского юмора:

«Совсем просты мои мечты,
Мой новый день, как день вчерашний,
Хочу, чтоб встали я и ты
В искусстве Сухаревской башней!

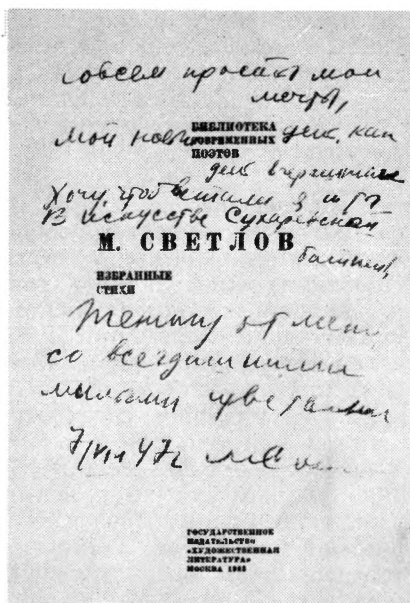
Тенину от меня со всегдашними
милыми чувствами.

7/VIII-47 г.

М. Светлов».

* А. А. Вадимов в составе артистов Московского цирка также был эвакуирован во время войны в Сталинабад.

Дружба с М. Светловым долгие годы связывала Б. Тенина. О ней говорит дарственная надпись, оставленная поэтом на книге своих стихотворений

Кажется, совсем недавно все мы видели и слышали неиссякаемого юмориста, незабываемого рассказчика Виктора Ефимовича Ардова. Вот уже несколько лет, как нет и его... Борис Михайлович очень любил Виктора Ефимовича. В его кабинете на видном месте висит дружеский шарж на Ардова, подписанный Л. С. Самойловым. Популярный художник-карикатурист, работы которого хорошо известны по журналам «Крокодил», «Театральная жизнь», изобразил В. Е. Ардова со скорбным выражением на лице, руки оттягивают сумки-сетки, набитые книгами с его сочинениями. Раму составляют названия жанров, в которых работал писатель-юморист: «Водевиль», «Пьеса», «Оперетта», «Фельетон», «Рассказ», «Сценарии». На синем галстуке Ардова, перехлестывающем нижнюю планку рамы,—75. В 1975 году Л. С. Самойлов сделал этот шаржированный портрет к 75-летию В. Е. Ардова и подарил ему. Через год Ардова не стало. В 1978 году художник подарил Б. М. Тенину авторское повторение с такой надписью: «Борису Михайловичу Тенину—в память о нашем общем друге. Л. Самойлов. 1978 г.».

Висит в кабинете и фотография, подаренная В. Е. Ардовым десятью годами раньше: «Старому другу Борису Тенину. В. Ардов. VI-68 г.», а на полке стоит преподнесенная Ардовым сразу

же после выхода в свет книга «Юмористические рассказы» (М., 1965). Торопливые буквы, наскაკивая друг на друга, бегут вокруг портрета автора, складываясь в такие слова:

«Борису Тенину — талантливому актеру, бешеному книголюбу, старому моему другу в его замечательную коллекцию книг и всяческого барахла. Фев. 65.

В. Ардов».

«Всяческим бараклом» Виктор Ардов называл и собрание карикатур, и уникальное собрание книжных знаков, и газетные и журнальные вырезки, мелкую пластику и многое-многое другое, тщательно подобранное и хранимое Б. М. Тениным.

Мог ли народный артист СССР Юрий Михайлович Юрьев, внимательно следивший за творческими успехами Б. М. Тенина в ленинградский период, часто бывавший у Тенина и Сухаревской «дома» — в гостиницах «Европейская» и «Астория», где они жили, не подарить своей книги «Записки. 1872—1893», выпущенной издательством «Искусство» в 1939 году? Надпись «От души желаю Вам, дорогой Борис Михайлович, быть таким же талантливым художником в своей собственной жизни, каким Вы всегда на сцене. Дружески Юр. Юрьев. 1945. Москва» Тенин рассматривает как оценку своего труда, свидетелем которого тогда был сам замечательный артист Ю. М. Юрьев.

Друг Бориса Михайловича и Лидии Павловны поэтесса Наталья Кончаловская, зная об особой любви Тенина к книгам о Москве, подарила им в 1965 году свое сочинение «Наша древняя столица», вышедшее в издательстве «Детская литература» (М., 1962), и снабдила его такой шуточно-детской надписью: «Моим дорогим Лилечке и Боречке (страстному москволюбу) от Наташеньки, писавшей эту книжечку 15 лет! Вот как! Кончаловская».

Наши телезрители хорошо помнят образ комиссара Мегрэ, мастерски созданный Б. М. Тениным. Высокую оценку исполнения этой роли Борисом Михайловичем дал автор — известный французский писатель Жорж Сименон. В знак признания «лучшего Мегрэ» Ж. Сименон прислал Б. М. Тенину свои фотографии с дарственными надписями, ныне украшающие одну из стен кабинета артиста. Исследователь творчества Ж. Сименона Н. А. Модестова, в свою очередь, подарила Борису Михайловичу написанную ею книгу «Комиссар Мегрэ и его автор» с такой надписью: «Борису Михайловичу Тенину — первому советскому (и отличному!) Мегрэ с искренним уважением от автора. 30/V—74».

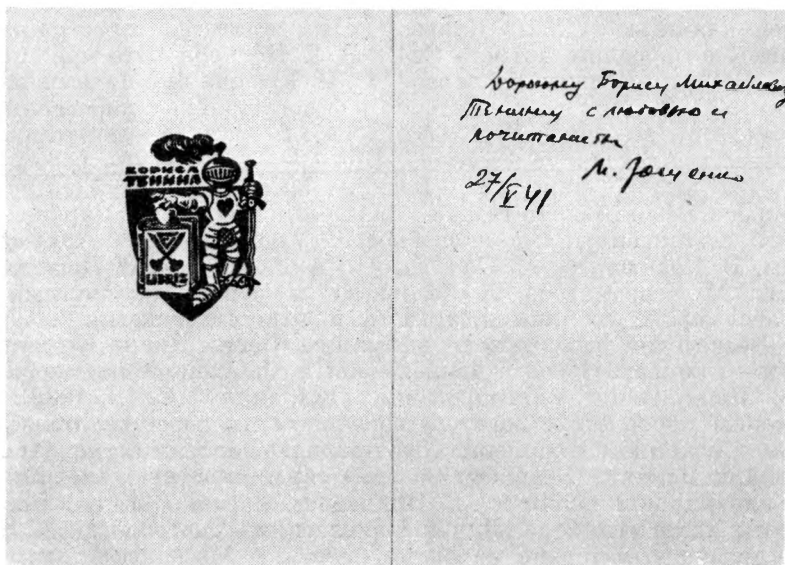
Б. М. Тенин специально не собирал автографы, но получалось так, что они сами неизбежно стекались в его библиотеку. Здесь и подаренная в числе других одним из Кукрыниксов М. В. Куприяновым книга «Втроем» (М., 1975) с соответству-

ющей надписью «От 1/3 Кукрыниксов», и книга с пространной надписью народного артиста СССР В. Я. Петкера «Это мой мир» (М., 1968), и «Человек на экране» С. И. Юткевича с автографом, и книга С. В. Образцова «История в фотографиях» с дарственной надписью, и все книги Рудольфа Славского о цирке и пантомиме, и повесть Александра Бартэна «Под брезентовым шатром», на которой автор написал: «Борису Михайловичу Тенину — прекрасному мастеру театра, благородному другу цирка», и книги, надписанные С. Антоновым, Л. Малюгиным, В. Ардаматским, В. Поляковым, М. Слободским, А. Раскиным, В. Дыховичным, М. Левитиным, Л. Леоновым и многими другими — писателями, художниками, артистами, искусствоведами.

Безусловно, заслуживают внимания «Басни Ивана Крылова. В восьми книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. Изданием книгопродавца Смирдина» (СПб., 1833), в кожаном переплете с золотым тиснением на корешке, прижизненное издание баснописца. Оно принадлежало известному библиофилу Демьяну Бедному. Об этом свидетельствует сделанная им карандашом надпись: «Е. Придворов. 2 фев. 1939 г.». После смерти поэта его жена, Лидия Николаевна, с которой Б. М. Тенин познакомился еще во время работы в Московском мюзикхолле, где играли обозрение Д. Бедного «Как 14-я дивизия в рай шла», подарила эту книжку артисту: «Милому Борису Михайловичу Тенину. Л. Н. Придворова». Помимо этих двух надписей на книге стоит штамп, принадлежавший Д. Бедному: «Москва, Рождественский бульвар, д. 18. Демьян Бедный».

Разговор об автографах и дарственных надписях был бы неполным, если не упомянуть некоторые книги с авторскими надписями, не имеющими отношения к нынешнему их владельцу, но интересные сами по себе. Это и отдельные тома из библиотеки С. Шереметева, С. Эйзенштейна, А. Будищева, Н. Евреинова, А. Аверченко и другие. К творчеству Аркадия Аверченко, как уже упоминалось, Б. М. Тенин питает особую любовь. Именно поэтому экземпляр из библиотеки А. Аверченко представляет для него особую ценность. Речь идет о книге одного из авторов «Сатирикона» Владимира Воинова «Солнечные рассказы». На титульном листе внизу Б. М. Тенин записал карандашом: «Экземпляр из библиотеки А. Т. Аверченко. Б. Тенин», а на обороте титульного листа автор этой книги аккуратным почерком написал следующие строки:

«Великолепному Аркадию Тимофеевичу с глубоким уважением, теплой любовью и крепкой благодарностью за воистину братское отношение, без которого я и до сих пор продолжал бы, по всей вероятности, медленно и упорно „спиваться“ в какой-нибудь гнусной провинциальной дыре. Вот уже пять лет кануло в

Автограф М. Зоценко на книге, подаренной Б. Тенину

Лету с тех пор, как на страницах Вашего славного журнала впервые был помещен мой незрелый, ребяческий лепет. „Многое переменялось в жизни для меня“, еще больше всяческих „перемен“ предстоит в далеком и недалеком будущем. Вручая Вам первую мою книгу (изданную опять-таки „под Вашей рукою“), хочу одного—что бы ни случилось, верьте, милый Аркадий Тимофеевич, что во мне никогда не умрет самая искренняя любовь к Вам и чувство великой признательности за все, что Вы для меня сделали.

Дай бог, не один год еще поработать нам вместе на процветание нашего славного, единственного и честного Сатирикона.

Владимир Воинов».

Эта дарственная надпись-исповедь могла бы быть полезна исследователям творчества сатириконцев.

Хранится у Б. М. Тенина и книга, принадлежавшая замечательному мастеру акварели и гравюры, автору интереснейших «Автобиографических записок» Анне Петровне Остроумовой-Лебедевой,—М. Кузмин и Всеv. Воинов. «Д. Митрохин» (М., 1922)—с дарственной надписью: «Глубокоуважаемой Анне Петровне Остроумовой-Лебедевой, автору прекрасных поэтических

гравюр на дереве. Д. Митрохин. 31/III—1923». На титуле наклеен экслибрис, сделанный Остроумовой-Лебедевой для себя.

Имеются в библиотеке Б. М. Тенина и другие книги с автографами, адресованными лицам, остающимся пока неизвестными ни их нынешнему владельцу, ни автору этой статьи.

* * *

Нажмем кнопку фарфорового звонка— и распахнется алая, с двумя медными табличками дверь в квартиру... нет! сразу в библиотеку Бориса Михайловича. Уже в прихожей, слева и справа, с полок, тесно окруживших искусно сооруженный руками хозяина камин, в мягком свете восточного фонаря, смотрят на входящего книги и журналы, пережившие своих авторов, издателей, бывших владельцев... Здесь максимально использовано малейшее пространство, любой, самый малый, простенок для того, чтобы заселить их книгами. Но пройдем в кабинет.

Стен здесь не чetyре—гораздо больше. Они образованы устремившимися к потолку стеллажами, между которыми умением Бориса Михайловича устроены маленькие библиотечные уголки, заполненные изданиями в соответствии с организацией его книжного собрания. Каждый из таких библиотечных уголков оборудован своей миниатюрной осветительной системой, так что добраться к книгам можно в любое время. Строго соблюдается однажды принятый порядок: все книги стоят только в один ряд.

Итак, стеллажи, свисающие с потолка полки, полки-мостики, соединяющие стеллажи и образующие своеобразные двухсторонние ниши или антресоли, передвижные столики на колесиках, заполненные новинками и справочной литературой—и везде царит порядок.

При входе в квартиру Б. М. Тенина сразу понимаешь, что здесь живет библиофил; в кабинете же сразу понимаешь, что хозяин его еще и артист. В прихожей на незанятых книгами местах нас встречают портрет Л. Н. Толстого работы художника Ю. Масютина, фотографии К. С. Станиславского и Б. Шоу, прекрасные китайские акварели XVIII века на рисовой бумаге, выстроившиеся в ряд вдоль книжной полки маски величиною в половину утиного яйца, купленные во время гастролей в Китае на рынке в 1950 году и представляющие персонажи китайской оперы, бюст Вс. Мейерхольда на каминной доске и т. п. В кабинете на торцах стеллажей, на единственной, свободной стене—над тахтой—фотографии и рисунки артистов и писателей, карикатуры и дружеские шаржи, старые экслибрисы в рамочках под стеклом, деревянные маски и прочее. Полка над тахтой уставлена дымковской игрушкой, деревянными и глина-

ными смешными фигурками; с маленьких полочек смотрят фарфоровые и terracottовые литературные и сценические герои, улыбается по-доброму шаржированный ленинградским скульптором Кавенчик в тонированном гипсе сам хозяин дома, сидит вошедший в историю советского кино алебастровый Иван Шадрин, сыгранный Б. М. Тениным в фильме «Человек с ружьем».

Многое сделано руками Бориса Михайловича Тенина (недалом в кабинете есть и уголок-мастерская)—от обитой «под старину» и украшенной бронзовыми фигурками входной двери до каталожных ящичков, коллекционных папок и переплетов. Здесь все — свидетельство мастерства, вкуса и широкого диапазона увлечений хозяина.

Каталог его библиотеки внешне отличается от традиционно. Карточки для него Борис Михайлович не покупал, а нарезал сам, намеренно уменьшив привычный формат. Они не обычной формы, а вытянуты вверх и напоминают страницу книги. На карточки тщательно занесено в основном все, что имеется на титульном листе соответствующей книги, в том же порядке.

Структура библиотеки полностью подчинена интересам ее владельца. «Спутником профессии я называю свою библиотеку,— говорит Б. М. Тенин,— а она включает книги по многим специальностям». Книжное собрание артиста можно было бы разделить на два больших отдела — отечественную и зарубежную переводную литературу. Подразделами отечественной служат: художественная литература, приключенческая литература, мемуары и эпистолярное наследие, включающие мемуары театральные, общественных деятелей, политические, мемуары художников; театр и актерское мастерство, куда входят: история театра, техника театра, театр и критика, искусство малых форм (монологи, сцены, история, теория), цирк и прочие народные зрелища в истории, теории, очерках, мемуарах и художественной литературе; драматургия театра, Художественный театр, монографии по персоналиям, которые Б. М. Тенин называет своей «актерской библией»: К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, Е. Б. Вахтангов, Н. Н. Евреинов, Н. П. Акимов, С. И. Юткевич, Г. А. Товстоногов; и такие, как А. Н. Островский, Ж.-Б. Мольер, В. В. Шкловский, Б. Брехт, Ч. С. Чаплин и другие, входящие в соответствующие разделы библиотеки по отечественному или зарубежному театру; художественная литература народов СССР; фольклор русский и народов СССР; история отечества; литература о Москве; города Советского Союза; здоровье; государство и право; философия, психология, социология, религия, атеизм; словари, энциклопедии (Брокгауза и Ефрона, издания Гранат, историческая, литературная, театральная) и другие справочники; литературоведение; языковедение; книговедение; юмористика в

отдельных изданиях, юмористика в смешанных сборниках, литература о юморе и сатире; изобразительное искусство (графика и живопись в альбомах), литература о художниках, образцы книжных иллюстраций; литература о книжных знаках; журналы и приложения к журналам; антиквариат.

Примерно так же отражена в картотеке и переводная литература. Понятно, что подробно остановиться на каждом подразделе невозможно, поэтому отметим главное. Во-первых, такая классификация свидетельствует о том, что библиотека действительно охватывает книги по многим специальностям; одни из них имеют прямое отношение к профессии ее владельца, а другие — косвенное. Но в правилах истинного библиофила, каковым является Борис Михайлович Тенин, — собирать все, что удастся по предмету исследования или увлечения. Так, подраздел «отечественная художественная литература» составлен по принципу: «Л. Н. Толстой и все о нем», «Ф. М. Достоевский и все о нем», «А. П. Чехов и все о нем» и т. д. В понятие «все о нем» входят и постоянно пополняемые газетные и журнальные вырезки. Самым же ценным для себя Борис Михайлович считает в данном подразделе полное 90-томное Собрание сочинений Л. Н. Толстого.

Очень интересен и разнообразен и, возможно, уникален по составу подраздел, именуемый коротеньким словом — «журналы». В искусно подобранных переплетах живут на полках библиотеки Б. М. Тенина и такие издания, которые выходят по сей день, и те, название которых многие давно забыли, а некоторые и вовсе не знали. Это — общественно-политические, художественные, юмористические журналы, посвященные искусству театра, цирка, эстрады, кино. Только перечисление их даст представление об этом удивительном собрании. В первую очередь здесь полные комплекты журналов в годовых подшивках: «Пантеон русских театров» со всеми вариантами его названий, начавший выходить с 1839 года (на этот журнал обратил внимание Бориса Михайловича Тенина актер-сатирик, автор фельетонов и библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский); «Театр и искусство» (1897—1917), «Рампа и жизнь» (1909—1917), в 1909 году выходивший под названием «Рампа и актер», а в 1910-м — «Рампа»; театральный еженедельник «Новый зритель» (1924—1929); ежемесячный журнал, посвященный искусству театра и музыки «Маски» (1912—1914); «Студия» и «Новая студия» (1911—1912); «Рабис» (1927—1930), «Советский экран» (1927—1929); «Жизнь искусства» (1924—1929), «Цирк» (1925—1930) и т. д. Среди них — давно ставший библиографической редкостью издававшийся в 1914—1916 годах В. Э. Мейерхольдом «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто», все номера которого Б. М. Тенин

поместил в специально изготовленный прозрачный пластмассовый футляр.

Журналы чисто библиофильского направления — «Русский библиофил» (1911—1917), «Известия книжных магазинов М. О. Вольфа» (1897—1917), «Среди коллекционеров» (1921—1924) — соседствуют с полными комплектами таких журналов, как «Аполлон» (1909—1917), «Старые годы» (1907—1916), «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки» (1897—1907), «Столица и усадьба» (1913—1916), «Золотое руно» (1906—1909), «Жар-птица» (1921—1926) и т. д. На полках стоят подшивки журналов, выходявших всего год-два и навсегда исчезнувших; мало кто сейчас даже знает, что были такие журналы, как «Бич», «Синий журнал», «Бегемот», «Листок-копейка», «Тары-бары», и другие. Все они — юмористического направления и вместе с «Крокодилом» (начиная с 1922 года), «Сатириконом» и «Новым Сатириконом» (1908—1917), дополненными примерно 200 книгами писателей-сатириков, их сборниками, изданными в серии «Дешевая юмористическая библиотека „Сатирикона“», и альманахами входят в подраздел юмористической литературы. Среди них имеется подшивка журнала «Смехач» за 1925 год (в декабре 1928 года преобразован в «Чудака», который тоже имеется в библиотеке Б. М. Тенина — подарок заслуженного артиста РСФСР Г. Б. Тусузова), где в то время сотрудничали такие художники, как Ю. Анненков, Б. Антоновский, М. Добужинский, Д. Митрохин, В. Сварог, М. Черемных, прозаики и поэты: А. Д'Актиль, Н. Асеев, И. Бабель, А. Безыменский, М. Зощенко, А. Жаров, В. Катаев, В. Лебедев-Кумач, В. Маяковский, Ю. Олеша, А. Флит и др. Интересна эта подшивка тем, что была преподнесена в дар художнику журнала Н. Э. Радлову и на форзаце имеет четыре любопытных автографа ручкой и карандашом:

«Дорогому Николаю Эрнестовичу Радлову от любящего его Б. Антоновского, 12/IV—26»;

«Дарю Вам этот комплект, как самое дорогое, что у меня есть. Того же 12/IV—26. А...А...» (возможно, это подпись ответственного редактора журнала А. С. Андрейчика. — Е.М.);

«Для сродства наших юных душ,
Не как буржуй, но пролетарий,
Ты посещай контору уж...»

Первая подпись неразборчива, вторая читается — «Евл. Надькин».

Для того чтобы установить, кто же скрывается под явным псевдонимом «Евл. Надькин», автор этой статьи обратился к В. П. Катаеву, бывшему сотруднику «Смехача», а позже и

«Чудака». В. П. Катаев, насколько ему удалось припомнить, полагает, что под этим псевдонимом кроется Евгений Венский.

Но, в свою очередь, Евг. Венский, согласно словарю псевдонимов И. Ф. Масанова,— это псевдоним Е. О. Пяткина. Псевдоним «Евл. Надькин» персонально не раскрывается, это — сатирическая маска. Полностью он звучит как Евлампий Карпыч Надькин и является дежурным псевдонимом актива авторов не только журнала «Смехач», но и «Бегемота», «Пушка» и других юмористических ленинградских журналов. Под этой маской выступали такие литераторы, как Бр. Жиркович, Евг. Венский и, возможно, даже Зоценко.

И, наконец, четвертый автограф:

«В стихах попрыгав от „ужа“,
Зарезал Д'Актиль без ножа,
И вуаля, и вуаля —
Примите, Радов Николая,
Мой самый пламенный привет
И — фунт конфет...»*

* В ближайшем будущем.
12/IV. А. Флит».

Заканчивая разговор о журналах в библиотеке Б. М. Тенина, отметим еще одну интересную подшивку. Это — «Маляр». Специально заказанный сотрудниками для него кожаный вишневый переплет включает все номера за 1871 и 1872 годы (журнал начал выходить в 1871 году, а в 1879 году был преобразован в «Шута», подшивки которого тоже имеются в собрании Тенина). На передней крышке переплета в тисненной золотом рамке также золотом написано: «Маляр. Редактору М. О. Микешину».

М. О. Микешин хорошо известен как живописец, рисовальщик, иллюстратор произведений Гоголя, Пушкина и других писателей, но более всего — как автор проектов памятников тысячелетию России в Новгороде, Екатерине II в Ленинграде, А. С. Грейгу в Николаеве и т. д. Менее же всего он известен как издатель журналов, в частности «Маляра» и «Пчелы» за 1875—1877 годы. Именно поэтому и интересна данная подшивка «Маляра», оформленная сотрудниками в виде подносного экземпляра своему редактору.

Уже один перечень сатирических и юмористических журналов говорит о непростом интересе их владельца к смешному, гротескному. Как было упомянуто, с юных лет Борис Михайлович Тенин питал любовь к этому жанру. Эта любовь нашла свое выражение и в отдельной коллекции — «смехотеке» — составной части библиотеки. «Смехотека» включает в себя и редчайшие теперь комплекты французских журналов «La caricature» за 1833—1835 годы, где знаменитый Оноре Домье выступал с разящей политической карикатурой, и заключенный в два

Интерьер домашней библиотеки Б. М. Тенина

переплета французский юмористический иллюстрированный журнал первой половины XIX века «Musée Philipon» и альбомы великолепного французского карикатуриста Дюбу, и сборники лучших карикатуристов разных стран (например, Домье, Гаварни, Доре, Каран д'Аша, Буша, Цилле и др.), а также альбомы и иллюстрированные издания отечественных художников, среди которых видное место занимают Кукрыниксы. Здесь и около полусотни папок, изготовленных Б. М. Тениным, с карикатурами, вырезанными им из самых различных источников и распределенными по определенной тематике. Особую ценность этого подраздела представляют папки (их тоже насчитывается около пятидесяти) с карикатурами-оригиналами, подаренными артисту как авторами — художниками, так и редакциями юмористических журналов или отделами различных печатных органов. Имеется у Б. М. Тенина, примерно, тысяча открыток, на которых можно увидеть карикатуры времен первой мировой войны и более поздние.

В завершение рассказа о юмористике в библиотеке Б. М. Тенина необходимо сказать, что сам Борис Михайлович не чужд искусства карикатуры: его работы экспонировались на выставке в Центральной научной библиотеке ВТО «Актеры рисуют» в марте 1977 года.

Редких книг в библиотеке Б. М. Тенина немного; он не увлеклся собиранием раритетов по разным причинам. На отведенной старой книге специальной полке можно увидеть издания конца XVIII — начала XIX века, но не относительная их редкость открыла им дверь библиотеки Бориса Михайловича, а тематика. В основном это книги либо имеющие отношение к юмору, сатире, либо к давнему увлечению — иллюзионизму. Среди них — «Веселая книга, или Шалости человеческие. С аглинского» (Спб., 1788) имеет, помимо любопытного содержания, не менее любопытную надпись на авантитуле: «Из романов из книг Василья первого» (пока не удалось установить, кому она принадлежала, т. е. кто этот «Василий первый»). Здесь же и «Смеющийся Демокрит, или Поле частных увеселений с поруганием меланхолии» в переводе с латинского (М., 1769), и «Новый спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток, острых и замысловатых речей и забавных повестей, выбранных из лучших сочинителей, а на Российский язык переведенных Яковом Благодаровым. Ч. II» (М., 1796), и разные забавные истории, связанные с Вольтером, напечатанные на хрупкой голубой бумаге начала XIX века в книге «Анекдоты Г. Волтера. Ч. I и II» (М., 1810), и переведенная с французского книжка «Увеселительное волшебство, или Открытие чудесных и удивительных таинственных опытов, известных

под названием фокус-покус, производимых посредством сокровенного искусства, приводящего в недоумение самых просвещенных и остроумных зрителей с присовокуплением ста гравированных фигур, служащих для объяснения сих опытов» (Спб., 1791), одно только пространное название которой, безусловно, могло привлечь внимание любого, интересующегося «фокусами-покусами». Из изданий по иллюзионизму Борис Михайлович особенно ценит попавшую к нему из библиотеки московского эстрадного артиста, автора и исполнителя фельетонов Григория Ивановича Афонаина книгу Иоганна Самуэля Галле «Открытые тайны древних магов и чародеев, или Волшебные силы природы, в пользу и увеселение употребленные. Перевод в осьми частях состоящий, который предлагается выбором из немецкой книги под названием: „Magie, oder die Zauber-Kräfte der Nature“ в 12 частях состоящий, выданный славным профессором Прусского королевского кадетского корпуса г. Галле» (М., 1798—1804). На самом деле вышло не 8, а 9 частей и, начиная с 7-й части, в подзаголовке уже указывается «...в девяти частях...». Все девять частей в кожаных переплетах с золотым тиснением украшают этот раздел библиотеки Б. М. Тенина.

Остановимся кратко на собрании по истории. Здесь — книги, относящиеся к городу, с которым связана послевоенная жизнь и деятельность артиста, — к нашей столице. Это и, как сказано на титульном листе, «роскошно иллюстрированное издание» — двенадцатитомная «Москва в ее прошлом и настоящем», — посвященное памяти историка И. Е. Забелина, и «Жизнь московских закоулков» А. И. Левитова (М., 1875), и изданные М. Н. Загоскиным четыре тома «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского» (М., 1842—1850) — из библиотеки композитора Б. Асафьева, и, конечно, «Старая Москва» М. И. Пыляева (Спб., 1891), «Хитровский альбом» Г. Виллиама (М., 1909), и «Двадцать шесть московских лжепророков, лжежуродивых, дур и дураков» И. Г. Прыжова (под псевдонимом «Н. Барков». М., 1875), и «Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г.» Н. Матвеева, вышедшая к столетию Отечественной войны в 1912 году, и сборник «Преступный мир Москвы» под редакцией М. Н. Гернета (М., 1924), и «Очерки Москвы сороковых годов» И. Т. Кокорева (М.: Academia, 1932) и многие другие, перечислить которые просто невозможно.

В этом подразделе библиотеки находятся и книги по истории других городов, в первую очередь Петербурга — Ленинграда, Тулы и т. д. Много изданий по истории России вообще. Их перечислить тоже невозможно, но отметить наиболее интересные следует. Например, две книги с почти одинаковым названием: первая — «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра

Великого, собранные Иваном Голиковым» (М., 1807), вторая — «Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные покойным действительным статским советником Яковом Штелиным. Новый перевод» (М., 1788).

Здесь имеются и все издания о доме Романовых, включая «Падение царского режима» — семитомное собрание стенографических отчетов под редакцией П. Е. Щеголева (Л., 1924—1927) и «Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий» (Спб., 1887), и «По тюрьмам и вертепам. Очерки А. Свирского» (М., 1895), и «Мир нищих и пропойц» того же автора (Спб., 1898), и, конечно, записки, исторические мемуары, журналы и т. д.

Среди книг этого подраздела — и «Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи» (Спб., 1885), о которых в предисловии говорилось, что они имели огромное и благородное влияние на историю русского народоведения, возбудили глубокий интерес и уважение к памятникам народного творчества. И три изящно переплетенных томика «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках, издаваемая Андреем Прево» (Спб., 1836—1844), где текст напечатан на одной стороне страницы, на другой же помещены замечательные гравюры.

Б. М. Тенин говорит: «Когда актер собирает строительный материал для будущей роли, он обращается решительно к любым печатным источникам, могущим осветить эпоху и нравы, к которым принадлежит этот персонаж. Поэтому мой исторический раздел отличается от обычного библиотечного — в нем и справочники, и документы, и журналы, и мемуары, и изобразительные материалы — все в целом для актера означает „человековедение“ и цели имеет чисто справочные».

К этому разделу непосредственно примыкает и великолепное собрание сказок, среди которых пятитомное четвертое издание «Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева (М., 1913—1914), «Народные русские легенды» того же автора под редакцией и с предисловием С. К. Шамбинаго (М., 1914), «Докука и балагурье. Народные сказки» А. Ремизова (Спб.: Сирин, 1914) и его же «Заветные сказы» (Пб.: Алконост, 1920), вышедшие небольшим тиражом, «Северные сказки» Н. Е. Ончукова (Спб., 1908), «Собрание сочинений» Г. Х. Андерсена (Спб., 1894) в четырех томах. Здесь же и восьмитомное собрание арабских сказок «Книга тысячи и одной ночи» (М.: Academia, 1929—1939) и сказки Ф. Сологуба, Вл. Дорошевича, и сказки народов СССР.

Зная Б. М. Тенина как исполнителя роли комиссара Мегрэ,

невольно задаешься вопросом, какое место в его книжном собрании занимает литература детективного жанра? Это место невелико. Борис Михайлович, прочитавший в свое время множество детективной литературы, не стал ее собирателем, он оставил лишь некоторые книги — образцы сюжетных ходов. Но все, что выходит на русском языке из произведений Жоржа Сименона, он собирает и тщательно хранит, и не только потому, что актерское счастье улыбнулось ему, а потому, что в произведениях этого писателя исследуется внутренний мир, причины трагических судеб людей в буржуазном мире. Не острота детективного сюжета, а сложные человеческие переживания, непростые мотивы поведения, наконец, яркая социальная направленность этих произведений, обрушивающих гнев автора на «сильных мира сего», анализирующих моральные и психологические проблемы современного капиталистического общества, привлекают Б. М. Тенина.

Произведения Ж. Сименона входят во второй большой отдел библиотеки — зарубежная переводная художественная литература. Полные собрания сочинений А. Дюма, М. Твена, Р. Киплинга, Р. Стивенсона, Ч. Диккенса в изданиях П. П. Сойкина соседствуют с творениями У. Теккерея, Ф. Брет-Гарта, А. Доде, изданных Л. Ф. Пантелеевым, с тем самым 30-томным собранием Ги де Мопассана (изд-во «Шиповник»), о котором уже упоминалось. Здесь и сочинения Э. Золя (изд-во «ЗИФ»), и 12-томное собрание Э. Синклера (изд-во «Прибой») в сочетании со всеми выпущенными позже романами этого автора, и разные довоенные издания Г. К. Честертона, и 12 томов первого издания Бласко-Ибаньеса «Современные проблемы» 1910—1911 годов, дополненные выпшедшими отдельно произведениями — «В апельсиновых садах», «Беспашанная жизнь», «Пасынки моря», «Отбросы жизни» и др., и сочинения У. Локка в изданиях «Северных дней», «Мысли», «Космоса», «Универсальной библиотеки», М. В. Попова, и, конечно — все подписные издания Дж. Голсуорси, В. Скотта, Г. Уэллса, А. Конан Дойла, Шолом-Алейхема, и первое не только в СССР, но и во всем мире 20-томное собрание сочинений Р. Роллана, выпущенное в Ленинграде кооперативным издательством «Время» (позже — «Художественная литература») в тридцатые годы тиражом 7200 экземпляров. Более же всего в этом отделе Б. М. Тенин ценит сочинения В. Шекспира в нескольких переводах. Также в разных переводах имеется Ж.-Б. Мольер, Б. Шоу и юмористическая литература — О'Генри, М. Твен, П. Вудхауз, Джером К. Джером и вся классическая драматургия. Зачем ему нужны разные переводы? Потребность в них диктуется профессиональными интересами владельца: при работе над той или иной ролью часто приходится обращаться к разным

переводам, чтобы уловить то единственное, что присуще данному герою.

Современная зарубежная новелла, входящая крупным массивом в этот отдел,— страсть и результат собирания жены артиста Лидии Павловны Сухаревской, народной артистки РСФСР и автора ряда пьес.

Перейдем еще к одному отделу библиотеки— к коллекции книжных знаков. Борис Михайлович рассматривает экслибрис как неотъемлемую принадлежность книги. «Для меня, как, впрочем, и для каждого книголюбца,— говорит Б. М. Тенин,— является аксиомой то, что книжный знак— детище законных родителей— книги и переплета. Следовательно, я рассматриваю его как предмет книговедения и, собирая книжные знаки, выполненные в любой технике и разного достоинства, свожу свои интересы к истории книг, стоящих за этими знаками, к состоянию библиотек, их характеру и судьбам, порой счастливым, когда книги становятся достоянием литературных музеев, общественных книгохранилищ и т. п., а порой трагическим, когда книги, как люди, погибали от пожаров, войн, злостных истреблений и прочего».

Начав собирать экслибрисы в 1965 году, Борис Михайлович прошел по этому пути три этапа: от простого накопительства к отбору книжных знаков по темам и от него— к выделению и изучению экслибрисов, принадлежавших людям театра, цирка, кино, эстрады, телевидения и т. д., т. е. имеющим прямое или косвенное отношение к зрелищу в широком смысле слова.

Из коллекции в 11 тысяч книжных знаков Тенин отобрал примерно 2,5 тысячи, которые условно назовем «театральными». К ним относятся экслибрисы владельцев крепостных театров России XVIII в., цензоров, начальственных особ различных министерств, так или иначе влиявших на судьбы русского театра; драматургов, писателей, произведений которых были инсценированы (среди них— поэтов, чьи стихи положены на музыку; современных прозаиков, поэтов, чьи творения исполнялись со сцены, в кино, по телевидению); музыкантов и композиторов; художников театра, архитекторов и проектировщиков цирковых, театральных зданий и концертных залов; артистов всех жанров (в том числе и зарубежных, гастролировавших в нашей стране); сотрудников театрально-зрелищных изданий; нотопечателей; антрепренеров, режиссеров, балетмейстеров, постановщиков, операторов, даже театральных врачей и суфлеров; театральных библиотек и музеев (включая и библиотеки картинных галерей), крупных библиотек (частных и общественных), имевших большие театральные разделы; коллекционеров театральных атрибутов, владельцев театральных библиотек; преподавателей музыки,

сценического мастерства; искусствоведов, музыковедов, критиков и т. д. и т. п.

Именно эти книжные знаки послужили предметом исследования Б. М. Тенина. Он говорит: «Книги с экслибрисами представляются мне айсбергами, надводная часть которых, т. е. экслибрисы, помогает опознать владельца и докопаться до его вкусов, духовных стремлений, до его библиотеки, ее судьбы. Книги без экслибрисов — это подводная часть айсберга, неизмеримо большая надводной, и я не могу включать эту часть в поле своего зрения, когда мне хочется описать библиотеки. Хватает дел и с надводной частью!» А дел действительно много. На каждого владельца театрального экслибриса заведена персоналия, т. е. всевозможные сведения о нем, его библиотеке, о художнике, выполнившем экслибрис, о технике, размерах книжного знака, указана литература, в которой он описан, и т. д. Таким образом, попутно выполняется и еще одна задача, поставленная Тениным, — восполнить пробелы в литературе по экслибрису.

Борис Михайлович не только коллекционер и исследователь экслибриса, он еще и художник-экслибрисист. Для своих коллег и друзей он изготовил шесть книжных знаков, для себя — семь. Около шестидесяти художников выполнили для него сто с лишним экслибрисов, причем первым среди них был книжный знак, созданный уже упоминавшимся Н. П. Акимовым в 1944 году.

Итак, третья библиотека Б. М. Тенина, насчитывающая около 10 тысяч томов, родившаяся подобно своим предшественницам как «спутник профессии», по сути, уже давно переросла эти рамки и продолжает служить своим хозяевам — Борису Михайловичу Тенину и Лидии Павловне Сухаревской. «Книга и театр, — говорит Б. М. Тенин, — в нашей жизни идут рука об руку».

Роман Белоусов

«УПОРНЫЙ ТРУД РОЖДАЕТ МАСТЕРА»

Разбирая архив писателя Александра Александровича Тишкова, я натолкнулся на такую запись: «Каждый человек может создать интересную книгу. По крайней мере, одну. Про себя. Не важно кто он — полководец или министр, сапожник или пекарь. Если напишет о себе правду, книга получится интересная и полезная. Даже если сто сапожников вдруг, разом, сочинят сто книг, это будут интересные книги. И я бы их непременно прочел... Юрий Карлович Олеша, один из самых замечательных русских писателей, которого я люблю и чту, тоже говорил, что каждый человек имеет право написать одну книгу. Значит, и я имею это право и непременно им воспользуюсь».

К сожалению, Александр Александрович не успел написать такую книгу, хотя, если судить по дневниковым записям, готовился к этому. И не только дневники говорят об этом, но и многие заметки, собрание бесчисленных газетных и журнальных вырезок, множество выписок. Все это хранилось в пакетах и папках и явно имело предназначение служить строительным материалом в его работе.

Соответственно комплектовался им и ряд разделов библиотеки, из года в год расширявшейся. Конечно, библиотека А. А. Тишкова состояла, как и всякое книжное собрание, из многих изданий по различным областям знаний, но основным ее ядром, отчетливо просматриваемым, являлись издания, собираемые специально. В этом смысле не столь уж обширное, но тщательно и с любовью составленное книжное собрание А. А. Тишкова следует отнести к роду рабочих библиотек, предназначенных служить литератору, ибо верно сказано, что наряду с реальным, жизненным опытом в сознании писателя существует книжный опыт, деятельно участвующий в его работе.

Вообще говоря, собирательство, как мне кажется, являлось одной из черт характера Александра Александровича. Слова Гете о том, что собиратели счастливейшие из людей, вполне

относятся и к нему. Он увлекался многим: филателией, пословицами и поговорками, литературой по фольклору (в библиотеке ей отводились специальные полки). Результатом этого увлечения стала книга китайских народных поговорок. Точно так же, в итоге увлечения шахматами, у Александра Александровича помимо книг по шахматам составила обширная картотека шахматных этюдов (более 14 тысяч)—уникальный, по мнению специалистов, справочный материал, к помощи которого прибегали многие, в том числе редакции периодических шахматных изданий.

Будучи талантливым профессиональным переводчиком с китайского языка, о чем я скажу ниже, он оснащал себя книгами по искусству перевода, вел собственные записи о мастерстве переводчика. Вот одна из них, касающаяся проблемы перевода на другие языки пушкинских произведений: «Рука не поднимается писать о Пушкине,—признается автор записи.—Столько о нем написано—полжизни не хватит, чтобы все перечитать. Что можно еще добавить после Блока, Белого, Брюсова, Цветаевой, Ахматовой и многих талантливых, с тонкими и точными наблюдениями работ пушкинистов... Для каждого литератора—любого дарования и любой славы—Пушкин есть недостижимая вершина, к которой можно только приблизиться, одним—на более или менее почтительное расстояние, другим—на дистанцию пистолетного выстрела. Вместе с тем Пушкин при всем своем величии—гений только для России, за ее пределами он—тайна за семью печатями. Даже многолетние усилия великолепного Проспера Мериме, достойные всяческого уважения, явили французам лишь бледную копию некоторых произведений Пушкина. Образованные китайцы восприняли «Евгения Онегина» в переводе на китайский язык как бесконечное, а потому и малопонятное литературное произведение...» Прочитываемые слова звучат, правда, категорично, однако во многом справедливы, поскольку действительно известно, что в переводе первый поэт России неизбежно несет потери и зачастую предстает перед читателем той или другой страны в «обескровленном» виде.

К собиранию книг по проблемам перевода Александр Александрович проявлял особый интерес. Как всякий мастер холит и любовно содержит свой инструмент, так и он тщательно подбирал и бережно хранил такого рода литературу, переплетал, реставрировал старые, ветхие издания, радовался новым приобретениям, которые никогда не оставались мертвым грузом на его полках. Каждую новинку он с нетерпением спешил раскрыть и прочесть. И не просто прочесть. Выписки из читаемой книги, размышления о ней, критические замечания или слова восхищения зачастую составляли целую тетрадь, которая вкладывалась в книгу в виде

своего рода приложения. Он мог, например, абсолютно интереса ради, месяцами заниматься тем, что сравнивал, скажем, известные переводы из Мериме, выполненные М. Кузминым, с работами других переводчиков, теряя, как иной скажет, напрасно время, вместо того чтобы заняться делом, приносящим более реальные результаты.

Вот уж что было абсолютно чуждо ему, так это — меркантильность. Главной, доминирующей чертой его характера была доброта и доброжелательность. Если только было в его силах и возможностях, он всегда готов был помочь делом или советом.

Помню, как много лет назад он привлек меня, молодого тогда журналиста и переводчика, только что пришедшего в «Литературную газету», к участию в альманахе «Чудесный мастер». Его не смутило, что переводческий опыт, не говоря о литературном имени, у меня отсутствовал. И должен сказать, что такое доверие заставило меня мобилизоваться и, как говорится, выжать из себя все возможное.

Среди обнаруженных в архиве А. А. Тишкова записей-заготовок к будущей книге главное место занимают наброски к теме: «Александр Блок и другие (Заметки о русской поэзии)».

О серьезном увлечении Блоком, упорном постижении его творчества говорят и полки его библиотеки. Помимо собраний сочинений, однотомников и редких изданий книг самого А. Блока, здесь широко представлены посвященные поэту исследования о его жизни и творчестве. Тут, конечно, Вл. Орлов и Б. Соловьев, А. Горелов и А. Турков, Д. Максимов и Н. Павлович, С. Наровчатов, два «Блоковских сборника» (1964, 1973), выпущенных Тартуским государственным университетом, и многое другое. Александр Александрович справедливо полагал, что блоковедение выделилось нынче в одно из направлений нашего литературоведения, становится все более специализированным. Впрочем, замечает он, такого рода специализация, характерная в наш век прежде всего для области науки и техники, начала проникать в гуманитарную сферу, в том числе и в литературоведение, задолго до того, как грянула НТР. Так, например, «пушкинисты» появились еще в прошлом веке; уже при жизни Л. Толстого буйно пошло в рост первое поколение «толстоведов», и т. д. Новым направлением стало более пристальное и настойчивое изучение творчества А. Блока.

По подбору книг, посвященных поэту, видно, сколь внимательно А. А. Тишков следил за новинками, приобретая, однако, их обдуманно и весьма выборочно, не засоряя полки проходными изданиями. Одной из любимых в этом смысле стала для него книга Вл. Орлова «Гамаюн». Ей он посвятил рецензию, опубликованную в журнале «Вопросы литературы». В ней говорится о том,

что еще М. Горький одним из первых увидел и точно определил основную сущность блоковского гения — пронзительную искренность. Беспощадная искренность в сочетании с мастерством, отнюдь не бросающимся в глаза, по мнению А. А. Тишкова, делает повествование о Блоке простым и естественным. Фраза у Вл. Орлова точно выражает мысль и при этом «изящна, упруга и гибка, как цирковая наездница». Далее он пишет: «Автор ведет нас по крестному пути поэта, по распутьям, сквозь снежные костры, через балаганы и паноптикумы страшного мира, по напоенному кровью полю Куликову, сквозь пеструю толпу поклонников Кармен, через соловьиный сад, и мы узнаем, о чем поет ветер, о чем тоскуют арфы и скрипки, слышим отзвуки забытого гимна...»

Вместе с тем автор понимает, что книга «Гамаюн», естественно, не может вобрать в себя все богатство, таящееся в неисчерпаемом мире поэзии и личности Блока, она — отправной пункт на пути воссоздания сложного и многообразного облика поэта.

По этой и другим статьям и рецензиям А. А. Тишкова можно судить не только о любви к поэту, но и о степени проникновения в его судьбу и творчество. Об этом же свидетельствует и неопубликованная работа «Александр Блок и другие», содержащая немало тонких наблюдений и свежих мыслей, принадлежащих исследователю.

«Другие» — это Брюсов, Бальмонт, Северянин. Но главным образом речь здесь идет об отношениях между А. Блоком и кружком акмеистов — «Цехом поэтов». К новому литературному течению примыкали тогда А. Ахматова, С. Городецкий, М. Зенкевич, О. Мандельштам и др. В заметке, опубликованной в «Краткой литературной энциклопедии», к числу акмеистов причислен и Михаил Кузмин. Это не совсем верно, уточняет А. А. Тишков. М. Кузмин был знаком со многими акмеистами, посещал их собрания, печатался в «Аполлоне», но в кружок акмеистов не входил. По всему видно, что А. А. Тишков серьезно занимался и творчеством М. Кузмина. Он собрал чуть ли не все изданные книги поэта, ставшие украшением его библиотеки. Составил он и обширную, по-своему редкую картотеку, содержащую библиографию и сведения о жизни М. Кузмина. Здесь же подробное описание его фонда, хранящегося в ЦГАЛИ, и тех собраний этого архива, где упоминается М. Кузмин — в качестве автора или адресата писем, объекта воспоминаний (фонд А. А. Блока, В. Я. Брюсова, Вл. С. Соловьева, Г. В. Чичерина, С. М. Городецкого и др.).

Вот, например, одна карточка: «ЦГАЛИ, фонд 998. Мейерхольд В. Э. Содержит 36 писем М. А. Кузмина, дарственную

надпись поэта на книге (1910), рукопись водевиля М. Кузмина „Танцмейстер и Херестрит“ (1917)».

Имя этого выдающегося русского литератора первой четверти нашего века мало знакомо читателям нескольких поколений. А между тем Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) был в свое время очень известен. Человек большой культуры, широко образованный, поэт, музыкант и композитор (он окончил Петербургскую консерваторию), остроумный прозаик, драматург и тонкий критик, он был всегда желанным гостем на всех литературных и артистических вечерах Петербурга и Москвы. Свободно владея несколькими языками, Кузмин был превосходным переводчиком; его образцовые переводы из Мериме переиздаются несколько десятилетий. «Лишь недавно,— пишет Тишков,— наш чемпион перевода в тяжелом весе Н. П. Любимов — равных ему сейчас у нас нет — отважился вступить в единоборство с Кузминым и заново перевел „Хронику времен Карла IX“. И неизвестно, кто победил в этом творческом соревновании, скорее всего, оно закончилось вничью: и тот и другой перевод хорош, и оба, конечно, имеют право на самостоятельное существование».

Блок восхищался первым стихотворным сборником Кузмина «Сети» (1908). 13 мая 1908 г. он писал: «...читаю Вашу книгу вслух и про себя... Господи, какой Вы поэт и какая это книга! Я во все влюблен, каждую строку и каждую букву понимаю и долго жму Ваши руки и крепко, милый, милый. Спасибо! Любящий Вас Александр Блок». Таких непосредственных писем братьям по перу А. Блок написал совсем немного.

В своей неопубликованной статье, о которой идет речь, А. А. Тишков напоминает, что М. Кузмин за два года до возникновения «Цеха поэтов» попытался было и сам обогатить русскую поэзию «кларизмом», о чем провозгласил в программной статье «О прекрасной ясности», напечатанной в «Аполлоне» (1910, № 7). Это заявление талантливого, но порой эксцентричного литератора мало кто принял всерьез. Впрочем, в отличие от акмеистов — людей молодых, самоуверенных и напористых, с первых же шагов потребовавших места под солнцем, М. Кузмин, родоначальник придуманного им самим нового течения, не особенно настаивал на его признании. И вскоре «кларизм» был всеми забыт. Его вождь, вхожий во все литературные гостиные Петербурга, видимо, не очень тужил об этом.

Вновь обращается к творчеству М. Кузмина автор в связи с образом Дон Жуана, известного в России едва ли не со времен Петра I. А. А. Тишков приводит любопытный отрывок из одного из первых русских переводов, выполненного с немецкой или польской переделки французского Дон Жуана, где главный герой изъясняется с соблазненной им дамой таким манером: «Приди,

любовь моя! Вспомяни удовольствия полное время, когда мы веселость весны без препятствия и овощ любви без зазрения употреблять могли. Позволь чрез смотрение цветов наши очи и чрез изрядную оных vonю чувствования наши наполнить».

В дальнейшем донжуаны отечественного производства, замечает Тишков, будут изыскиваться куда изысканнее и профессиональнее. Известно, что к образу севильского соблазителя обращались Бальмонт, Брюсов, Блок и др. Каждый из них стремился взглянуть на «озорника всея Испании» (В. Пяст) по-своему, увидеть в нем что-то новое и запечатлеть это новое в своем стихе. А. А. Тишкова занимает вопрос, что сумели добавить к знакомым чертам Дон Жуана русские поэты нашего века, считая, что самый интересный образ Дон Жуана, без сомнения, создан А. Блоком в знаменитых «Шагах Командора».

Знакомясь с книгами из библиотеки А. А. Тишкова, нельзя, конечно, не остановиться перед полками, где находится литература по Китаю (в большинстве на китайском языке). Будучи по образованию китаистом-филологом и прожив два года в Китае, он собрал немало редких книг по литературе, искусству и истории страны. Однако и эта часть его библиотеки в первую очередь служила рабочим целям. Владелец ее, о чем опять же говорит его собрание, был человеком разносторонних знаний, его интересы в области литературы, как мы видим, распространялись и на Запад, и на Восток. В этом смысле, можно сказать, он отвечал выдвинутому в свое время перед востоковедами требованию академика В. М. Алексеева — быть всесторонне образованными, не отгораживаться от мира собственной «китайской стеной». «Востоковед, мало знакомый с Западом, — писал В. М. Алексеев, — нуль, слепой человек, узкий информатор, но и «западовед», мало знакомый с Востоком, тоже узкий человек...» Было время, когда В. М. Алексеев жаловался на то, сколь «убоги личные библиотеки востоковедов», справедливо полагая, что отсутствие таковых «сильно действует на темпы работы».

Такое удачное сочетание знаний и интересов, как у А. А. Тишкова, не так уж часто, прямо скажем, встречаемое и ныне, базирующееся в первую очередь на собственном книжном собрании, помогало ему в переводческом творчестве, способствовало мышлению «параллелями», сопоставлению явлений и т. п., несомненно обогащая его палитру как исследователя, так и переводчика. Ибо эти две ипостаси, особенно для специалиста-литературоведа, занимающегося Китаем, неразделимы. В результате появилась в его переводе повесть XIV века «Торговец маслом и Фея цветов», написанная рукой большого мастера, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным, и являющаяся одной из самых популярных в Китае на протяжении веков.

Затем выходит сборник танских новелл (эпоха Тан — 618—907), представляющих своеобразнейшее явление не только собственно китайской литературы, ее золотого века, но и мировой литературы. После этого издается новый сборник «Рассказы о необычайном» (с предисловием переводчика), относящиеся к еще более раннему периоду — дотанскому. Многие из этих новелл служили, как, например, в западной литературе новеллы «Декамерона», источником сюжетов знаменитых драм Гуань Ханьцина и пьес других авторов, новеллы китайского классика XVII века Пу Сунлина, вплоть до Лу Синя, использовавшего их мотивы в своих «Старых легендах в новой редакции».

К переводам из классики, выполненным А. А. Тишковым, принадлежит и старинная музыкальная драма в жанре «кунь-чюй» — «Пятнадцать тысяч монет», которую наши зрители могли видеть во время гастролей китайской труппы под руководством блестящего актера Чжоу Синьфана в 1956 году.

Чтобы все это перевести на русский язык, мало было иметь оригинал на китайском языке. Работа над переводом таких литературных памятников требовала обширных, разносторонних знаний: по истории, этнографии, географии и т. п., не говоря о знании древнего языка, чрезвычайно сложного. Тут на помощь приходили специальные китайские издания, находившиеся всегда рядом на книжных полках. Здесь же находились и сочинения такого выдающегося писателя, как Лао Шэ. С его творчеством, вошедшим в золотой фонд современной китайской литературы, А. А. Тишков был хорошо знаком, как, впрочем, и с самим автором, трагически погибшим во время эксцессов «культурной революции». С Лао Шэ он встречался в Пекине — городе, воспетом писателем во многих его вещах, в том числе в пьесе «Лунсуйгоу» («Канавы Лунсуй»), блестяще переведенной Тишковым — правдивом, горестном, но и светлом повествовании о жителях пекинского предместья. В его же переводе вышли пьеса Лао Шэ «Фан Чжэнчжу», рассказывающая о жизни актеров, и такие прекрасные, исполненные сочувствия к людям и боли за них новеллы, как «Серп луны» и «Благотельница». Они неоднократно публиковались у нас в разных изданиях, в том числе в двухтомнике сочинений китайского писателя (Гослитиздат, 1957) и в недавно выпущенном однотомнике в серии «Мастера современной прозы» (Прогресс, 1981).

От книг Лао Шэ взгляд переходит на соседнюю полку. На ней многочисленные издания произведений народного творчества. И это соседство, как мне представляется, не случайно. Дело в том, что Лао Шэ был знатоком фольклора, устного песенно-повествовательного творчества, столь многообразного в Китае. Все это находило отражение в его произведениях. Так что без

знания китайских поговорок и пословиц, преданий и легенд, басен и притч, широко используемых писателем, трудно, а точнее сказать, невозможно перевести этого своеобразного, взрослого на народной литературе писателя. Изучение народного творчества, обусловленное необходимостью работы над переводами, со временем превратилось у А. А. Тишкова в серьезное увлечение. Однако оно не ограничивалось только собиранием соответствующей литературы. Богато представленная такого рода литература послужила основой для выпуска трех номеров альманаха «Чудесный мастер» (Читинское книжное издательство, 1954, 1957, 1959), где А. А. Тишков выступает в роли составителя, одного из переводчиков и автора предисловия.

Разнообразные по содержанию книжки эти дают яркое представление о богатейшем народном творчестве китайцев. Думается, полезно переиздать все три выпуска, объединив их под одной обложкой. Сюда же можно было бы включить и книжку «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения», заслуженно привлекающую внимание читателей.

Из этого же увлечения фольклором, и прежде всего народным юмором, мне думается, родились и так называемые «побрехушки» — собственного Александра Александровича сочинения, публиковавшиеся в наших журналах.

В планах А. А. Тишкова было издание сборников пословиц других народов мира. Он замыслил своего рода антологию, но не успел осуществить. Как, впрочем, и многое другое...

Завершая свое короткое путешествие по книжному собранию Александра Александровича Тишкова, я вспоминаю одно выражение из книги китайских пословиц и поговорок, лежащей на его столе. Оно гласит: «Упорный труд рождает мастера». Слова эти вполне можно адресовать самому Александру Александровичу. Упорным трудом он достиг немало. И пусть свою главную книгу он не написал, но все созданное им сработано доброту, как и подобает настоящему мастеру.

Г. Злочевский

СО ВРЕМЕН ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Библиотека бывшего Московского главного архива министерства иностранных дел—одно из старейших в России собраний рукописей, книг, географических карт, атласов, планов, гравюр, периодических изданий. Она начала формироваться во времена Посольского приказа (1549—1720), основной задачей которого являлось общее руководство внешней политикой российского государства.

Со времени своего основания до 1767 года библиотека находилась в Кремле, в здании Посольского приказа. Создание библиотеки было вызвано практической необходимостью, так как дьякам и толмачам, осуществлявшим в Посольском приказе письменные международные сношения, необходимо было обращаться к отечественным и иностранным сочинениям историко-политического, географического и иного содержания, чтобы правильно ориентироваться в сложных вопросах внешней политики.

Однако до конца XVII века поступление книг и рукописей в Посольский приказ было малочисленным и нерегулярным. Известно, что в 1677 году туда из Стрелецкого приказа, одного из центральных государственных учреждений России XVI—XVII веков, поступило собрание книг на иностранных языках, принадлежавшее боярину Артамону Сергеевичу Матвееву (1625—1682), приближенному царя Алексея Михайловича, политическому деятелю, писателю, одному из образованнейших людей своего времени, который с 1671 года руководил русской дипломатией, а в 1676 году по воцелении на престол Федора Алексеевича попал в опалу.

В 1683 году в Посольский приказ были переданы 15 книг из Мастерской палаты, «глаголемые атлас или описание всего света», с пояснениями на латинском языке, а с 1684 года начали поступать книги не только из разных учреждений, но и из типографий.

Преобразования Петра I не обошли и библиотеку дипломатического ведомства. Указом от 29 июня 1696 года царь повелел «все книги собирать и держать в Посольском приказе в бережнии и записать ддя ведома в книгу». Так было положено прочное юридическое основание замечательной библиотеки.

Однако к началу XVIII века активная и многогранная деятельность Посольского приказа практически закончилась. Петр I находился постоянно в движении; многочисленные поездки по России и за границу, длительные походы, войны побудили его создать Посольскую походную канцелярию для оперативного решения дипломатических вопросов. Канцелярия получила перевес над Приказом и ведала важнейшей политической перепиской. В 1720 году была учреждена Коллегия иностранных дел, которая функционировала в новой столице на Неве, а в Москве с этого времени вместо Посольского приказа с очень ограниченной деятельностью появилась Московская контора Коллегии, которой велено было хранить у себя оконченные и текущие дела по маловажным вопросам.

Указом Коллегии иностранных дел от 5 августа 1724 года был создан в Москве Генеральный архив старых государственных дел, куда вошли и старые архивные фонды Посольского приказа. Этим же указом асессору Петру Курбатову поручалось «смотреть и беречь дела старые государственные и протчие, которые за взятием в С.-Петербург остались, чтоб были в добром охранении и от сырости где или мокроты и иного не повредились».

Как особое учреждение Московский архив Коллегии иностранных дел получил свою печать, ему утвердили штат в шесть человек: ассессор, переводчик, подканцелярист и три копииста. Таким образом, официально был создан первый русский архив, положивший начало организованному архивному делу в стране.

Архив унаследовал и библиотеку Посольского приказа, которая теперь регулярно пополнялась путем покупки рукописей и книг; она получала их также в дар от государственных учреждений и от частных лиц. В 1720 году библиотека получила старинные Летописцы, в 1731 году куплены книги на латинском языке, а в 1736 году присланы в дар книги из Петербургской Академии наук. В 1741 и 1749 годах приобретена богатейшая коллекция рукописей, книг и карт академика Георгия Яковлевича Кера (1692—1740), профессора восточных языков, первого в России ориенталиста. Кера пригласили в Россию на службу из Германии в 1732 году. Он был переводчиком и преподавателем восточных языков при Коллегии иностранных дел.

В XVIII веке значительны были поступления книг, конфискованных у титулованных владельцев: князей Долгоруковых,

А. П. Волынского, П. И. Мусина-Пушкина, графа А. Остермана, А. Хрущева, Ф. Соймонова и других.

Глубокие знания и энергию применил для упорядочения архивного хозяйства и приведения в порядок библиотеки известный в XVIII веке ученый Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер, который с 1766 по 1783 год был управляющим архивом.

О деятельности этого замечательного ученого, организатора и патриота следует рассказать более подробно.

Миллер родился в 1705 году в городе Герфорде в Вестфалии, происходил из интеллигентной семьи. В 1725 году Миллера пригласили из Лейпцигского университета в основанную в 1724 году Петром I Петербургскую Академию наук, членом которой Федор Иванович стал в 1731 году. В 1733—1743 годах Миллер принял активное участие в Великой сибирской экспедиции. Во время пребывания в Сибири собрал в местных архивах в подлинниках и копиях богатейшие документальные материалы по русской истории и этнографии народов Сибири. Итогом многолетних исследований Миллера явился капитальный труд «История Сибири». Он автор многочисленных исторических работ («О летописце Несторе», «Описание Сибирского царства» и др.), которые издал в 20 томах.

В 1747 году Миллеру за научные труды было присвоено высокое звание историографа. В 1748 году он принял русское подданство. В 1755 году Миллер становится редактором первого русского научно-популярного и литературного журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (выходил под видоизменявшимися названиями до 1764 года), который начала издавать в северной столице Императорская Академия наук и художеств. В числе сотрудников были М. В. Ломоносов, которому принадлежала идея создания журнала, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков. Это позволило журналу (тираж его составлял 1200—2000 экземпляров) стать «серьезным рассадником научных знаний, здравых литературных вкусов и правильного литературного языка», дать первый опыт критической библиографии в России.

В 1763 году Миллер впервые поставил перед учредителями Вольного экономического общества вопрос о создании в России отраслевой библиографии с привлечением к этой работе специалистов по отдельным областям знаний. Однако Общество предприняло первую попытку реализации этой идеи только через 25 лет. Ярким примером такого исследования явилась работа самого Миллера «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат», с обстоятельно аннотированными картографическими материалами; работа была опублико-

вана в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» (1761, ч. 11, ноябрь — декабрь). В дальнейшем подобно-го рода библиография появилась лишь в 1810 году.

Миллер оказывал большую помощь выдающемуся просветителю Н. И. Новикову в составлении «Опыта исторического словаря о российских писателях» (Спб., 1772).

Переехав в Москву и вступив в должность управляющего архивом, Миллер превратил его в учреждение, где «всяк при оном находящийся не должен никакого труда щадить, также отчасти должен иметь и знания». Миллер ввел в русскую историографию акты и грамоты как источники исторических исследований.

20 апреля 1780 года Миллер обратился к Екатерине II за разрешением собственную его библиотеку «из знатного числа весьма редких книг и не безважных манускриптов состоящую» после его смерти «посвятить публике, дабы не малые... для истории российской начатые труды в пользу отечества удобным образом всегда продолжаемы были». Миллер также обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой определить место для его библиотеки при Московском архиве. К этому времени библиотека знаменитого историографа была уже описана ассессором И. Ф. Стриттером.

Собранная в течение 57-летней неутомимой деятельности, библиотека Миллера состояла из многих тысяч книг и рукописей по истории России и соседних государств. В состав ее входили научные доклады, многочисленные труды ученых русских и иностранных. Значительная часть книг имела собственноручные примечания владельца. Только коллекция автографов и рукописей размещалась в 258 портфелях.

Осмотреть библиотеку Миллера поручили московскому гражданскому губернатору А. М. Обрескову, в беседе с которым ученый также выразил желание, чтобы его «библиотека всегда оставалась при Государственной коллегии иностранных дел архиве». 9 декабря 1781 года Обресков писал вице-канцлеру И. А. Остерману в Петербург: «...ездил я вновь к господину статскому советнику Миллеру и с сугубым прилежанием осматривал архиву его... и скажу Вам, милостивому государю моему, что по наружности я нашел ее в наилучшем состоянии и порядке, а содержания их (книг.— Г. З.) того более уважения достойны, ибо между печатными есть некоторые весьма знаменитые, другие же редкие; а есть и такие, которых в нынешние времена ни за какие деньги достать не можно; также и между манускриптами подобного же свойства многие находятся, а особливо все пятидесятилетним и более всегдашними и непрерывными его трудами выработанных; которые наиболее касаются до нашего любезного отечества и до соседних государств с

разными ремарками, благоразумием и просвещением, каковые сей почтенный старик в течение долговременной его жизни и по всегдашнем его при сих делах упражнении приобрести мог,—наполненными, каковых, милостивый государь мой, конечно, нигде нет, да и быть не может. И мне кажется, что сохранение сей его архивы во всей целости можно будет для государства почитать сущим сокровищем, и потомки наши во оной могут о государстве нашем почерпнуть знания преобширные».

В 1782 году миллеровское собрание поступило в библиотеку архива. Императрица повелела выдать Миллеру вознаграждение в размере 20 тысяч рублей ассигнациями, а на комплектование библиотеки выделять по 200 рублей в год. С 1783 года эту сумму увеличили на 50 рублей.

Заслуги Миллера перед русской исторической наукой настолько значительны, что собранные им и переданные государству многочисленные бесценные документальные сокровища и в XX веке помогают исследователям совершать удивительные открытия. Достаточно упомянуть хотя бы тот факт, что списанные Миллером фрагменты текста с сильно поврежденного уже к тому времени надгробия Андрея Рублева и сделанные комментарии помогли нашему замечательному современнику, крупнейшему специалисту в области реставрации памятников русской архитектуры Петру Дмитриевичу Барановскому установить дату смерти и место захоронения великого живописца.

Миллер хотел, чтобы его библиотека всегда оставалась при архиве «не раздробительно». Однако уже на следующий год после его смерти, в 1784 году, когда закончена была полная опись архивской библиотеки, ее соединили с миллеровским собранием.

Долгие годы архивом заведовали два управляющих—Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737—1814) и Алексей Федорович Малиновский (1762—1840). Оба—выдающиеся историки, археографы, библиографы, активные члены кружка, созданного в 1811 году видным государственным деятелем России Николаем Петровичем Румянцевым (1754—1826), бесценные личные коллекции которого впоследствии составили основу Румянцевского музея. Деятельность этого кружка в розыскании, исследовании, сохранении и опубликовании исторических памятников продолжалась в течение 15 лет.

К началу XIX века в архиве сосредоточили все дела Посольского приказа и Коллегии иностранных дел до 1800 года включительно. С 1832 года, в связи с упразднением Коллегии иностранных дел, архив получил название Московского главного архива министерства иностранных дел.

В период заведования архивом Бантыш-Каменским и Малиновским он становится крупным научным и культурным центром

Москвы. Библиотека архива пополняется. Из наиболее значительных поступлений начала XIX века следует назвать рукописи и книги на шведском языке, подаренные в 1805 году графом И. А. Остерманом, ставшим позже русским послом в Швеции, а в 1783—1797 годах руководившим Коллегией иностранных дел...

Бантыш-Каменский учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве, затем получил университетское образование. Начал работать в архиве рядовым архивариусом с 1762 года и посвятил любимому делу 52 года своей жизни. Он был учеником и соратником Миллера, сотрудником по историческим изданиям Н. И. Новикова. Бантыш-Каменский собрал и опубликовал большое количество первоисточников по истории России. Его перу принадлежат многие исторические сочинения и переводы, а также произведения по философии, словесности, различные учебники.

В 1776 году Бантыш-Каменский опубликовал первую свою библиографическую работу «Описание российских книг, расположенных в систематическом порядке» как приложение к изданному им учебнику риторики И. Ф. Бурга. В ней содержатся сведения о 828 книгах, 54 картах и 40 статьях по различным отраслям знаний, напечатанных на русском языке главным образом с 1755 года. «Описание», составленное в интересах юношества, предающего занятия разными науками, было первым в России рекомендательным указателем литературы, служившим образовательным и воспитательным целям, и более 10 лет оставалось единственным в своем роде. Этот труд ученого явился также первым в России систематическим указателем, для которого была разработана первая русская классификация.

Четырехтомный труд Бантыш-Каменского «Обзор внешних сношений России» стал первой капитальной научной работой по истории внешней политики России с древнейших времен до начала XIX века.

В 1811 году при архиве была создана и под руководством Бантыш-Каменского начала работать Комиссия печатания государственных грамот и договоров.

Велика была заслуга ученого в спасении архива во время наполеоновского нашествия. С 1767 года архив размещался в старинном двухэтажном каменном здании недалеко от Покровских ворот, на углу Колпачного и Хохловского переулков. Библиотека занимала шесть комнат второго этажа, в которых были установлены 32 шкафа с книгами, и находилась в ведении особого библиотекаря и его помощника. 14 августа 1812 года московский генерал-губернатор граф Ф. В. Ростопчин отдал Бантыш-Каменскому письменное распоряжение: «...архиву, не теряя

времени, укласть к отправлению». А 23 августа огромный обоз в 120 подвод, груженных сундуками и коробками с архивными материалами, покинул Москву в сопровождении 15 служащих и направился во Владимир, а затем в Нижний Новгород. Часть наименее важных документов архива и все печатные книги библиотеки эвакуировать не удалось. Для их охраны оставили около 10 человек во главе с секретарями надворными советниками И. А. Ждановским, М. И. Шульцем (он же библиотекарь) и комиссаром А. Тарховым.

С приходом в Москву наполеоновских войск в городе начались пожары. Сгорел служебный корпус архива. Неоднократно загоралось хранилище. Но работники архива отстояли его от огня и практически уберегли от разграбления. Библиотекарь Шульц лишился квартиры и имущества, но «всеми мерами старался о сохранении архивской библиотеки, испросив от французского начальства караул и охранительный для безопасности лист». По выходе неприятеля из Москвы Шульц и его помощник коллежский асессор П. Наумов начали приводить библиотеку в порядок. В конце января 1813 года вернулся Бантыш-Каменский с архивными материалами и каталогами, которые позволили уточнить потери. 13 октября 1813 года Шульц подал рапорт, в котором сообщил, что «неприятельскими военачальниками и солдатами разграблены и сожжены» 215 библиотечных книг, и приложил их список. Утрачено было 4 газетных номера.

В 1814 году умер Бантыш-Каменский. По установившейся традиции уникальное книжное собрание и многочисленные материалы исследователя поступили в библиотеку архива. Это — исторические сведения о России и азиатских народах, большое количество библиографических материалов, четыре из которых посвящены историческому описанию Московского Кремля.

После смерти Бантыш-Каменского восстановилось единовластное управление архивом; руководить им до 1840 года продолжал Малиновский, член Российской академии, возглавлявший с 1823 года в течение ряда лет также Комиссию печатания государственных грамот и договоров. Он оказал большую помощь Карамзину в поисках документов для «Истории государства Российского». Малиновский принимал активное участие в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве». Им написан ряд исторических работ, в том числе «Биографические сведения о князе Д. М. Пожарском» (М., 1817). Малиновский был известен и как переводчик драматических произведений с немецкого и французского языков.

В 1841 году материалы, собранные ученым за много лет научной деятельности, также поступили в библиотеку архива. Они содержат огромную и разнообразную информацию по исто-

рии России с 911 по 1706 год. Половина материалов — богатейшие источники для историко-археологического описания Москвы и окрестностей.

Малиновского на посту управляющего сменил Михаил Андреевич Оболенский, отставной офицер. Сорок один год проработал он в архиве, из них восемь лет под руководством своего предшественника. Благодаря начитанности в области отечественной истории, знакомству и общению с букинистами, собирателями древностей, Оболенский составил интересную коллекцию старинных рукописей. После его смерти наследники в 1874 году безвозмездно передали библиотеке архива 83 рукописи на разных языках, 33 старопечатных книги, портретную галерею, 3350 томов печатных книг на разных языках, в основном исторического и юридического содержания.

Преемником Оболенского стал Федор Андреевич Бюлер (1821—1896). Под его руководством архив и библиотека работали с 1873 года в течение 23 лет. В 1874 году они были перевезены в дом № 3 на Воздвиженке, занимавший территорию между Моховой (проспект Маркса) и Ваганьковским переулком (улица Маркса и Энгельса). Владение это в XVII веке принадлежало боярину В. И. Стрешневу, родственнику царицы Е. Л. Стрешневой, а в 1674 году перешло к тестю царя боярину К. П. Нарышкину, деду Петра I. Полуразрушенные пожаром 1812 года каменные здания были наспех восстановлены и с 1818 года в них разместилось Горное управление. В 1868 году постройки передали архиву в жалком состоянии. По проекту академика Якова Реймерса шесть лет продолжалась их капитальная перестройка, объединившая различные сооружения в одно здание, которое специально приспособили под архив и его библиотеку. Белое двухэтажное строение находилось в глубине озелененной территории, огороженной капитальным кирпичным оштукатуренным и побеленным забором с угловыми башнями. Центральный вход, парадно оформленный, был с Моховой, вдоль которой располагался основной корпус. Левое крыло здания было более длинное (на 2 окна по фасаду), и к нему под прямым углом в сторону Моховой примыкала церковь с двухэтажной трапезной. С Воздвиженки также имелся вход на территорию архива.

После устройства архива на новом месте Бюлер передал библиотеке в 1876 году географические карты, рисунки и 160 рукописей с описанием Астраханского края. В том же году поступили материалы Басниных, содержащие богатую информацию о Сибири, собранную, в частности, экспедицией в Якутию, снаряженной на средства П. П. Баснина, члена Русского географического общества.

В 1877 году архиву подарена библиотека братьев Н. А. и

В. А. Мухановых, состоявшая из 2142 книг на разных языках, в основном юридического содержания, 16 географических атласов, карт, планов.

В 1882 году библиотеку пополнили 2 тысячи книг по истории и политике с начала XVIII века — собрание Бюлера.

В дальнейшем поступали в библиотеку и другие частные собрания книг, фамильных бумаг, документов (например, о Сибири 1667—1770 годов), исторических актов за период с 1399 по 1700 год, представляющие большой научный интерес. Почти каждая книга, например, из обширной и знаменитой в конце XIX века библиотеки этнографа, юриста, государственного деятеля (в 1870—1897 годах был директором Департамента внутренних сношений министерства иностранных дел), литератора, библиофила Ф. Р. Остен-Сакена имеет специальные вкладные листки, содержащие отзывы на эту книгу в прессе, биографию автора и другие важные, интересные сведения.

Большинство министерств направляли в библиотеку архива издания подведомственных им учреждений. Из-за недостатка средств библиотека часто не имела возможности приобретать ценные книги и коллекции.

В 1883 году в состав архива вошло Государственное древлехранилище, образованное в 1853 году и помещавшееся ранее в Теремном дворце Кремля. В древлехранилище были сосредоточены редчайшие и ценнейшие государственные акты и рукописи (духовные и договорные грамоты московских великих князей, Софийская первая летопись, судебники Ивана III, Ивана IV, Соборное Уложение (1649) и другие документы), выделенные из различных государственных хранилищ, а также из числа собранных М. А. Оболенским.

В 1883 году фонд библиотеки, состоявший из 32 205 томов книг, рукописей, карт, планов, чертежей и других материалов, занимал около 200 шкафов и размещался в девяти отделах.

Около 2 тысяч рукописей с X по XVIII век более чем на 25 языках находилось в библиотеке к этому времени.

Коллекция славянских старопечатных книг содержала издания почти всех древнеславянских типографий, в том числе Франциска Скорины 1517—1519 годов. Среди них были чрезвычайно редкие, отсутствовавшие в других библиотеках России.

Много хранилось первопечатных изданий греческих и римских классиков, например, «Естественная история» Плиния (1469), сочинения Горация (1476), Аристотеля (1498), Геродота (1502), Плутарха и других. Имелось собрание Альдов и Эльзевиров.

Богатым было собрание старых книг. В частности, библиотека имела первый русский иллюстрированный «Букварь» Кариона

Истомина, гравированный на меди Леонтием Буниным и изданный в Москве в 1694 году.

Среди редких иллюстрированных изданий хранилась «История русского орнамента X—XVI столетий», составленная А. И. Бутовским по древним рукописям.

К 1898 году в библиотеке архива было собрано также более 700 портфелей с разнообразными ценными материалами для истории, статистики и географии России.

В одном из залов библиотеки по инициативе Бюлера был организован Московский отдел, в котором хранились рукописи и все, напечатанное о Москве с XVI века: сочинения иностранцев, начиная от Герберштейна и Олеария, отечественных авторов, иллюстрированные издания, описания кремлевских древностей, путеводители по Москве и ее окрестностям, виды памятников архитектуры в разные эпохи, изображения русской одежды, описания достопримечательностей древней российской столицы, многочисленные сочинения об Отечественной войне 1812 года, коллекция московских сатирических карикатур того времени на Наполеона и его армию работы И. И. Теребенева, газетные статьи по истории Москвы, карты, планы и другие материалы.

После смерти Бюлера, с июля 1896 года, архивом управлял князь П. А. Голицын.

В 1899 году библиотека получила один из самых значительных даров за всю историю своего существования: по завещанию известного московского собирателя Федора Федоровича Мазурина (1845—1898), почетного гражданина города, его сестры В. Ф. Бахрушина и В. Ф. Чернышева передали уникальную коллекцию, состоящую из большого собрания рукописей, 3 тысяч старопечатных книг 1493—1825 годов, иностранных изданий XVI—XVIII веков и многих других книжных редкостей по истории, философии, юриспруденции, географии, архитектуре, медицине, художественной литературе в изданиях XVIII века; в нее входили старые календари (начиная с 1713 года), каталоги библиотек и книжных магазинов, периодические издания 1755—1825 годов. Среди особо редких книг в собрании Мазурина, например, имеются «Житие Федора Васильевича Ушакова с приобщением некоторых его сочинений» (Спб., 1789) А. Н. Радищева, экземпляр конфискованного издания декабриста Николая Бестужева «Опыт истории русского флота» (Спб., 1822).

Последним руководителем архива был Сергей Александрович Белокуров (1862—1918), известный ученый, специалист по русской истории XV—XVII веков, археограф, правитель дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров, член-корреспондент Академии наук. Он служил архивному делу с 1886

года — в течение 32 лет. После смерти Белокурова его личные фонды также поступили в библиотеку архива.

Таким образом, по количеству сокровищ, которыми владела библиотека, она по праву считалась одним из ценнейших московских книгохранилищ.

В последней четверти XIX века она имела полные систематический и алфавитный каталоги. Все книги и другие материалы имели шифры, любое издание, рукопись легко и быстро могли быть найдены. Для широкого ознакомления читателей со своим богатым фондом библиотека готовила и печатала тематические каталоги. Благодаря такой эффективной информации, отличной организации, высококвалифицированному персоналу она пользовалась заслуженной известностью не только в Москве. Ее хорошо знали по всей России и за границей.

Сокровищами архива и его библиотеки активно пользовались многие выдающиеся деятели отечественной науки и культуры, зарубежные ученые; получали основную информацию для своих работ все известные русские историки: В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Г. П. Данилевский, М. И. Семевский, В. О. Ключевский и многие другие.

Руководители, сотрудники архива и библиотеки постоянно вели работу по выявлению ценных исторических документов и введению их в научный оборот. Велика заслуга работников в подготовке и публикации известного «Собрания государственных грамот и договоров», других изданий Румянцевского кружка. Они оказывали помощь и сами участвовали в течение многих десятилетий в деятельности Археографической комиссии, учрежденной в 1834 году для сбора и публикации исторических документов, и внесли заметный вклад в ее работу, итогом которой является знаменитое многотомное издание «Полного собрания русских летописей», продолженное после Великой Октябрьской революции и составляющее ныне 37 томов. В течение почти 150 лет (с 70-х годов XVIII века) архив и его библиотека являлись крупным научно-историческим и культурным центром Москвы.

В 1918 году был организован Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Бывший Московский главный архив министерства иностранных дел и его библиотеку включили в ЕГАФ, и они получили название Третье Московское отделение 1-й секции ЕГАФ. В 1920 году бывший Московский главный архив министерства иностранных дел и переданные ему фонды бывшего Государственного архива Российской империи составили 1-е отделение Государственного архива РСФСР. В 1925 году архив этот был упразднен, а фонды 1-го отделения перевели в здание бывшего Московского архива министерства юстиции на Большой

Пироговской улице, объединили с этим архивом и образовали древлехранилище Центрального государственного исторического архива, который в 1931 году был переименован в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, а в 1941 году — в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Сейчас в ЦГАДА хранится более трех миллионов документов с XI по XIX век.

В состав научной библиотеки ЦГАДА вошли три крупнейшие собрания: библиотека бывшего Московского архива министерства юстиции, библиотека бывшей Московской синодальной типографии и библиотека бывшего Московского главного архива министерства иностранных дел — наиболее ценная и обширная, из которой выделены и хранятся в виде отдельных фондов старопечатные книги из коллекции Ф. Ф. Мазурина (фонд 1249) и еще 5 тысяч томов 1475—1825 годов (фонд 1250).

Документы бывшего Государственного древлехранилища хартий и рукописей за 1265—1767 годы также выделены в отдельный фонд — 135-й, содержащий 397 ценнейших исторических материалов.

В настоящее время в библиотеке ЦГАДА около 250 тысяч единиц хранения.

Здание, которое занимали бывший Московский главный архив министерства иностранных дел и его библиотека до 1925 года, было снесено и на освободившейся территории по проекту архитекторов В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейха воздвигнуты новые корпуса Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Полски
и
наредки

Много лет книги дарят меня находками. Находки позволяют проникнуть в глубину жизни писателей, которых отделяют от нас иногда целые столетия.

В. Г. ЛИДИН

Константин Ковалев

ИЗ АРХИВА П. И. ЧАГИНА

Имя Петра Ивановича Чагина — издателя, редактора, неутомимого партийного организатора — широко известно. Немало статей и других самых разнообразных выступлений в печати было посвящено его жизни, его дружбе со многими именитыми деятелями нашей культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют и документы из архива. Они хранятся в доме на Сретенском бульваре в Москве. На обитой черной кожей двери квартиры четвертого этажа до сих пор поблескивает табличка с лаконичной надписью: «Петр Иванович Чагин». А всякого гостя неизменно встречает хранительница очага — Мария Антоновна Чагина. Долгие годы она была спутницей Петра Ивановича. И теперь она продолжает быть рядом с ним — с его бумагами, письмами, документами, фотографиями, книгами...

Поистине архив П. И. Чагина — грандиозен. Даже если просто перечислить имена тех, чьи письма хранятся здесь, то уже от одного этого замечательного ряда можно прийти в изумление. И невольно задаешься вопросом: отчего до сих пор все эти документы не обобщены и не оформлены в книгу, которая могла бы стать событием в нашей литературно-общественной жизни, могла бы показать необычный, удивительный мир издателя, всю жизнь отдавшего развитию отечественной литературы. С именем Петра Ивановича Чагина непосредственно связаны творческие судьбы таких людей, как Н. Кончаловская, Л. Леонов, С. Городецкий, С. Есенин, Н. Заболоцкий, Вс. Иванов, Н. Клюев, М. Лозинский, Б. Пастернак, М. Пришвин, А. Серафимович, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Федин, О. Форш, К. Чуковский, В. Шишков и многие другие. Он принимал участие, помогал, протезировал, организовывал, публиковал. Он был тем человеком, который был необходим писателям. Уже вошел в легенду «чагинский» стиль, «чагинский» мир...

В самом деле, мы уже давно говорим о том, чтобы на страницах «Альманаха библиофила» рассказывать о судьбе изда-

телей, которые строили нашу книжную державу как в послереволюционные годы, так и в наши дни. Чагин, в этом смысле, не только известное имя. Он поистине большой любитель книги, ибо ценил, знал все, что связано с книгой. Почти полвека на издательском поприще, сотни и тысячи наименований выпущенных книг, а с ними — тысячи авторов, «восшедших» на наши книжные полки...

В домашнем архиве Марии Антоновны Чагиной находятся произведения самого Петра Ивановича — стихи, рассказы, литературные портреты, а также малоизвестные и неопубликованные произведения многих писателей, письма, автографы, частные бумаги, бесчисленные фотографии, большинство которых с уникальными надписями, а также книги, книги, книги. И почти все — с дарственными надписями авторов, адресованными П. И. Чагину.

Мы воспользуемся этими материалами, чтобы еще раз рассказать о Петре Ивановиче. Давайте проследим биографию издателя, пройдем его бурной и насыщенной жизнью. Документы, любезно предоставленные Марией Антоновной, помогут нам в этом.

Итак, вернемся к самому началу.

Петр Иванович Болдовкин (такова его настоящая фамилия; Чагин же — литературный псевдоним) родился 28 мая по старому (9 июня по новому) стилю 1898 года в Москве — в Замоскворечье. Отец его работал конторщиком на текстильной фабрике Даниловской мануфактуры. Петр закончил городское трехклассное училище, среднее училище Московского общества распространения коммерческого образования. Затем учился в Московском университете на историко-филологическом факультете. Время учебы на третьем курсе университета совпало с февральскими днями 1917 года. И тут события жизни студента Чагина вдруг начинают разворачиваться с головокружительной скоростью. Стоит привести рассказ самого Петра Ивановича из его автобиографии, написанной в конце 40-х годов.

«Ушел из университета с третьего курса в марте 1917 г. с первым выстрелом революции, которую встретил почти уже большевиком — с 1917 года принимал активное участие в марксистском кружке при столовке Московского Коммерческого института.

В июле 1917 года вступил в партию большевиков, будучи в Петергофской школе прапорщиков. Был членом Петергофского и Петроградского Советов. За участие в вооруженной демонстрации 3—5 июля 1917 г. отбывал наказание в Петергофской тюрьме. В октябре 1917 г. был произведен в прапорщики и накануне Октябрьской революции был послан в воинскую часть.

По дороге в воинскую часть в Москве вступил в ряды Красной гвардии и принял активное участие в Октябрьском перевороте в своем родном Замоскворецком районе, командуя Красногвардейским отрядом. Был ранен в грудь навывлет. По выходе из госпиталя в ноябре 1917 г. был избран членом президиума и секретарем Замоскворецко-Даниловского райсовета.

Вместе с общественно-политической, революционной деятельностью тогда же началась и моя литературная работа — с заметок и рецензий в московском большевистском органе „Социал-демократ“ и со стихов в лит.-художественном журнале „На рельсах“.

От тех времен сохранились стихотворения П. И. Чагина. Некоторые еще несовершенно. Одно из них, датированное 4 ноября 1917 года, посвящено памяти Люсик Люсиновой, погибшей 1 ноября в боях на московской улице:

Со всеми, как всегда, и ты.
Мы на знамена, кровью пьяны,
Сорвали красные бинты
С твоей наплакавшейся раны.

И перед нами алый круг
Блеснул на белоснежном теле,
Как роза, брошенная вдруг
В венок из бледных иммортелей.

Пусть вражьей пулей метит рок
Все, что нам нужно, что нам мило,
Мы опускаем, как венок,
Тебя к товарищам, в могилу.

Позднее это стихотворение будет напечатано на страницах газеты «Бакинский рабочий».

А вот еще одна проба чагинского пера того времени; стихотворение публикуется впервые:

От телеграфа по дороге — гудко.
Густ ветер по канавам и в кустах,
Ленив порывов стынувших размах,
И розов гладкий мрамор первопутка.

Навстречу розвальни. Ушами чутко
Поводят лошади. За шагом шаг
Бросают в снег. Слежу их каждый взмах.
Смотрю вокруг. — Просторно и не жутко.

Уйти с утра! Весь день в полях бродить,
Дышать морозцем, небо, солнце пить,
Мять шелковые снежные плащи!

Дождаться звезд ночного покрывала!..
Нет, лучшего судьба не посылала
Земному путнику. И не ищи!

С. Есенин и П. Чагин. Баку, 1924

Большинство поэтических опытов Чагин подписывал псевдонимом «Ник. Алексеев». Некоторые из них публиковались на страницах газет и журналов 20-х годов. С одним из стихотворений связана необычная история, хорошо известная исследователям творчества Сергея Есенина.

Этот эпизод из интересного периода бурной чагинской биографии — бакинского. С самого начала 1921 года Петр Иванович находился в Баку на ответственной партийной работе, первоначально как руководитель отдела народного образования, а затем в качестве второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Вот что писал о том времени известный советский военачальник, автор книги «Год с винтовкой и плугом» Александр Иванович Тодорский (материал также из архива Чагина):

«Моя военно-политическая служба в Закавказье в 1920—1923 гг. прошла в основном в Советском Азербайджане, в гор. Баку, где я был начальником гарнизона, командиром дивизии и командиром корпуса... Для того чтобы части Красной Армии были поставлены в еще лучшие культурные и материально-бытовые условия, ЦК партии создал новую общественную организацию в промышленно-рабочем Баку — Бюро шефов, которое объединяло инициативу по помощи Красной Армии со стороны партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных органов и широкой рабочей массы. Председателем Бюро шефов был заслуженно избран и утвержден ЦК тов. Чагин. Авторитет П. И. Чагина среди рядовой красноармейской массы, с которой он был всегда тесно связан, был настолько высок, что на общих собраниях нескольких военных частей гарнизона он был единодушно и по воле самих красноармейцев избран почетным красноармейцем. Кроме чисто материальной помощи части Красной Армии получали большую культурно-просветительскую работу, что в условиях того времени при более чем половине неграмотных и малограмотных красноармейцев имело особо исключительное значение... Все мы высоко уважали и искренно любили тов. Чагина».

Как известно, одновременно с партийной работой много времени и сил П. И. Чагин отдавал редактированию газеты «Бакинский рабочий», а также приложения к ней — сатирического журнала «Желонка». «Еще до создания первого советского толстого журнала, „Красной нови“, — пишет он в автобиографии, — печатаю произведения советской художественной литературы на страницах „Бакинского рабочего“ (Маяковского, Есенина, Леонова, Ильфа, Сейфуллиной, Всев. Иванова и др.). В числе других книг в изд-ве „Бакинский рабочий“ выпускаю со своим предисловием сборник стихов С. Есенина „Русь Советская“».

О дружбе Есенина и Чагина, которая широко известна, следует еще раз сказать несколько слов. Есенин приехал в Баку в 1924 году. Именно тогда он начинает работать над книгой стихов «Персидские мотивы», каждое издание которой предварялось впоследствии неизменным кратким посвящением: «Петру Ивановичу Чагину». В одну из встреч друзей Есениным и было подписано новое стихотворение. Оно не стало потом украшением его поэтических сборников и собраний сочинений. Потому что написано оно было Чагиным. Этот факт дополняют и воспоминания Марии Антоновны, жившей тогда в Баку. Многие вечера друзья проводили у нее в гостях. Началось все с того, что однажды Петр Иванович сказал:

— А вот сегодня я приведу к вам Сергея Есенина, нашего большого поэта...

«Пришел Чагин с Сергеем Александровичем,— рассказывает Мария Антоновна.— Мы долго разговаривали. Есенин стоял у окна и смотрел вниз. Я подошла к нему и спросила: „Сергей Александрович, почему вы такой грустный?“ „Вы видите желоб? Из него течет ржавая вода. Так вот я такой же ржавый желоб, но из меня течет родник, как из Кастальского источника...“

В день рождения Есенина, 3 октября 1924 года, они принесли мне две фотокарточки. Одну я приняла, а другую забраковала. На подаренной фотографии сделал надпись Петр Иванович:

М. А.! Примите дружный дар
Двух рыцарей пера,
Скандального Сергея,
И бурного Петра.

Сергей Александрович под этой надписью приписал:

Дорогая Мария Антоновна!
Сие есть истина и не условно,
Можно поклониться прелестью Ваших глаз,
Не забывайте грешных нас.

Скандальный Сергей. 3 октября 1924 года...

Четверостишие Есенина уже публиковалось в нашей печати.

В Баку П. И. Чагин находился до начала 1926 года. Уже тогда, очевидно, и сформировалось его главное «кredo» — ответственная и бескорыстная поддержка, помощь молодым литераторам, непременно участие в их творческой судьбе.

Уже в 1925 году к Чагину в Баку идут и идут письма. Литературный отдел «Бакинского рабочего» публикует многих известных писателей. Вот, например, письмо Всеволода Иванова от 24 сентября 1925 года:

«Дорогой товарищ Чагин...

Я посылаю Вам рассказ „Каменные калачи“. Оного рассказа у меня один экземпляр. Он будет напечатан в окт. или ноябр.

книжке „Нового мира“, и потому нужно поспешить напечатать его. Кроме того, очень нужно мне послать напечатанный экземпляр в Москву жене моей, она его должна успеть вставить в книгу рассказов, которая должна выйти в ноябре. Я думаю — посылайте ей „Бакинский рабочий“, а она уже сама вырежет рассказ и передаст его издателю.

Пишу и оканчиваю два рассказа. Оба — очень подойдут к Вам, ибо действие их разворачивается на юге, а в одном описывается — впрочем, прочтете сами.

Пошлю их дней через десять...

Крепкий привет Вам,

Всеволод».

Предельное внимание к писательскому творчеству стало уже тогда не только стилем работы Чагина, но вошло в его жизнь, как хорошая, добрая традиция. В автобиографии он так и напишет: «Будучи теснейшим образом на протяжении всей своей партийно-политической, журналистской и издательской деятельности связан с художественной литературой, эту же традицию я продолжал и на страницах редактировавшихся мной впоследствии газет „Красной газеты“ в Ленинграде (1926—1930 гг.) и „Заря Востока“ в Тбилиси (1931—1932 гг.). Одновременно с „Красной газетой“ и „Зарей Востока“ я редактировал литературно-художественные приложения к ним: „Красную панораму“, „Резец“, „Бегемот“, „Вокруг света“, „Пламя“. При „Красной газете“ мною было также организовано крупное издательство политической и художественной литературы, которым я непосредственно руководил.

В редактировавшихся мной газетах и журналах начали свой литературный путь многие советские писатели...»

Действительно, с 1926 года, находясь в Ленинграде, П. И. Чагин редактирует «Красную газету», вокруг которой он сплотил замечательный авторский актив. Им были организованы всевозможные журналы и библиотечки к ним, как, например, библиотека «Науки и техники», серии приключенческих и фантастических книг при журнале «Вокруг света». Чагин работает часто почти круглые сутки, заражая своей энергией даже не очень близких к издательскому делу людей. Таким был, к примеру, художник И. Бродский, по инициативе Чагина выступавший со своими интересными зарисовками на страницах «Красной газеты».

В архиве Чагина хранится изданная в 1926 году книга «Расстрел двадцати шести бакинских комиссаров. Картина художника И. И. Бродского». На первой ее странице типографским шрифтом выделено: «Экземпляр Петра Ивановича Чагина», а на титульном листе — надпись: «Дружески и с искренним расположе-

нием подношу милому и симпатичному человеку Петру Ивановичу Чагину. Худ. И. Бродский. 22.X.26».

«Красная газета» пользовалась в те дни заслуженной популярностью. В ее адрес шли многочисленные письма со всех концов света. Свою книгу подарил редакции Анри Барбюс, написав: «Товарищам „Красной газеты“. Братски ваш». В январе 1928 года из Сорренто Чагину прислал письмо А. М. Горький. В письме, уже публиковавшемся ранее, отмечалось:

«Позвольте благодарить Вас за „Красную газету“ — образцовая газета, отлично ведется; мне особенно удачным кажется отдел „В мире науки“, впрочем, и отдел „полезных советов“ — хорош...

Мой сердечный привет

А. Пешков».

В это самое время активную деятельность развернуло Ленинградское общество библиофилов. Одним из его председателей был Эрих Федорович Голлербах. П. И. Чагин, ведавший изданиями книг, отчасти и бумагой, не мог не иметь некоторого отношения к печатной продукции, выпускаемой ЛОБ. Свидетельством этому может стать уникальная книга «Город муз», увидевшая свет в 1927 году. Она числится как «издание автора» — Э. Голлербаха. На одном из изысканных библиофильских раритетов — надпись: «Петру Ивановичу Чагину в знак искреннего уважения и приязни. Автор. 10 авг. 27». На обороте титула «Города муз» мы видим текст: «Отпечатано в количестве 300 экз., из них 25 нумерованных на голландской бумаге верже», а далее рукой автора приписано — «№ 7, Г.»...

Нельзя не упомянуть и еще об одном любопытном факте из биографии П. И. Чагина, не привлекавшем внимание тех, кому приходилось писать о нем. В 1928 году он был командирован по предложению С. М. Кирова в Германию. Целью поездки было знакомство с достижениями немецкой полиграфии. Два месяца продолжалась эта поездка. Петр Иванович приобрел для ленинградских типографий новое полиграфическое оборудование.

После «Красной газеты», до работы в «Заре Востока», Чагин был заведующим Ленинградским отделением Государственного издательства художественной литературы, главным редактором Гослитиздата, а также председателем правления издательства «Academia».

Мария Антоновна хранит как своеобразный курьез оставленный на бланке издательства «Academia» автограф, напоминающий ей об одном событии. Это было в 1930 году. Они с Петром Ивановичем отправились в гости к С. Городецкому. Два собрата по перу решили вдруг сочинить совместно шуточные стихи. Сначала рука Городецкого вывела:

Когда из лучезарной влаги
Венера на берег сошла,
Попался ей навстречу Чагин
С доской крылатой у чела...

А затем Чагин продолжил:

И он с лицом бледней бумаги
Седлая своего осли,
Исполнен бешеной отваги,
Пришил Венере два крыла...

С 1933-го по конец 1938 года П. И. Чагин руководит работой издательства Академии наук СССР и одновременно редактирует журнал «Рабочий и театр». Уже позднее, в 1948 году, в одном из своих писем к Петру Ивановичу академик С. И. Вавилов напишет: «В Академии наук тепло и хорошо вспоминают о Вашей работе в ИАН (издательстве АН СССР.— К. К.). У нас с Вами в дальнейшем найдется немало общих участков работы...»

За время работы в газетах П. И. Чагиным были написаны сотни статей на самые разнообразные общественно-политические темы.

В 1939 году Чагина назначают на пост директора Государственного издательства художественной литературы, где он проработал до 1945 года. В эти годы с наибольшей полнотой развернулся его организаторский талант. Все больше крепнут его дружеские связи со многими известными советскими писателями. И не только с советскими. Сколько писем и других документов сохранилось от этого периода! О переписке, например, Б. Л. Пастернака с П. И. Чагиным, связанной с работой поэта над переводами шекспировских трагедий, мы уже писали. И теперь мы обратимся к архиву, который напомним нам о той незабываемой эпохе.

«Никто не подходил ко мне так просто, по-товарищески, как Вы,— писал в июне 1940 года Чагину А. Серафимович.— Никто не выручал меня в очень тяжелые минуты так мягко, так не давая понять, что Вы этого могли бы и не делать, да формально и не обязаны, в сущности, делать...» Эти слова действительное подтверждение тому, что Чагин, помогая многим именитым литераторам в издании их трудов, часто «выручал» их. Выручал, когда было трудно,— материально. Выручал, когда было еще труднее,— в годы Великой Отечественной войны, устроявая материалы в журналы, большинство которых были эвакуированы и «разыскивать» их многим эвакуированным писателям было нелегким делом. Он как связующий центр пересылал материалы, сопровождал их письмами и рекомендациями, отвечал, рецензировал, советовал. Кто только не обращался к нему. Еще в 1940 году в одном из писем к Чагину от К. Чуковского мы узнаем о

судьбе двух книг последнего: «Высоком искусстве», посвященном мастерству перевода, и о творчестве У. Уитмена. О первой книге Чуковский пишет:

«Вчера на заседании президиума ССП энергично заговорили о том, что в борьбе за качество нашей словесности нам нужно наконец приступить к разработке вопросов, связанных с художественной формой. Вот и выпустить бы теперь эту живую и жгучую книгу, написанную на таком материале, как переводы „Джангара“, „Манаса“, Давида Сасунского, Джамбула, Сулеймана Стальского, а также Шекспира, Диккенса, Хемингуэя, Бальзака, приучающую думать о стиле, о поэтической форме...»

Далее, уже шутливо, он пишет о второй книге:

«По поводу договора о Уитмене:

В августе Вы сказали, что подпишете его в начале сентября.

В начале сентября Вы сказали, что подпишете его в конце сентября.

Я верю Вам и не еду на юг лечиться.

Ваш К. Чуковский».

С благодарностью обращается к Чагину в своем письме от 15 января 1941 года из Ялты Л. Сейфуллина:

«Уважаемый и дорогой Петр Иванович.

Вчера я подписала и отправила договор в договорную часть Гослитиздата. Не найду слов, чтобы выразить, как благодарна я Вам и как это обстоятельство окрылило меня. Писать сейчас мешает еще и холод. Благословенный юг сбесился, вообразил себя севером. Третий или четвертый день, по-моему вечно, падает снег. Правда, не лежит, а исчезает, но, проклятый, оставляет такой холод, к какому не приспособлены ни ялтинские жилища, ни их обитатели.

Хорошо, хоть сердце писателя Вы согрели издательским договором...

Крепко жму Вашу руку.

Всегда искренний Ваш друг

Л. Сейфуллина.

P.S. Пожалуйста не забудьте передать мой привет, большой и сердечный, Марии Антоновне...»

Великая Отечественная война осложнила деятельность многих издательств. Но книги, нужные, необходимые, продолжали выпускаться. Договора, заключенные еще до войны, часто оставались в силе. В трудных условиях продолжалась и активная работа Гослитиздата. Не имеет смысла комментировать «чагинские» материалы, сохранившиеся от тех дней. Мы просто приведем здесь тексты некоторых из них, с тем чтобы еще раз показать, чем и как жила тогда наша литература, наше книгопечатание.

Вот два письма из Ташкента, куда были эвакуированы некоторые ученые и писатели. Первое — от 9 апреля 1942 года: «Дорогой Петр Иванович!

Все три книги романа „Хождение по мукам“: „Сестры“, „Восемнадцатый год“ и „Хмурое утро“ — мною вновь еще раз проредактированы, сейчас переписываются и в ближайшее время я вышлю их Вам для издания однотомника. Эту трилогию надо выпустить двумя изданиями: одно по типу предполагавшегося ленинградского (так как там оно, по-видимому, осуществлено не будет) — тиражом в 25—30 тысяч и второе — массовое...

Рукопись сборника статей посылаю Вам сегодня самолетом. Она будет доставлена в „Новый мир“ т. Щербине. Я прошу его переслать ее Вам. В сборник вошли 5 статей, уже печатавшихся в маленьком сборнике моих статей, а именно: „Что мы защищаем“, „Я призываю к ненависти“, „Армия героев“, „Кто такой Гитлер и чего он добивается“, „Несколько поправок к реляции Геббельса“. В сборник „Родина“ их необходимо ввести, так как он подобран и проредактирован мною как нечто цельное...

Сборник посылаю Вам вторично. Первый раз послал еще 10 марта, самолетом, который сделал из-за погоды посадку в таком месте, где обычно самолеты не делают остановки, просидел там месяц и теперь возвращается, так и не доставив моего пакета по назначению. Вот причина задержки в посылке Вам рукописи сборника.

Жму руку

Алексей Толстой».

Следующее письмо датировано 11 мая 1942 года:

«Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Находясь с декабря в Ташкенте в связи с эвакуацией из Ленинграда академиков и членов-корреспондентов, я на днях узнал из первомайского номера „Литературы и искусства“, что Вы предпринимаете в Гослитиздате издание серии — «Героический эпос народов СССР». Известие это меня очень заинтересовало, т. к. я сам за последнее время работал над сравнительным изучением героического эпоса, готовя книгу по этому вопросу в развитие намеченных мною еще до войны тезисов о сравнительном изучении поэзии Запада и Востока. Пребывание в Ташкенте позволило мне углубить свои востоковедческие интересы специальными занятиями: в частности, я очень интенсивно занимался узбекским языком и научной литературой по эпосу тюркоязычных народов, так что упоминаемые в газетном сообщении о Вашей серии „Манас“, „Кер-Оглы“, „Едыге“ стали для меня живыми и реальными, а узбекского „Алпамыша“ я читаю в оригинале, участвую в редакции перевода...

Мне очень хотелось бы осуществить и напечатать главу из моей будущей книги об эпосе „Образ народного героя в эпосе Востока и Запада“...

Остаюсь с неперменным уважением и сердечным приветом
В. М. Жирмунский»

Не прошло и года войны, как Гослитиздат выпустил знаменитую книжку-альбом карикатур «Урок истории». Ее текст написал С. Маршак, а все рисунки выполнили Кукрыниксы. В архиве П. И. Чагина сохранилось это издание с дарственной надписью: «Дорогому Петру Ивановичу, создателю и издателю этой книги. С любовью — Кукрыниксы. Москва, ноябрь, 1942».

Если продолжить этот «библиофильский» мотив, то нельзя не сказать об интересной самодеятельной книжице стихотворений Николая Глазкова, изготовленной самим поэтом и подаренной Петру Ивановичу в 1943 году. Сборник открывается так:

П. И. Чагину

Есть ли поэзия в стихах Глазкова,
Пусть задают такие мне вопросы.
Поэтоград появится не скоро,
А все, что не поэзия, то проза.
Тому, кто любит 25-й век,
Тому, кто враг мещанства или мистики,
Тому, кто Чагин, чудный человек,
Не могут не понравиться мои стихи...

Но вернемся к письмам. Вот из Ашхабада обращается с предложением к Чагину Б. Козьмин.

«Многоуважаемый Петр Иванович!

Обращаюсь к Вам с небольшим литературным предложением. В октябре сего года (письмо написано в начале 1943 года. — К. К.) исполняется столетие со дня рождения Глеба Успенского. Состоя заместителем главного редактора академического собрания сочинений Успенского и занимаясь в связи с этим изучением этого писателя, я хотел бы написать в связи с юбилеем популярную брошюру о жизни и творчестве этого писателя. При этом я хочу подойти к Успенскому, как к горячему патриоту, болезненно переживавшему все неустройства и темные стороны русской жизни и метавшемуся в поисках средств для ее оздоровления. Остановлюсь я и на отношении Успенского к германскому милитаризму; у него есть очень любопытные и ценные высказывания на этот счет...

Желаю Вам самого лучшего.

Уважающий Вас Б. Козьмин».

Т. Щепкина-Куперник, работавшая в то время над рукописью книги «Театр в моей жизни», пишет П. И. Чагину из подмосковного Болшево 9 июля 1943 года:

«Многоуважаемый Петр Иванович, так я и уехала, не дождавшись рукописи, и меня смущает то, что она у Вас невыправленная, и кто ее читает — может найти повторение, ошибки и пр. Ну что делать. Если решится в пользу книги — это дело поправимое. Хотела Вам еще сказать, что у меня почти к каждой главе есть портреты, иллюстрации и пр.

Я под Москвой, но связь у меня с городом ежедневная...

С уважением и приветом Т. Щепкина-Куперник».

Подходит к концу кровопролитная война, и письма уже дышат весной приближающейся Победы. В. Б. Шкловский писал в октябре 1944 года:

«Дорогой Петр Иванович!

После войны я обещаю Вам прислать не просьбы, а цветы. Думаю, что война кончится весной, и я Вам пришлю подснежники, а не сирень...

Желаю Вам счастья. Сам я болен. У меня низкая температура. Я устал. Я даже слезлив.

Впрочем, обижаю людей.

Я негодую на своих товарищей, которые потеряли притязательность великой русской литературы.

Хорошо быть лауреатом, но хотеть надо быть апостолом. О новых апостолах писал Блок, когда писал „12“. Книга Маяковского «Облако в штанах» носила название „13-й апостол“.

Пророком и апостолом считал себя Есенин.

Конечно, надо иметь и — что говорить.

Желаю Вам счастья, хорошей температуры, в крови, в квартире и в учреждении.

Да будет бумага с Вами.

Виктор Шкловский».

В декабре 1944 года престарелый В. Вересаев сообщал Чагину о своей работе над переводами из Гомера.

«Уважаемый Петр Иванович.

Мною закончен полный перевод обеих гомеровских поэм — „Илиады“ и „Одиссеи“. В настоящее время „Илиада“ редактируется членом-корреспондентом Академии наук профессором Иваном Ивановичем Толстым. Им сделано мне очень много ценных указаний. Двенадцать песен „Илиады“ мной соответственно этим указаниям исправлены и уже совсем готовы к печати.

Меня очень беспокоит вот что. Здоровье мое плохо, и вряд ли я сам успею исправить текст второй половины „Илиады“, а потом „Одиссеи“ по указаниям тов. Толстого. Вопрос: в каком виде печатать окончательно не исправленные мною части поэм... У каждого поэта свой стиль, не исчезающий и в переводных его вещах... Поправки моего перевода соответственно указаниям знатоков сделали бы мой перевод пятнистым в смысле стиля.

Я уже и раньше много переводил эллинских поэтов (обе поэмы Гесиода, Гомеровы гимны, Сафо, Архилох^{<a>} и др.). Переводы эти не подвергались предварительно редактуре знатоков, однако не вызывали ни с чьей стороны существенных возражений. Конечно, замечания таких знатоков, как Ив. Ив. Толстой, ценны и значительно улучшают мой перевод. Но если осуществить эти замечания я сам не буду иметь возможности, то наиболее целесообразным выходом будет, с моей точки зрения,—печатать перевод поэм в частях, которые я сам не успел исправить, в неисправленном виде.

Об этом я очень прошу Государственное издательство.

В. Вересаев.

Мы знаем теперь, что до самого последнего дня своей жизни переводчик работал над этими текстами...

К военному времени относятся некоторые письма из архива Чагина, связанные с изданием в нашей стране произведений зарубежных писателей. При Гослитиздате выходил журнал «Интернациональная литература». Немецкой редакцией журнала руководил известный писатель, а впоследствии государственный деятель ГДР И. Р. Бехер. Совместно с Чагиным он организовывал материалы для антифашистского журнала. В одном из писем к Петру Ивановичу, в сентябре 1943 года, в котором И. Р. Бехер намечал меры по распространению «Deutsche Blätter» среди немецкого населения, он, в частности, писал:

«В различных странах, как известно нашей редакции из писем и телеграмм иностранных друзей и сотрудников, существует большой интерес к нашему журналу. После образования Национального комитета „Свободная Германия“ этот интерес возрастет еще...»

«Интернациональная литература» публиковала и другого известного немецкого писателя — Генриха Манна. Он неоднократно присылал свои материалы в адрес Гослитиздата. Большую переписку ярко иллюстрирует, например, письмо П. И. Чагина и ответственного редактора «Интернациональной литературы» на русском языке Б. Сучкова, написанное в 1944 году:

«Дорогой мистер Генрих Манн...

Мы были рады после долгого перерыва получить от Вас известие и узнать, что Вы находитесь в добром здоровье и по-прежнему полны творческих сил.

Вы знаете, каким большим успехом пользуются у советского читателя Ваши книги...

Ваше согласие сотрудничать в советских изданиях нас очень порадовало. Ваша блестящая публицистика, полная страсти и разящего сарказма, явится ценным вкладом в борьбу с гитлеризмом, которую ведет советский народ...

Рукописи и письма удобнее всего отправлять... в адрес Гослитиздата на имя его директора Чагина или в адрес журнала „Интернациональная литература“ (русское издание) на имя ответственного редактора Бориса Сучкова.

Вы очевидно знаете, что в Москве выходит немецкое издание „Интернациональной литературы“ — „Deutsche Blatter“, которое редактирует Иоганнес Бехер. Таким образом, присланные Вами произведения появятся не только на русском, но и на немецком языках.

Просим передать привет нашим друзьям — немецким писателям-антифашистам. Хотелось бы, чтобы и они присылали нам свои новые произведения и письма.

Мы пишем Вам это письмо в те дни, когда Красная Армия ведет успешное наступление, нанося гитлеровским разбойничьим войскам поражение за поражением. Мы уверены, что недалеко то время, когда Ваш мужественный голос прозвучит в свободной, новой Германии. Искренне Ваши П. Чагин, Б. Сучков».

С Чагиным связана также подготовка к изданию в нашей стране произведений известного американского писателя Теодора Драйзера. Этот факт может стать предметом отдельного исследования, которое не входит в нашу задачу. Мы лишь приведем здесь письмо Т. Драйзера, характеризующее эту работу.

В 1945 году он написал запрос на имя Чагина:

«Дорогой г-н Чагин!

Я только что закончил роман „Оплот“, который будет напечатан в Нью-Йорке в конце 1945 года; тема его — судьба одной квакерской семьи — ее трех поколений. Мне хотелось бы знать, не будет ли Вам интересно выпустить эту вещь в России.

Весной 1946 г. выйдет также мой роман „Стоик“ — третий том моей трилогии, которую я называю „Трилогией желаний“. Первый том — „Финансист“, второй — „Титан“. Третьим будет „Стоик“. Помимо изображенной в нем любовной истории, он представляет собой обличение развивающегося капитализма. Вы, может быть, захотите издать всю эту трилогию в целом? Во всяком случае, я выпущу ее как роман в трех томах.

Если бы Вы захотели выпустить „Оплот“ или „Стоик“ в России (или, что я бы особенно приветствовал, — трилогию «Желание»), мы могли бы заключить соответствующий договор. Если так, то я хотел бы, чтобы в договор было включено условие о том, что каждый год в одни и те же сроки я буду получать от Вас отчетность по изданию моих книг.

Буду очень рад получить ответ по данному вопросу.

С глубоким уважением
искренне Ваш

Теодор Драйзер».

В дальнейшем Драйзер пишет Чагину несколько писем, в которых, предчувствуя свою приближающуюся кончину, интересуется судьбой предполагаемых изданий. Одно из них, например, датировано 11 декабря 1945 года—это за несколько дней до смерти американского писателя. Через месяц уже его вдова, Хелен Драйзер, напишет Петру Ивановичу о муже, вложит в конверт свой сонет, посвященный ему...

Двигаясь по жизненным путям Чагина, хочется остановиться еще на одном направлении в его деятельности. Речь пойдет о книгах, о их роли в его судьбе. Ведь они, и это понятно, занимали большую часть его души. В прихожей его квартиры, в кабинете все стены были заставлены стеллажами. Но он охотно раздавал книги всем, кто об этом просил. Чагин помогал, в частности, как директор Гослитиздата, в комплектовании общественных библиотек и личных собраний писателей. Так, в августе 1943 года А. Серафимович в постскрипуме своего письма напоминает Петру Ивановичу: «Вы обещали книги для города Серафимовича». В другом письме, на бланке московского Клуба писателей, подписанном В. Лидиным от 22 июня 1943 года, мы читаем:

«Уважаемый товарищ Чагин!

Клуб писателей приносит Вам свою искреннюю благодарность за содействие в устройстве книжного базара, весь чистый сбор с которого предназначен на приобретение библиотеки для Сталинграда.

Клуб надеется, что Вы окажете содействие и в деле комплектования этой библиотеки».

Зная «безотказность» Чагина, в феврале 1945 года М. Рьльский от имени Союза писателей Украины обращается к нему с просьбой:

«Дорогой Петр Иванович!

У нас начала функционировать библиотека Клуба писателей, но, к сожалению, во время немецкой оккупации наши книжные фонды полностью разграблены, и на сегодняшний день наша библиотека имеет незначительный книжный фонд (250—300 экземпляров).

Убедительно прошу Вас дать указание о выделении из Ваших фондов для библиотеки Клуба писателей Украины хотя бы по 3 экз. всех имеющихся названий...

С глубоким уважением и приветом

М. Рьльский».

Подобного рода просьбы нередко встречаются в письмах к Чагину. 17 мая 1945 года из Ялты обращается к нему М. Чехова:

«Дорогой Петр Иванович!

У меня к Вам большая просьба—будьте добры, пришлите мне несколько экземпляров последнего издания Чехова—

Любезнейший

Петр Иванович!

Люди дела малерного и писцового,
 в день мужеской зрелости Твоей,
 желают Тебе умножения доброй сла-
 вы в будущем и преумножения дви-
 жения лет, дабы сохранял Ты бодрость
 в поступках, зрелость в суждениях,
 резвость в изданиях, щедрость в
 гонимых, а также ясность за-
 толкнуто. Мы же, люди дел малерных
 и писцовых, поем Тебе славу без вся-
 кого аванса, единственно по дружбе
 и любви к Тебе.

Малерных и писцовых дел люди:

И. Ильин

Лавров

С. Карамузин

Косов, с Большой Косовки

И. Ильин

К. Мещеряков

М. Мещеряков

Виктор Ш. Ш. Ш.

В. Кавказ

Тос-д Москва,

в 50 лет от рождения Петра Ивановича Чагина

Дружеский шарж
на П. И. Чагина

Дружеский шарж

больших и маленьких книг. Буду Вам сердечно благодарна. Мое положение обязывает меня часто подносить книги Чехова с надписью исключительным людям, посещающим Дом-музей Чехова... К сожалению, большое расстояние и мое нездоровье мешают мне повидаться с Вами!

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего,

М. Чехова».

...В 1946 году П. И. Чагин работает на посту директора издательства «Московский рабочий». А через два года литературная общественность отмечает пятидесятилетие со дня его рождения и тридцатилетие его редакторской и издательской деятельности. 24 июня 1948 года в Центральном Доме литераторов состоялся вечер. На нем с поздравлениями в адрес юбиляра выступали В. Лидин, С. Маршак, М. Светлов, Н. Тихонов, М. Шагинян, В. Шкловский и многие другие писатели. В тот памятный день Петр Иванович получил около 600 писем и телеграмм со всех концов света. В них выражалась благодарность работников пера своему «директору».

Пишет К. Федин:

«Да, Ваш праздник приятен для всех писателей. Но особенно он приятен и дорог для тех писателей, искусство которых может быть признано лишь с помощью подлинного ценителя и авторитетного знатока поэтического слова. Вы именно такой ценитель, именно такой знаток.

Будучи издателем по призванию, а не по назначению... Вы еще и меценат в лучшем значении этого слова. Короче—Вы любите искусство, литературу, и поэтому литература отвечает Вам любовью...»

Вот строки из письма М. Пришвина:

«Я Вас считаю другом не только в смысле личных отноше-

ний, а другом русского писателя в том смысле, что не будь у писателя друга, так, может быть, ничего бы из него и не вышло.

Я хорошо помню то время, когда Гослитиздат был не фабрикой книги, а заключительным радостным этапом творчества автора, предшествующим выходу книги. В лице Вашем Гослитиздат ожидал нас вопросом:

— Что несешь?

И писатель отвечал:

— Чагину».

А вот слова Н. Заболоцкого:

«Мое поколение писателей привыкло видеть в Вашем лице истинного и бескорыстного друга советской литературы, внимательного и чуткого товарища, талантливого наставника и руководителя...»

Чуть позднее прислал свое письмо Л. Леонов:

«Я только что приехал из трехдневной поездки в Плес, по Волге и узнал, что юбилей твой уже прошел. Ужасно сожалею, что личным участием и своевременным поздравлением не смог отметить этой даты, крайне важной (не преувеличиваю) для всех нас, работников советской литературы...»

Прошу верить мне, я ведь искренне и глубоко уважал твою тридцатилетнюю, честную и умную работу на благо наше, общее. Вся твоя работа на глазах у нас, и я сам неоднократно мог удостовериться (и удостоверяться) в дружеском отношении моем к нашей литературной семье...

Мой низкий поклон прошу передать Марии Антоновне».

Невозможно в пределах одной статьи рассказать о всех ценных материалах, хранящихся в домашнем архиве П. И. Чагина. Видимо, это нужно сделать в специальном издании — сборнике, посвященном Чагину, или в книге о нем. Одних только дарственных надписей на книгах можно было бы привести несметное число...

Наш обзор документов архива П. И. Чагина — своего рода библиофильский коллаж, помогающий представить, ощутить удивительную жизнь этого человека. В литературном мире как только в шутку не называли его: Есенин — «Чаганэ» (вспомним знаменитое «Шаганэ ты моя, Шаганэ»), ленинградские писатели — «Выручагиным». Он таким и остался в памяти многих: талантливый труженик и одновременно тонкого юмора человек. Десятилетия были отданы им на поприще служения Книге. Недаром писал ему Николай Тихонов:

«Вас вспоминают друзья „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“. И в этом большая правда в Вашей большой жизни и деятельности во славу родной российской, советской литературы...»

Евгения Таратута

КНИГА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вот уже более 30 лет я собираю разные издания романа «Овод» и все, что к нему относится. Есть у меня книги, присланные в подарок самой Этель Лириан Войнич, автором «Овода»; привезенные друзьями из разных стран; томики, вышедшие еще до 1917 года у нас в России. Кроме самого романа в моем собрании — инсценировки для театра, оперные либретто, клавиры опер; я уже не говорю о кинокадрах, фотографиях, театральных афишах.

Мой интерес к «Оводу» начался очень давно. Я училась в пятом классе. Книжки для чтения брала в детской библиотеке, которая находилась рядом с домом. Я пропадала там целые дни. Помогала библиотекарям, читала малышам вслух — была тем, что называется «актив». Роман «Овод» стал моим любимым произведением, но в магазинах его не было...

И вот в библиотеке объявили конкурс на лучшее сочинение об устройстве солнечной системы. Я много читала по астрономии и получила первую премию. Когда меня спросили, какую книгу я хочу получить, я с замирающим сердцем ответила:

— «Овод»!

Маленькая растрепанная книжка, без иллюстраций, без переплета, на плохой желтой бумаге... Мне предлагали на выбор другие, более нарядные, но я хотела только «Овод».

Это было издание «Универсальной библиотеки», выпущенное в 1918 году. Заведующая Лидия Аполлоновна Кроткова сделала торжественную надпись, которая еле уместилась на обороте маленького титульного листа:

«Книга „Овод“ Войнич выдана Таратута Жене в премию за лучшие ответы по конкурсу районной детской библиотеки-читальни им. Г. А. Усиевича».

Тем же размашистым почерком она обозначила: «Члены Библиот. совета», расписалась сама, расписались еще двое мальчиков, и внизу она проставила дату: «7/II 1925».

Сверху поставила библиотечную квадратную печать: «Городская Библиотека имени Г. А. Усиевича Басманного Совета раб. и кр. деп.»

Чернила — густо-лиловые — не выцвели, печать оттиснута четко...

Я сама сразу же переплела эту книжку — научилась в переплетном кружке, сделала альый коленкорový корешок, уголки — из красного сатина.

У меня несколько раз пропадали все мои книги, а этот маленький «Овод» сохранился! Большинство листочков истерты, но все целы!

Именно эту книгу я постоянно перечитывала. От ее страниц я отправилась в долгий путь по следам «Овода», который привел меня к самой Этель Лилиан Войнич...

Я собирала разные издания ее романа — русские, на языках народов СССР, других народов мира. У меня уже было более ста книжек «Овода», но я никак не могла достать первое издание на русском языке. Оно было напечатано в виде приложения к ежемесячному журналу «Мир божий», приплетено к первым шести номерам за 1898 год, но с отдельной, продолжающейся нумерацией страниц. Старые большевики рассказывали мне, что они выдирали страницы романа из журнала, переплетали их отдельно и пускали в рабочие кружки с целью пропаганды. Несколько раз я встречала в букинистических магазинах комплекты журнала «Мир божий» за 1898 год без «Овода», который был вырван...

Но я не теряла надежды, и вот в апреле 1972 года мой старый знакомый книжник В. Д. Перкин позвонил мне и сказал, что достал, наконец, «Овод» 1898 года.

В простеньком, аккуратном переплете. На титуле обозначено: «Роман из итальянской жизни 30-х годов. М-сс Е. Войнич. Перевод с английского З. Венгеровой». Я давно уже хорошо знала этот титульный лист, переснятый мною в Ленинской библиотеке и воспроизведенный сначала в «Огоньке», а потом и в моей книге «По следам Овода».

Знала и письма Э. Л. Войнич мужу З. А. Венгеровой — поэту Н. Минскому, который и хлопотал об устройстве перевода в журнале «Мир божий».

Из этих же писем автора «Овода» к Н. Минскому я знала, что впервые роман был издан в Нью-Йорке в июне 1897 года, и именно с этого, американского издания З. А. Венгерова и делала свой перевод.

Я вела долгую переписку со своими американскими корреспондентами — так мне хотелось иметь первое издание «Овода». Наконец, в 1973 году один из них сообщил мне, что желанное

издание добыто и в хорошем состоянии. В октябре я получила книгу.

Скромный переплет темно-красного коленкора. Золотом оттиснуто название романа. Нарисован опущенный факел, и струйки дыма, поднимаясь кверху, заполняют переплет...

Книга напечатана хорошим шрифтом, на плотной бумаге, всего 373 страницы, довольно толстый томик. Таким увидел «Овода» его первый читатель.

...Большая полка занята книгами с непонятными названиями на корешках. Узорчатый шрифт — армянский, грузинский языки. Латинские буквы — латышское, литовское, эстонское издания. На многих книгах — наши, знакомые буквы, но совсем незнакомые слова: «Ашхырцеабь», «Богелек», «Сайгак», «Киговен»... Все они обозначают одно и то же — «Овод»! На абхазском, казахском, киргизском, татарском языках. А на молдавском книга называется — «Тэунул». На чувашском — «Паван». На якутском — «Тигээйи»...

Всего советских изданий вышло 62, на 23 языках народов СССР, не считая русского. Часть переводов была сделана с английского оригинала, часть — с русского перевода.

Несмотря на все мои усилия, щедрую помощь друзей, из этих 62 изданий мне удалось собрать только 51. Дарили переводчики: для многих известных впоследствии писателей перевод «Овода» на родной язык был первой литературной работой. Так, С. Улугзода перевел «Овод» на таджикский язык еще в 1931 году, Серго Клдиашвили перевел роман Войнич на грузинский язык в 1926 году, но этого издания не сохранилось у него самого...

Не осталось ни одного экземпляра перевода «Овода» на белорусский язык (издания 1934 и 1937 годов) — немцы пожгли все книги. Очевидно по этой же причине из десяти изданий перевода «Овода» на украинский язык я достала только восемь, а изданий 1929 и 1938 годов никак не могу найти...

Но у меня есть «Овод», напечатанный на латышском языке еще в буржуазной Латвии, в 1929 году, и сокращенный перевод на литовский язык, вышедший тогда же.

Мечтаю достать перевод «Овода» на армянский язык, вышедший в Тифлисе в 1906 году (переводчик — Левон Шант). Но эта мечта неосуществима... Мой друг из Еревана Гурген Овнан прислал мне фотокопию титульного листа этой книги, чудом сохранившейся в библиотеке.

Есть и еще издания романа «Овод» на языках народов СССР — совершенно особые. Их тиражи — 100—200 экземпляров. Это книги для слепых, напечатанные по системе Брайля. Одно издание еле умещается в пяти пухлых объемистых томах. Эти книги — на вес золота, и я не могу себе позволить даже думать о

том, чтобы они хранились в моем собрании,—так они нужны людям, лишенным зрения.

Всего за годы Советской власти на русском языке роман «Овод» был напечатан 104 раза—и полностью, и в сокращенном виде, и отдельными книгами, и в составе собраний сочинений Э. Л. Войнич. У меня—93 издания.

География их весьма разнообразна—от Москвы и Ленинграда до Кишинева и Хабаровска.

На полке стоит книжечка в потрепанном переплете. Это—второе отдельное издание на русском языке, выпущенное Н. Глаголевым в Петербурге в 1904 году (первое 1900 года—я не смогла достать). На титульном листе значится подзаголовок: «Роман из революционной жизни Италии XIX века». Хорошо сохранившаяся надпись карандашом: «Людмила Ямщикова»,—буквы четкие, но явно виден детский почерк.

Эту книгу тогда же, в 1904 году, подарила своей дочери Людмиле писательница, известная под псевдонимом «Ал. Алтаев», автор многих исторических романов и повестей.

Людмила Андреевна, в свою очередь, подарила мне эту книгу в 1958 году, рассказав, что не расставалась с нею всю жизнь, а когда в 1912 году сама занялась литературным трудом, первую же опубликованную ею повесть подписала псевдонимом «Арт. Феличе», составив его из двух имен Овода, своего любимого героя. Под этим псевдонимом вышло немало ее книг: «Под знаменем Гарибальди», «Морские нищие» и другие. Рассказала еще, что несколько лет была актрисой и не раз в спектаклях «Овод» исполняла роль Джеммы.

С 1910 года тиражи «Овода» росли. В новом переводе М. А. Шишмаревой роман стала выпускать популярная тогда «Универсальная библиотека». Официально значилось, что каждый год выходит 25 тысяч экземпляров, но на самом деле издано было гораздо больше; издатель этой «Библиотеки» В. М. Антик рассказал мне в мае 1957 года, что как только из книжных магазинов поступали сведения, что запасы «Овода» кончаются, он отдавал распоряжение печатать дополнительный тираж с матриц. Подобное случалось по нескольку раз в год, так что подсчитать ежегодные тиражи не представляется возможным.

Эти матрицы сохранились, и первое издание «Овода» при Советской власти было напечатано с них. На обороте титула напечатано: «Москва—1917». В 1918 году с тех же матриц было напечатано еще одно издание «Овода», с особым титульным листом. В верхней его части напечатано: «Российск. Социалист. Федерат. Советская Республика». Далее: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Под названием стоит в подзаголовке не «Роман», как было в предыдущих изданиях, а «Революционный роман», и

внизу обозначено: «Издательство Центрального Исполнительного Комитетов Р., С., К. и К. Депутатов. Москва—1918». Этой книгой была начата серия новой—«Общей библиотеки», на титульном листе стоит № 1.

Итак, под первым номером «Общей библиотеки» издательства ВЦИК был выпущен роман «Овод». Я купила эту растрепанную книжечку в букинистическом магазине.

За один 1918 год, при нехватке бумаги, разрухе в типографиях, молодое советское правительство посчитало необходимым выпустить три издания романа Э. Л. Войнич, общим тиражом 70 тысяч экземпляров.

...Перебираю корешки изданий, выпущенных в Иркутске, Минске. Дотрагиваюсь до одной из самых дорогих моих книг: Детгиз, 1956.

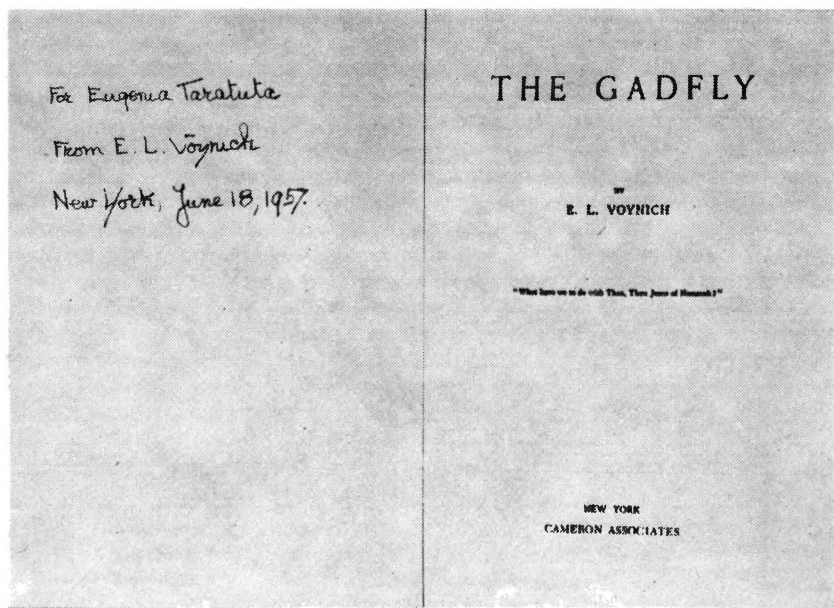
На черной бумажной обложке, как бы сквозь условное стрельчатое окно виден городской пейзаж в голубом лунном свете и тревожный силуэт юноши, внизу—алая роза. Это—первое советское издание «Овода», в котором помещен портрет его автора—Этель Лилиан Войнич. Я нашла этот портрет в одном давнем английском журнале. Здесь и мое предисловие. Уже наши журналисты по моей просьбе побывали в гостях у автора «Овода» в Нью-Йорке и рассказали об этой встрече по радио, в газетах и журналах. Они передали ей мое письмо, но я в то время еще не получила ответного и в предисловии использовала только рассказы тех, кто ее видел.

Мы работали вместе с редактором издательства Эмилией Мироновой Лемперт. Обложку рисовал Д. Бисти, иллюстрировал книгу И. Кусков. Перевод Наталии Альбертовны Волжиной был сделан специально для этого издания. Книга вышла в серии «Школьная библиотека», тиражом 100 тысяч экземпляров.

Когда осенью 1956 года это издание получили читатели, у меня уже были письма от Этель Лилиан Войнич, ее фотографии, книги, присланные ею, автобиографические заметки, ответы на некоторые мои вопросы.

Я отправила ей несколько экземпляров и спустя некоторое время получила один из них обратно с автографом. Твердыми буквами, черными чернилами с чуть зеленоватым оттенком, писательница, которой было уже 93 года, начертала по-английски: «For Eugenia Taratuta with affectionate greetings E. L. Voynich, New York, June 18, 1957» («Евгении Таратута с горячим приветом Э. Л. Войнич. Нью-Йорк, 18 июня 1957»).

В 1958 году издательство «Художественная литература» выпустило «Избранные произведения» Э. Л. Войнич в двух томах. Писательница получила первое в мире собрание своих сочинений, выпущенное на превосходной бумаге, в красивом темно-

Автограф Э. Л. Войнич на американском издании «Овода»

лиловом переплете. К первому тому был приложен ее портрет 1898 года, а ко второму — фотография 1944 года. К этому изданию я написала вступительную статью и комментарии.

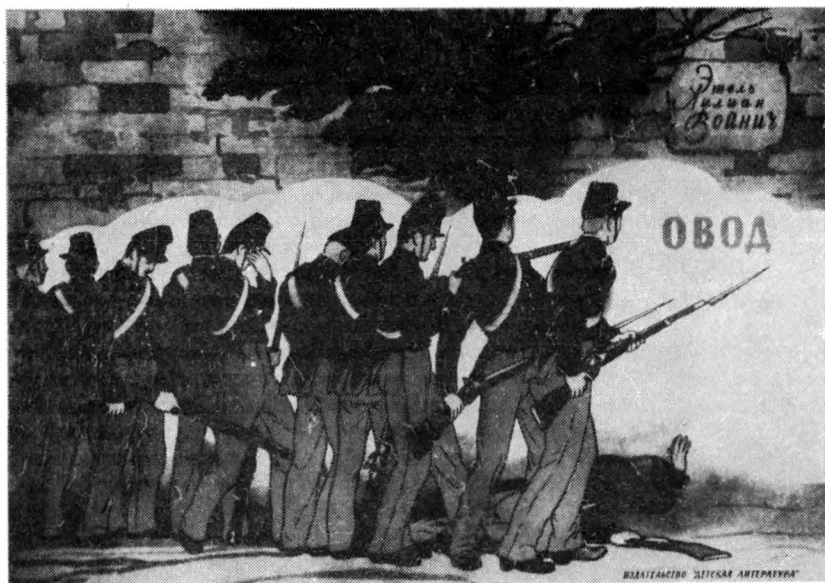
Через два года двухтомник вышел повторно, но Этель Лириан Войнич уже не увидела его...

В 1975 году издательство «Правда» выпустило приложением к журналу «Огонек» Собрание сочинений Э. Л. Войнич. Тираж — 375 тысяч. Иллюстрации Саввы Бродского. К этому трехтомнику я написала новую вступительную статью.

Несмотря на колоссальные тиражи, на многочисленные издания, купить «Овод» в книжном магазине невозможно... Я получаю отчаянные письма от учителей, инвалидов войны, комсомольцев с просьбами прислать им роман...

Отдельная полка занята у меня изданиями «Овода» в зарубежных странах. Здесь же стоят советские издания «Овода» на английском языке — их девятнадцать.

Когда я была в туристской поездке по Англии в 1968 году, я тщетно искала хоть какое-нибудь издание «Овода» в самых крупных книжных магазинах Лондона. И как же рады были

Разворот обложки романа, изданного «Детской литературой»

сотрудники редакции газеты «Морнинг стар», которым я подарила московское издание 1964 года на английском языке, — они только слышали об этой книге... На следующий день в гостиницу, где жила наша группа, пришли двое сотрудников редакции и сообщили мне, что я чуть не сорвала своевременный выпуск номера — все читали «Овода» и не могли оторваться...

Каждое из зарубежных изданий романа доставалось мне с трудом. Каждое имеет свою историю. Большинство из них подарены мне друзьями или знакомыми.

Книгу, выпущенную в 1965 году издательством «Народна младеж» в Софии, прислала мне болгарская журналистка Захарина Лалова с такою надписью: «Евгении Александровне на память — последнее издание «Овода» от ее почитательницы. Плевен. 20.VI.65 г.». Книга эта вышла в специальной серии «Любимые книги и герои». На фронтисписе — фотография Э. Л. Войнич, в предисловии использованы мои материалы и рассказ Бориса Полевого о встрече с автором «Овода».

С московского английского издания был сделан перевод романа, вышедшего в Будапеште в 1956 году в двух книжечках

под названием «Ветер летит над Италией» (только в скобках стояло «Овод»).

Издание 1960 года на немецком языке, выпущенное издательством «Нойес лебен», привез мне Лев Абрамович Кассиль, написав так: «Евгении Александровне Таратута, отчич и дедич открытой ею для нас Земли Войнич... Привет из Берлина! Лев Кассиль. Берлин—Москва. Октябрь 1962».

Надо сказать, что издание это вышло под названием «Сын кардинала». Конечно, для европейского читателя, хорошо осведомленного в законах и обычаях католицизма, такое название должно звучать особенно завлекательно: ведь у кардиналов, дающих обет безбрачия, сына быть не может...

Другого «Овода», изданного в ГДР в издательстве «Семь морей» на английском языке в 1967 году, прислал мне из Лондона мой друг английский коммунист Эндру Ротштейн. Он сообщил мне, что в Англии «Овод» давно уже не издавался, и вот теперь появилось издание, выпущенное в ГДР. Он написал мне: «Первооткрывателю жизни и подвига Этель Войнич—от Э. Ротштейна. Май 1968 г.».

В 1976 году моя приятельница Маргарита Жердиновская, переводчица с испанского, собралась на Кубу, в туристскую поездку. Я просила ее привезти мне кубинские издания «Овода». Несмотря на ее энергичные поиски, она не могла найти книги—распродано все!

Я с нетерпением ждала ее возвращения. И она привезла-таки мне кубинского «Овода»—2-е издание, выпущенное в 1973 году!

Оказывается, уже потеряв всякую надежду достать книгу, Маргарита рассказала о моей работе в школьной библиотеке имени Первого мая, и сотрудники решили послать мне в подарок кубинского «Овода». Так и написали на титульном листе. Книжка потрепанная, без последней корочки обложки, но листы все целы...

Просили передать, что «Овод»—одна из любимейших книг кубинской молодежи.

Так в ноябре 1976 года я поставила на свою книжную полку и «Овода» на испанском языке. Тогда это была 155 книга в моем собрании.

А в феврале 1980 года кубинский писатель Хулио Травьесо прислал мне первое и третье издание «Овода», вышедшие в Гаване. Это были уже 182 и 183 экземпляры...

Роман «Овод», вышедший на чешском языке, подарил мне композитор Антонио Спадавекия, автор оперы «Овод». После того как опера с большим успехом была поставлена во многих театрах Советского Союза, ее поставили в Чехословакии в городе

Ческе Будейовице, где она тоже получила признание. Там режиссер постановки подарил композитору последний выпуск романа «Овод», осуществленный в Праге издательством «Млада фронта» в 1959 году с надписью, датированной 13 марта 1959 г.: «Уважаемому другу Спадавекия за его прекрасную оперу „Овод“».

Вернувшись из Чехословакии, А. Спадавекия передал этот подарок мне.

Книга издана нарядно, на прекрасной бумаге, с хорошим переплетом, яркой суперобложкой, на клапанах которой даны краткие сведения о судьбе романа и о его авторе, с интересными иллюстрациями Богумила Вашака.

В феврале 1981 года я получила новый перевод «Овода» на японский язык, выполненный Сано Асако. Книжка маленького формата. На яркой суперобложке — условная фигура клоуна. В книге 448 страниц текста и шесть страничек приложения, вероятно — послесловия, о котором Сано Асако писала в новогоднем поздравлении: «В моем послесловии познакомила вас с японскими читателями и изложила коротко вашу статью о Войнич». Конечно, она хотела сказать, что познакомила японских читателей со мной, но это понятно. Она сообщает, что выпустило книгу издательство «Коданша».

На присланном мне экземпляре четко, черным фломастером написано: «Уважаемой Е. А. Таратута. Сано Асако».

На полке зарубежных изданий на почетном месте стоят самые дорогие книги моего собрания — книги, присланные мне автором «Овода», — не только «Овод», но и другие ее сочинения.

Первую книгу от Этель Лилиан Войнич я получила в 1956 году. Это был ее последний роман, посвященный судьбе прабабушки Овода, — «Сними обувь твою». Толстый том в 456 страниц. Напечатан в 1945 году в Нью-Йорке. Издательство «Макмиллан Компани». Синий коленкоровый переплет. Цветная суперобложка с довольно безвкусным рисунком под XVIII век, в котором происходит действие романа. На клапанах суперобложки — краткая характеристика романа, фотография Э. Л. Войнич и ее краткая биография.

На форзаце четкими крупными буквами ровными строчками написано по-английски: «Евгении Таратута с горячим приветом от Э. Л. Войнич. Нью-Йорк, 25 апреля 1956».

Через год — летом 1957-го — я получила от нее еще три книги (оказии бывали редко, а по почте посылать она не решалась...) — это был советский «Овод» с моим предисловием, о котором я уже рассказала. И еще — новое издание «Овода», вышедшее в Нью-Йорке в 1956 году в издательстве «Камерон». Хороший переплет, суперобложка, на клапанах которой история создания романа и

его краткая характеристика, а на обороте — фотография автора и ее краткая биография.

Тем же милым чудесным почерком написано на фронтисписе: «Евгений Таратута от Э. Л. Войнич. Нью-Йорк, 18 июня 1957». Время сохранило такую трогательную деталь: карандашом была намечена линейка строки — чтобы буквы легли ровнее. Линейки стерты, но след карандаша остался... Ведь ей было уже 93 года...

В тот же день она надписала мне также и еще одну свою книгу — роман «Прерванная дружба».

В этом романе писательница рассказывает о тех годах жизни своего главного героя, описание которых пропущено в «Оводе», — о его скитаниях в Южной Америке. Впервые роман вышел в 1910 году. Это издание, которое она мне прислала, выпущено в Нью-Йорке в 1929 году издательством «Макмиллан Компани». После ее фамилии — и на первой странице суперобложки и на клапане ее — обозначено: «Автор „Овода“».

У нас этот роман выходил в сокращенном переводе, под названием «Овод в изгнании», в двадцатые годы.

Летом 1958 года я получила от нее еще три книги. Первым был роман «Джек Реймонд» — американское издание 1901 года. Госпожа Нилл, которая жила вместе с Войнич, написала на титульном листе: «Приветы Евгению Таратута от», а сама Войнич дальше своей рукой поставила инициалы и фамилию; госпожа Нилл строчкой ниже написала: «9 июня 1958».

Точно такая же надпись рукою Нилл и рукою самой Э. Л. Войнич стоит на титульном листе романа «Оливия Летэм». Это тоже первое американское издание романа, вышедшее одновременно с лондонским в 1904 году. Книга эта ранее принадлежала некоему Сэмюэлю Кану — на форзаце сохранилась его надпись и наклеен экслибрис. Может, это был знакомый писательницы, который потом отдал ей свой экземпляр, а может быть, том был куплен в букинистическом магазине...

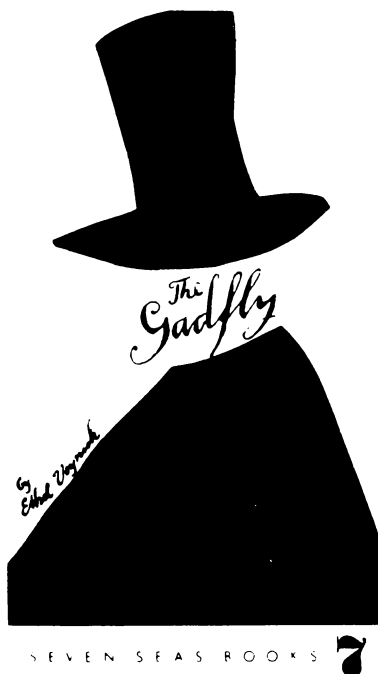
Книги сохранились хорошо, хотя обтрепанные уголки переплетов свидетельствуют, что не один читатель раскрывал их и перелистывал.

Надпись на третьей книге — удешевленном издании романа «Сними обувь твою» (Лондон, 1946) — несколько отличается от первых двух.

На титульном листе после подписи рукою писательницы стоит и подпись госпожи Нилл. Получается: «... от Э. Л. Войнич и Анны Нилл».

Да, госпожа Нилл сочла себя вправе послать мне этот роман как бы и от себя, ведь он посвящен ей: «Посвящается Анне Нилл в благодарность за критические замечания и ту бесценную

Одно из зарубежных изданий романа «Овод». Бертран Рассел называл книгу Э. Л. Войнич «самым волнующим романом, который читал на английском языке»

помощь, которую она оказывала мне в течение многих лет, на протяжении которых эти детища моего ума были ее неподатливыми, строптивыми воспитанниками»,—так напечатано в начале романа.

Еще одну книгу прислала мне Э. Л. Войнич, уже по почте. Это были «Письма Шопена, собранные Хенриком Опиньским, переведенные с польских и французских оригиналов Э. Л. Войнич, с ее предисловием и комментариями». Книга вышла в Нью-Йорке в издательстве Альфреда Кнопфа в 1931 году. Это толстый том большого формата в 424 страницы.

...Рядом с «Письмами Шопена» стоят пять английских изданий романа «Овод» и одно — американское.

Осенью 1961 года я получила подарок от Корнея Ивановича Чуковского. Кто-то из его американских корреспондентов прислал ему новое издание «Овода», вышедшее в Нью-Йорке, а он подарил его мне.

Весьма любопытная книга!

Издательство «Пирамид букс» выпустило ее тиражом 500

Книги из коллекции Евгении Таратута

тысяч экземпляров! Она дешевенькая, карманного формата, в бумажной обложке. Но чего только не напечатано на этой обложке! Каждый сантиметр ее наполнен безудержной крикливой рекламой. Название романа напечатано ярко-желтыми буквами на красной полосе; буквы огромные — шесть сантиметров высотой. Синими буквами помельче, на белом, читателю внушают, что эта книга — «великий бестселлер XX века», что она покорила миллионы читателей, что она является «бестселлером в России». Указано, что предисловие к этому изданию написано бывшим московским корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс».

На последней странице обложки название повторено такими же большими буквами, но уже красного цвета. Указано, что роман обладает монументальным магнетизмом, что в России он выдержал 90 изданий на 18 языках, что по его сюжету поставлено два кинофильма и написаны три оперы, в Китае он вышел в количестве миллиона экземпляров и во всем мире считается классическим.

Сообщается, что роман полон приключений и интриг, что газета «Нью-Йорк таймс» называет его «шедевром», а Бертран

Рассел назвал его «самым волнующим романом, который читал на английском языке»...

В предисловии рассказано, каким успехом пользуется «Овод» в России, упоминается, что музыку к цветному фильму на сюжет романа написал великий Шостакович, специально отмечается острота проблем религии, поставленных в романе.

На обороте титула сообщаются краткие сведения об авторе романа и указано, что Э. Л. Войнич умерла в Нью-Йорке в 1960 году, в возрасте 96 лет. (Выпущена книга в апреле 1961 года.)

В 1973 году английское издательство «Мэйфлауер» выпустило «Овод». Экземпляр этого издания прислал мне мой корреспондент, преподаватель истории в Манчестерском университете Барри Холлингсворт, особенно интересовавшийся русской революционной эмиграцией в Англии.

Тот же карманный формат, такая же бумажная обложка, как в издании «Пирамид букс». На обложке — цитата из Бертрана Рассела, ссылки на московского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс»...

Всего у меня 34 зарубежных издания романа «Овод». На самом деле их вышло гораздо, гораздо больше.

Крошечная книжечка — 8×12 см. Текинопечать, 1929, Москва. Это — либретто оперы, созданное Михаилом Петровичем Гальпериним. Музыка композитора А. А. Зикса. В книжечке — фотографии декораций нескольких картин ее постановки в Большом театре. Тираж — 5 тысяч экземпляров. Эту книжечку подарила мне дочь М. П. Гальперина Елена Михайловна.

Тиражом 560 экземпляров издательство «Рекламфильм» напечатало монтажную запись художественного кинофильма «Овод», выпущенного на экран 28 февраля 1955 года. Картина цветная, звуковая, производства киностудии Ленфильм. Сценарист — Евгений Габрилович. Постановщик — А. Файнциммер, композитор — Д. Шостакович.

«Овод», «Овод»... Это слово повторяется много раз на всем, к чему бы я ни прикоснулась. Издания пьес и клавиры опер, театральные программы оперных и драматических спектаклей в разных театрах. Пластинка с музыкой Д. Шостаковича к кинофильму «Овод». Коробочка с диафильмом, сделанным из кадров той же киноленты. Папки с газетными вырезками, где упоминается роман.

И снова — книги... Книги, в которых речь идет об «Оводе». Воспоминания старых большевиков, писателей, художников, космонавтов, агрономов, инженеров, ученых. Сборники стихов. Романы, повести.

Не меньше книг, где встречается имя Этель Лилиан Войнич.

Иногда самых неожиданных. В 1960 году издательство Академии наук Украинской ССР выпустило миниатюрное издание, в котором был напечатан «Заповіт» Тараса Шевченко на 44 языках мира. И в этой книжечке я встретила имя автора «Овода»: она перевела стихотворение Шевченко на английский язык...

Уже не говорю о библиографических указателях, посвященных жизни и творчеству Э. Л. Войнич, изданных в Москве и во Львове.

На стене висит фотография Этель Лилиан Войнич, присланная ею мне с дружеской надписью. Рядом ее портрет, выполненный моим другом художником Адрианом Осмоловским методом интарсии, из кусков дерева. За стеклом, в шкафу—портрет Э. Л. Войнич, выполненный в палешанской манере моим другом—художницей из Палеха—Марией Александровной Азановой. В ящике письменного стола—драгоценные письма Э. Л. Войнич, посланные ею мне, и перочинный ножичек, который принадлежал некогда ее мужу Михаилу Войничу,—еще в сибирской ссылке. Этим ножичком с перламутровым черенком в 1897 году Э. Л. Войнич разрежала первый экземпляр «Овода». Она прислала его мне в июне 1958 года.

Но главное, конечно,—книги «Овод». Их уже более двухсот! И, несомненно, будет еще больше...

Валерий Алексеев

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ КАЛЕНДАРЕЙ

С календарями прошлых лет я познакомился в 1965 году, когда впервые переступил порог квартиры Дмитрия Ивановича Сытина — сына известного московского книгоиздателя. Он собирал тогда многочисленные издания своего родителя для будущего музея, и существенную помощь в этом деле ему оказывал мой отец — старейший букинист.

Наиболее сильное впечатление на меня произвели сытинские календари — яркие, загадочные, с неповторимыми рисунками, они словно оживали при рассказах Дмитрия Ивановича, раскрывали передо мной далекий и неведомый мир.

Как-то, вернувшись домой после очередной встречи с Сытиным, я внимательно осмотрел домашнюю библиотеку и нашел в ней шесть календарей разных издательств. С них и началось мое собрание. Эти необычайные издания привлекли меня познавательностью содержания, интересными фактами, записями бывших владельцев, экслибрисами, оригинальностью внешнего оформления.

В настоящее время в моей библиотеке насчитывается более сотни календарей, месяцесловов и других подобных изданий.

В процессе изучения истории печатания календарей в России выяснилось, что они до сих пор не нашли должного отражения в нашей литературе, поэтому поиск и сбор данных о них затянулся на несколько лет. В государственных библиотеках календари не систематизированы и не выделены в специальный раздел, и вполне естественно, что данная статья не отражает все эти издания. Здесь освещены самые важные вехи в развитии календарного дела в нашей стране.

ИСТОКИ

Слово «календарь» происходит от латинского «календариум», что означает долговая книга. В Древнем Риме должники выплачивали проценты в календы, т. е. в первые дни месяцев.

Теперь мы календарь по праву называем летописью жизни народа. Пожалуй, нет такой семьи, где не было бы календаря. Он вошел в наш быт как настольный справочник, каждая страница которого напоминает о прошлом и говорит о настоящем.

А что же дошло до нас из прошлого календарей? Сразу же приходит на память знакомая со школьной скамьи фраза: «Все врут календари». Для читателей начала прошлого века эти слова были ясны и понятны. Однако в наше время они утратили свое значение и стали употребляться как синоним недоверия или отрицательного отношения к чему-либо.

«Все врут календари» — доносится до нас крылатая фраза и мы механически повторяем, напрочь забыв причину ее появления. Отложим на время «Горе от ума» и обратимся к более далекому прошлому.

Издание календарей тесно связано с историей нашего государства. В Древней Руси прообразами современных календарей являлись: святцы, мартирологи, синаксари, четьи-минеи. Подобные церковные книги содержали «жизнеописания святых», молитвы, поучения — по месяцам и на каждый день. Кстати, слово «минея» образовалось от греческого «мен», что означает месяц. Не случайно впоследствии древние календари получили название месяцесловов.

В период освоения книгопечатания на Руси был издан календарь под названием «Хронология», составленный Андреем Рымшей. Он увидел свет в 1581 году в городе Остроге. Его выпустил первопечатник москвитянин Иван Федоров. На двух листках «Хронологии» помещены названия месяцев, а также духовные стихотворные тексты.

БРЮСОВ КАЛЕНДАРЬ

Многие книги петровской эпохи печатались по приказу царя. Ему принадлежит честь издания первой русской газеты, он ввел гражданский шрифт, отбирал для перевода книги по разным отраслям знаний. Календари в данном случае не явились исключением. Петр I не только следил за их выпусками, но и сам правил статьи, вносил дополнения.

Небезынтересно в этом отношении письмо Мусина-Пушкина, написанное 19 февраля 1709 года Ф. Поликарпову: «Календари, которые вновь напечатаны, великому Государю угодны, только некоторое малое исправление еще надлежит. В описании лет прибавить: от початку российского флоту 11 лет. Печатаны в Москве. Итак о том и о ином на посланных двух листках календарных приписано и чернено, так учини и, напечатав 30,

Иллюстрация из «Брюсова календаря». Середина XVIII века

сюда пришли, а прочие вели продавать в народ книжек тысячу и больше».

Большую лепту в дело выпуска календарей внес сподвижник Петра I, генерал-фельдцейхмейстер, автор ряда научных трудов Яков Брюс. Под его руководством в московской типографии в 1709 году напечатан «Календарь повсеместный, или Месяцеслов христианский», впоследствии известный под названием «Брюсов календарь». Более шести лет календарь Брюсова выходил отдельными листами. Сведения для него собирал Василий Киприянов, известный в свое время книгоиздатель и популяризатор научных знаний. Ввиду того что календарь пользовался большим спросом у населения, его выпуски неоднократно переиздавались отдельной книгой. В календаре помещалось много познавательных сведений: о времени восхода и захода Солнца и Луны, о солнечных и лунных затмениях, о движении планет, географические таблицы. В него включались отрывки из таких рукописных книг, как «Громники», «Колядники», «Звездочетцы», «Планидники», и других, которые до Петра I считались «отреченными». Календарь имел раздел, куда заносились различные предсказания, так называемый «прогностик» — урожаев, войн, погоды, болезней.

Читатели пользовались календарем в такие важные моменты, когда нужно было «кровь пуцать, мыслити почать, брак иметь, отроки во училище отдавать, дома созиждати или баталию творити, шествовать морем, чины и достоинства воспринимать, долг платити, зверей и рыбу ловить». Мало того, здесь же советовали, когда «мыться в бане, браду брить, волосы стричь, платье кроить». Все расчеты проделаны более чем на сто лет. Каждый владелец этой книги пользовался ею долгое время, практически до полного зачитывания. Видимо, поэтому до наших дней дошли лишь единицы экземпляров в хорошем состоянии...

«Прогностическая наука» уходит корнями в глубь столетий. Например, еще Апулей, живший во II веке нашей эры, в период заката античной культуры, поведал в своем небезызвестном произведении «Золотой осел»: «Да вот и теперь у нас в Коринфе гостит проездом некий халдей (предсказатель), который своими удивительными ответами весь город сводит с ума и за известную плату кому угодно открывает тайну судьбы, в какой день вернее всего заключать браки, в какой крепче всего постройки закладывать... какой для путешествия по суше удобнее, какой для плавания благоприятнее». На Руси еще задолго до Брюса народ знал, в какие дни что делать. Попытка как-то регламентировать эти дни была предпринята в «Изборнике» Святослава (1076). «Прогностика» прочно утвердилась в сознании русских людей, и они применяли ее во всех случаях жизни. И зафиксировать подобные сведения попытался «Брюсов календарь».

Составители «Брюсова календаря» со временем вносили в него заметные изменения. В середине XIX века он назывался уже так: «Любопытный, загадчивый, угадчивый и предсказывающий новейший астрономический Брюсов календарь, сочиненный на 200 лет и расположенный от 1800 года». Небезынтересно его новое содержание: «Повседневные перемены погоды во всех городах. Предсказания для тех, кто под которою из планет родился, с наставлением узнавать оное... Узнавать по погоде: урожай и не урожай хлеба и растений. Узнавать свойство человека, когда и под которым из числа 12 знаков небесных человека, и в каком роде жизни будет иметь счастье. Каким образом Брюс узнавал: когда будет ведро и ненастье, по солнцу, луне, звездам, небу, облакам, радуге и по некоторым из животных».

Многие «предсказания» Брюса, пересмотренные последующими редакциями, сегодня вызывают легкую усмешку. С улыбкой читаем мы и такие определения: «Весна — приятная с ветром и дождями»; «Лето — жаркое с громом, с великими молниями»; «Осень — сырая и противная».

В то же время составители порой использовали настоящие

народные приметы, чем помогали землепашцам: «Горох, овес сеять на влажной земле»; «Зимою полезно закупить овес и пшеницу».

Слава «Брюсова календаря» далеко пережила своих составителей. Еще в начале нашего века в редакцию сытинских календарей обильно поступала почта, содержащая массу просьб и вопросов, связанных с ним. Спрос на «Брюса» был очень большой. Один просил редакцию «выслать общие предсказания Брюсова календаря лет за 20 вперед, за каждый год в отдельности», так как помещенные в нем сведения «в течение последних 7 лет точно предсказывали будущее, что для сельского хозяина является необходимым». Другой — «ввиду того, что эти предсказания, случайно быть может, но довольно верно предсказали погоду» в той местности, где он жил,—просил «не отказать в сообщении, где можно достать подлинный календарь Брюса».

Кроме этого, почта приносила жалобы и возмущения на «неправильное Брюсово предсказание». Не на это ли несоответствие календаря указывал еще А. Грибоедов?

АКАДЕМИЧЕСКИЕ КАЛЕНДАРИ

После основания Академии наук в Петербурге право на издание календарей переходит к ней. В течение 143 лет (1726—1869) Академия помещала в них научно-популярные статьи астрономического, географического или исторического характера. Кроме этого, в каждом издании имелаась так называемая общая календарная часть. В нее входили такие разделы, как «Изъяснение календарных знаков», «О четырех временах года», «Хронология вещей достопамятных» и другие.

В 1728 году была предпринята первая попытка к сокращению в календарях астрологических предсказаний. Если в последующие годы и появлялись приложения, где рассказывалось о состоянии здоровья на целый год с астрологическими замечаниями, то они уже сопровождались оговорками, отдельные из которых актуальны и сегодня. «Мир, здравие и плодоносие,—разумляет календарь 1733 года,—суть три зело, потребные вещи к благополучию человеческого рода... Что до войны и мира касается, то сие явственнo есть, что оныя от высочайших земских властей происходят, а сии не от звезд. Здравие людей вообще происходит от здравия каждого порознь, в котором случаи звезды паки весьма не виновны».

Одно время академические календари не пользовались спросом. Народ по старой привычке был верен «Брюсу», святам и другим церковным книгам. Однако научные статьи по астроно-

мии, метеорологии, физике, а также исторические и географические сведения все больше привлекали внимание читателей.

С 1755 года в календарях печатается реестр губерний и городов Российской империи, а через 24 года — роспись городов с указанием расстояний до них от Петербурга, Москвы и других губернских центров. В обязанности Академии входило составление с 1736 года «Придворного календаря», а с 1765 года — «Адрес-календаря», где наряду с общепринятыми сведениями помещались роспись должностных лиц и список кавалеров всех российских орденов, а также придворного штата.

О популярности этих изданий среди определенного круга людей известно из классической литературы. В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» говорится: «Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи». У А. С. Грибоедова читаем: «Все вышли в знать, все нынче важны. Гляди-ка в адрес-календарь». Порой случалось непредвиденное: пока готовилось очередное издание, сменялись люди, должности. И опять — виноват календарь, как замечала госпожа Хлестова!

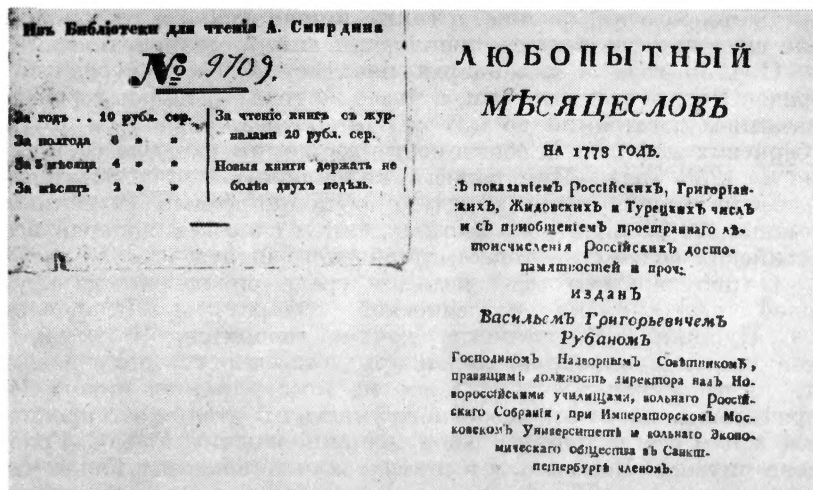
Много познавательных сведений включали в себя «Месяцеслов с наставлениями» (1769—1786) и «Календарь, или Месяцеслов экономический» (1768—1776). Просматривая экономический месяцеслов, лишний раз убеждаешься в справедливости давнего изречения: «Новое — это хорошо забытое старое». В календаре на 1768 год имеется, например, «описание машины, помощью которой всякое белье с меньшим трудом мыть и при мытье лучше сберечь можно», на 1770 год — «как оживлять утопших людей», на 1775 год — «о новой, здоровой и дешевой пище, или новом способе к сушению всяких съестных трав и к сохранению оных для всегдашнего употребления».

Среди других академических изданий можно выделить «Дорожный календарь» (1762—1790) с описанием почтовых станов в империи, «Исторический и географический месяцеслов» (1777—1797), название которого говорит само за себя.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МЕСЯЦЕСЛОВ

Академия наук ревниво охраняла свою привилегию на издание календарей, так как они служили хорошим подспорьем в статье ее доходов. Однако отдельные влиятельные лица, да и ведомства, ухитрились выпускать аналогичную книжную продукцию.

Читателям екатерининской эпохи хорошо было известно имя

«Любопытный месяцеслов на 1778 год». Из библиотеки А. Смирдина

В. Рубана. У меня имеется в собрании изданный им «Любопытный месяцеслов на 1778 год». Книжка небольшого формата, содержит восемь разделов. Кроме календарных данных помещены: хронология достопамятных вещей, толкование имен, алфавитная роспись городов, сел, слобод и т. д. На обложке наклеен листок: «Из Библиотеки для чтения А. Смирдина. № 9709. За год 10 рубл. сер. За чтение книг с журналами 20 рубл. сер. Новые книги держать не более двух недель». Это положение об использовании библиотечного фонда было установлено книгоиздателем прошлого века А. Ф. Смирдиным. Выходит, что «Любопытный месяцеслов» могли читать знаменитые завсегдатаи его книжного магазина В. Жуковский, П. Вяземский, А. Пушкин, Е. Баратынский, И. Крылов и другие литераторы...

Замечательный русский просветитель, книгоиздатель Н. Новиков тоже не остался в стороне от выпуска календарей. Он издал «Христианский календарь на лето... 1784 года. С присовокуплением 1) весьма нужных рассуждений стихами и прозою для чтения на каждый день года... 2) наставлений... и 3) многих весьма любопытных известий, равно как и весьма душеполезных кратких сочинений для чтения всякому православному христианину весьма нужных».

Заманчиво звучало название выпущенного в свое время «Календаря на 1799 год старого цыгана, ворожеи, угадчика. В

пользу и увеселения молодых молодухек и красных девушек». Вступительная часть сразу же заинтересовывала: «Прекрасная читательница! Чтоб говорить правду без помехи, надел я на себя личину старого цыгана, ворожеи, угадчика, а чтобы правде моей быть всегда в руках, нарядил я ее календарем». В конце предисловия автор раскрывает истинную цель своего труда. «Мне хочется не только вкравшиеся пороки опорочить и искоренить, но и от будущих предостеречь». В данном издании представлены рассуждения, советы, правоучения на каждый день месяца. На фронтиспise помещена гравюра с изображением молодого цыгана, гадающего девушке по руке. Надпись гласит: «Бедняжка! Ты очень несчастлива. Природа дала тебе две руки, а охоты к работе нисколько». Есть в тексте и другие любопытные высказывания: «Смех есть знак радости, но излишний и ненужный смех означает недостаток ума»; «Надежда земледельца посев, а надежда родителей ты. Кто ж из них лучше имеет надежду? Кто из них больше пожнет?»

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

«Между книгами графа нашелся ряд календарей 30-х, 40-х и 60-х годов... Это обыкновенные в то время „академические календари“, с запасными страницами для записей.

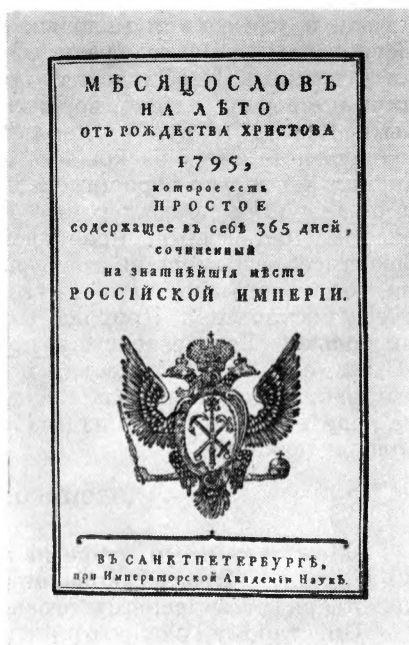
По старому, распространенному обычаю записывать таким способом, граф Дмитрий Николаевич от времени до времени вносил в свои календари все то, что желал запомнить...

Записи эти рисуют ясную картину известного быта, поражающего даже в 40-х и 60-х годах своею патриархальностью отдаленнейших времен XVII века», — так повествуется в предисловии к заметкам графа Д. Н. Шереметьева о традиционных записях в календарях XVIII—XIX веков. Для историков — это живое свидетельство давно минувших дней.

В этом отношении интересен, например, «Календарь на 1712 год», отпечатанный в Москве в ноябре 1711 года. В нем находился ряд рукописных отметок. Записи за май говорят, главным образом, о бывших тогда в Москве больших пожарах. Так 13—15 мая замечено: «Великий пожар; выгорели Пречистенка, Арбат, Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка, Сретенка, Мясницка, Мещанска, Ямская».

Нет сомнения в том, что А. С. Пушкин не только просматривал календари, но и кропотливо работал над ними, изучал их. Подтверждением тому может служить повесть «История села Горюхина», где от лица И. Белкина поэт пишет о старых календарях. «Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лет. Синие листы бумаги, обычно вплетаемые

Месяцеслов на 1795 год

в календари, были все исписаны старинным почерком. Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только о погоде и хозяйственные счета, но так же и известия, краткие исторические».

В начале XIX века в российских календарях продолжают печататься исторические, географические, статистические и другие сообщения. Они доносят до нас важные события тех лет.

Характерным изданием того времени является имеющийся у меня «Месяцеслов на лето рождества Христова 1813». Наибольший интерес вызывает раздел: «Хронологические показания достопамятнейших происшествий в 1812 году». Здесь повествуется об основных моментах Отечественной войны. Так, например, откроем страницу за 24 августа. «Большая французская армия напала при Бородине на левое крыло Российской армии, но после сражения, до самой ночи продолжавшегося, принуждена была отступить, потеряв великое множество убитыми, ранеными и пленными, и 8 пушек». 3 сентября: «Занята Москва французскими войсками. Большая Российская армия под начальством фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова взяла позицию свою к югу от Москвы и отправила отряды на все дороги, ведущие в

Календари, изданные в провинции

сей город, которые перехватили у неприятеля многих пленных и подвозы разных припасов». Заканчивается описание войны в календаре 10 октября, когда «Российские войска ворвались в Москву, овладели под начальством генерал-майора Иловайского Кремлем и очистили весь город от неприятеля».

Далее из истории известно, что русские войска, продолжая громить наполеоновскую армию, в январе 1813 года перешли границу. Короткие рукописные записки первого владельца календаря из моего собрания освещают дальнейший ход военных событий. На отдельных листах неизвестный автор последовательно отмечает, как российскими войсками была освобождена Варшава, а затем взят Берлин, рассказывает о торжестве в Петербурге по случаю успешных боевых действий. Другое сообщение, видимо, потрясло летописца; неровным почерком легли трагические слова: «13 <апреля> кончил жизнь к. Кутузов в Бунцлау». Действительно, гениальный русский полководец, генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов умер в этом небольшом немецком городке. Смотрим продолжение записей: «24 мая в 6 часов

пополудни привезен в Троицко-Сергиевскую пустынь князь Кутузов». Выходит, более месяца его бальзамированное тело везли в монастырь. «7 июня в 11 часов привезен в С.-Петербург. 13 июня похоронен в Казанском соборе при учинении залпов ружейных и пушечной пальбы с крепости».

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Отдельные календари читаешь как увлекательную повесть. Ведь многие видные писатели не только их составляли или редактировали, но и печатали в них свои произведения.

Фридрих Шиллер впервые опубликовал «Историю Тридцатилетней войны» в «Историческом календаре для дам». Это малоформатное издание выходило в Германии по частям в течение трех лет, с 1791 по 1793 год. Шиллером написана также рецензия на «Садовый календарь на 1795 год». И российские литераторы использовали календари для выражения сокровенных мыслей. Поэт, журналист, член литературного кружка «Арзамас» Александр Федорович Воейков (1779—1839) составил календарь и опубликовал в качестве приложения к широкому известному сатирическому произведению «Дом сумасшедших». На этот раз его прозаический труд носил длинно-тягучее название, что вполне определенно являлось насмешкой над любителями замысловатых заглавий. «Парнасский Адрес-календарь, или Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона с краткими замечаниями об их жизни и заслугах. Собрано из достоверных источников для употребления в благошляхетном Арзамасском обществе». В нем представлено 50 литераторов, где каждому дана краткая сатирическая характеристика. Возьмем на выбор. Пункт 4: «К. Н. Батюшков, действительный поэт, стольник муз, обер-камергер Грации». Пункт 13: «А. Ф. Мерзляков, придворный карапузик, великий раздаватель галиматый».

К «Памятной книжке на 1840 год» я отношусь с особым почтением. Не из-за того, что она имеет 13 великолепных гравюр и, судя по экслибрису, принадлежала Шуберту — директору, генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. Прежде всего этот календарь представляется мне символом своего времени. Именно новому, наступившему году посвятил В. Белинский статью «Месяцеслов на (високосный) 1840 год». Его работа в «Современнике» и сегодня поражает беспримерной дальновидностью:

«Новый век русской литературы, второе столетие ее началось уже. Одному богу известно, что таится в будущем для этого нового века, кто будут ее представителями, какие стремления оставят следы свои на скрижалях истории... Много припасено для него

веком прошлым, но еще большее подлежит совершить ему, создать новое, уничтожить много старого, приобрести, открыть и передать своему преемнику. Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Зная свой народ и его историю, видя в нем гениальные задатки, Белинский глубоко верил в великое будущее России, которая выдвинет славную плеяду ученых, прогрессивных писателей и художников, талантливых полководцев. «Любить свою родину,— писал он,— значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому».

Антону Павловичу Чехову принадлежит оригинальная юмореска под названием «Календарь „Будильника“ на 1882 год». В ней «заведующий календарем», как именовал себя Антоша Чехонте, использовал одну из популярных журнальных форм того времени, чтобы высмеять бюрократизм и обывательщину, чтобы поиронизировать над увлечением черной магией, спиритизмом и астрологией.

Календарь разбит на три графы. Одна обозначает число и день недели, вторая — «выдающиеся события, метеорологию, прочтения, всеобщую историю, коммерцию, советы, рецепты и пр.», третья — обеды.

Давайте познакомимся с «выдающимися событиями» одного дня. Март, 17, среда: «В редакции „Калужских губ. ведомостей“ произойдет прохождение Венеры через диск солнца. Именинники: гг. Потехин, Суворин и богатырь Алеша Попович. Блюх почувствует угрызение совести, но краденного в сей день и в предыдущие не воротит. Московское общество акклиматизации присудит пекарю Филишпову медаль за разведение лучшей породы мышей и прусаков. На Московско-Брестской ж. д. произойдет столкновение... обер-кондуктора с начальником станции...»

Через два года Чехов, по предложению И. Василевского, пишет рассказ «Шведская спичка» для альманаха «Стрекоза» на 1884 год, составленного в юмористической форме, в виде календаря. В этот же год Антон Павлович пишет маленькую юмореску «Контракт 1884 года с человечеством», где критикует недостатки «Русского календаря на 1884 год» издания А. Суворина. «Договор этот явлен у меня, Человека без селезенки, временного нотариуса, в конторе моей, находящейся у черта на куличках, не имеющим чина Новым, 1884 годом, живущим в календаре А. Суворина, и Человечеством, живущим под луной...»

Не легко далась попытка издать в Москве «Календарь с пословицами», составленный Львом Николаевичем Толстым. Известно, что в творчество великого писателя вмешивалась светская или духовная цензура. На этот раз преграды оказались высокими и только обходным путем их удалось преодолеть. «Календарь с пословицами» на 1887 год был выпущен в Петербурге. В народе книга пользовалась большим спросом. В дальнейшем писатель неоднократно возвращался к пословицам. Их мы встречаем в его специальных сборниках, из которых наиболее популярны «Мысли мудрых людей на каждый день» и «Круг чтения».

Содержательную рецензию на «Календарь» Толстого написал Н. С. Лесков; он опубликовал ее в журнале «Русское богатство» (1887, № 2). Рецензия и сегодня не потеряла своего значения и заслуживает того, чтобы с ней вкратце познакомиться.

«В Петербурге вышел в свет давно ожидаемый календарь Льва Николаевича Толстого. Имени Л. Н. на нем нет, а книжечка называется просто „Календарь с пословицами“ на 1887 год.

Содержание календаря, так сказать, разбито на четыре руки. В первую руку, как во всех календарях, идет месяцеслов, или, что вернее бы, кажется, назвать именовослов. Отдел этот не представляет ничего оригинального, хотя, впрочем, число имен довольно полно, но, однако, без того пополнения, какое было бы небесполезно в русском народном календаре. Много труднопроизносимых имен греческого и римского происхождения и нет приятных слуху и понятных по значению старорусских имен славянского происхождения. Их стоило бы выбрать из месяцеслова Косолапова, так как месяцеслов этот очень мало кому известен, и лица, имеющие право нарицать крестные имена, не знают многих имен, которые могут быть даваемы русскому ребенку. Так, например, бывают споры из-за имени Богдан, Боголеп, Ярослав и др. Народный календарь в своем именовословном отделе мог бы прийти на помощь этой потребе и отградному возвращению народного вкуса к именам приятного, родного звука и понятного значения.

Граф Л. Н. Толстой это упустил, или пренебрег этим, кажется, напрасно.

За пропечатанием именовослова всех двенадцати месяцев, с 30-й страницы начинаются пословицы. Они расположены по числам...

И так идет далее, на каждый день месяца, а в конце месяца статейка в особом роде, под заглавием „Работы в январе“, „Работы в феврале“ и далее, на каждый месяц...

Л. Н. Толстой, очевидно, желает дать в сжатом виде нравственное подспорье простолудину, умственность и нрав которого

Л. Н. превосходно известны. Для того он избрал и предпочел руководящий смысл народных пословиц.

Оценке критики может подлежать только подбор этих пословиц. По-нашему, он хорош, все ведет к душевной бодрости и трудолюбию, к миру, к добру и благочестию. Пословицы образны, красивы и хорошо поясняют одна другую.

Обращаемся к тому, что Л. Н. Толстой дает в своем календаре в третью руку. Обращаемся к его личным наблюдениям и советам, находящимся в тех же двенадцати статейках, которыми заключается каждый пословичный месяц...

Работные статейки находятся в конце каждого месяца. В иных месяцах подобные наставления и заметки чрезвычайно хороши, и превосходство их большею частью совпадает с праздничными днями в народе. Вот, например, февраль.

„С 8-го по 14-е — масленица...

Праздника нет никакого, и закона нет такого, чтобы на этой неделе не работать, а праздновать. Кому досуг и охота — пусть наряжается, и блины ест, и водку пьет, а кому недосуг и неохота, пусть, как и в будни, всю неделю живет...“

Апрель. Л. Н. перечисляет работы. „Всю неделю в поле не работают, а со среды принимаются за домашние дела. Последний отдых перед летнею работой. До осени досуга не будет. Что нужно к лету, теперь обдумай... На святой же всегда пастуха нанимают. Бывает часто, что пастуха берут, какого попало. Того не рассуждают, что от пастуха многое требуется. На пастухе вся скотина. А скотина безгласная тварь божия. Плохой пастух может целое лето всю скотину мучить, а хороший сделает то, что скотина будет радоваться. Пастух важнее старосты и старшины. Надо ему быть заботливому, кроткому и милостливому“.

Опять и это просто, но должно признаться, что тех здравых и прекрасных в хозяйственном смысле слов, которые здесь сказаны о пастухе, мы нигде не встречали, ни в одной ученой книжке, трактующей о сохранении стад и об улучшении пород, а равно не слышали об этом и на народных сходах, от хваленных стародумов. Везде думают, что пастух — это самый последний человек на свете. Самому ленивому негоднику говорят: „Эх, ты, пастух!“ или „Тебе только разве в пастухи“. Оттого у нас таковы и стада, каковы пастухи.

Годовой деревенский обиход кончен, и граф Толстой в своем календаре успел к каждому времени дать хороший совет на преобладающие случаи. Советы эти умны, практичны и некоторые из них очень оригинальны и поражают проникновенным знанием жизни. Дешевая книжка, полная подобных хороших, толковых советов и нравственных правил, выраженных простонародными же пословицами, без всякого сомнения, есть книга

полезная и всякий, кто не ради одного пустословия печалуетса о том, что народ портится (как будто он раньше был умнее и лучше), сделает хорошее дело, если даст эту книжку в крестьянский двор, где ее прочтут зимним вечером и что-нибудь из писанного в ней усвоят...»

В 1909 году выходит „Календарь графа Л. Н. Толстого на каждый день“. В эпиграфе к нему автор пишет: „Я желал бы, чтоб читатели испытали при ежедневном чтении этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испытывал при ее составлении и теперь продолжаю испытывать при ее перечитывании“.

Познакомимся с отдельными изречениями: 9-е июня. „Существующее устройство мира безумно“; 12-е июня. „Частная земельная собственность есть жестокость“. К раздумью о земле и собственности Лев Николаевич не раз возвращается. 18 сентября. „Несправедливо владеть землей как собственностью“». Подобные замечания не удовлетворяли власть имущих. Календарь попал в список запрещенных изданий и был конфискован.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КАЛЕНДАРИ

Только в конце прошлого века появился первый «Календарь для литераторов (на 1896 год)». Следом — «Календарь для деятелей печати». Третьим подобным изданием можно назвать «Календарь для деятелей и любителей литературы на 1901 год. В двух частях» (составил и издал И. Г. Советов). Эпиграфом к нему взяты слова Салтыкова-Щедрина: «Паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому».

Это издание содержит справочные данные, которые усваивали любители литературы. Обратите внимание на его разделы: «Учебно-литературные учреждения», «Дневник», расположенный по месяцам с указанием дат жизни писателей, «Конкурсы и премии», «Газеты и журналы русские (современные и прошлого времени)», «Иностранные журналы и газеты», «Алфавитный личный указатель литераторов, издательских фирм, книжных складов и магазинов».

Календарь знакомит читателей с работой почты, телеграфа, пароходства и с уставами различных литературных обществ.

Выпуская «Литературный календарь-альманах на 1908 год», составитель Оскар Норвежский в отличие от других составителей подобных изданий сообщал в предисловии: «В предлагаемом „Альманахе“ помещены автобиографии некоторых очень молодых авторов, таких, которые хотя и печатаются давно, но не издали еще своих книг, таких, которые издали всего пару книг». Энтузиасту этого выпуска пришлось немало потрудиться, чтобы

заполучить у того или иного литератора автобиографию, так как существовало мнение, что писать «о своей личной жизни имеют право далеко не многие. Это могут делать Толстой, Достоевский, но ни в коем случае молодой беллетрист или поэт». Отдадим должное составителю, календарь у него получился. И если в 1908 году некоторые имена читатель знал понаслышке, то в последующие годы многие из них заняли видное место в русской литературе. Оригинальные автобиографические данные оставили также Л. Андреев, А. Блок, С. Городецкий, В. Каменский и другие писатели, чья литературная деятельность в те годы была широко известна.

Федор Сологуб откликнулся на просьбу составителя четырьмя строчками: «Моей автобиографии я прислать не могу, так как думаю, что моя личность никому не может быть в такой степени интересна. Да мне и некогда заниматься таким ненужным делом, как писание автобиографии».

Календарь знакомит нас со стихотворениями И. Бунина, В. Брюсова, В. Иванова, А. Блока, С. Городецкого, с рассказами А. Белого, с фотографиями и рисунками писателей. Несколько веселых минут доставляют юморески и дружеские пародии А. Измайлова.

ПОРА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В конце XIX века длительная привилегия Академии наук на право издания календарей закончилась. С 1855 года губернским комитетам разрешалось издавать «Памятные книжки», а через десять лет открылась возможность издавать календари частным лицам.

На книжном рынке появились: «Всеобщий календарь» Г. Гоппе, «Календарь „Искры“» Н. Курочкина, который выходил в качестве приложения к сатирическому журналу «Искра». К сожалению, цензурное преследование редактора и сотрудников, да и материальные затруднения препятствовали регулярному выпуску юмористических «Календарей „Искры“». Они вышли в 1866, 1867 и 1868 годы. Редакции удалось выпустить карикатурный альбом под названием «1865 комический год». Собственно, с него и началась эра выпуска частных календарей.

Всевозрастающая потребность народа в календарях привлекла внимание многих предпринимателей. Активно включился в их выпуск А. Гатцук («Крестный календарь»). Значительно усовершенствовали календарное дело в России К. Ступин («Современный календарь») и А. Суворин («Русский календарь»).

Широко развернул издательскую деятельность И. Д. Сытин. В 1885 году он выпустил «Всеобщий русский календарь» и

Календарь «Искры» на 1868 год

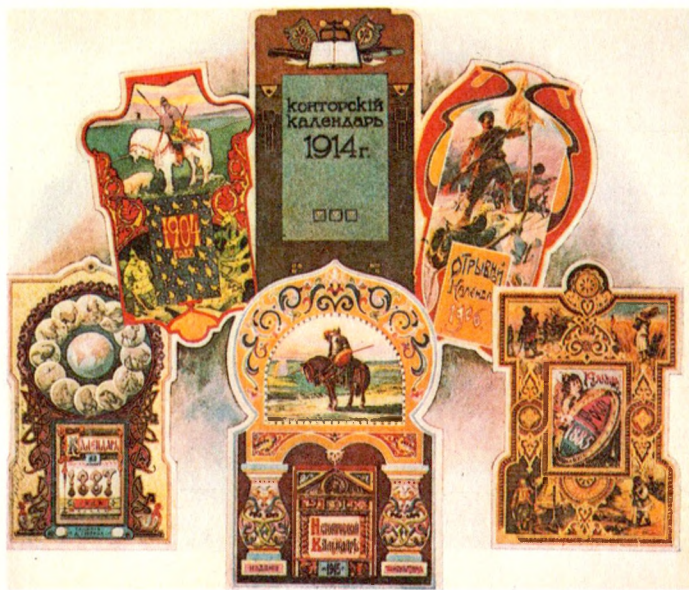
большую партию его отправил на Нижегородскую ярмарку. Красочная обложка, выполненная академиком живописи Н. А. Касаткиным, содержательный текст, иллюстративный материал принесли этому изданию небывалый успех. В последующие годы тираж общих и специальных отрывных и настольных сытинских календарей превысил 12 миллионов экземпляров, и они по праву заняли ведущее место в ряду таких изданий в России.

Для знакомства с историей революционного движения, с борьбой против самодержавия в России и за границей выпускались «революционные календари». О них мы уже рассказывали на страницах «Альманаха библиофила» (1979, вып. 7).

Календари находили все большее число почитателей. В отдаленных уголках России они были порой единственными печатными источниками полезных сведений. По календарю народ учился грамоте, познавал мир.

Кроме общих календарей, рассчитанных на массового читателя, выпускались специальные, предназначенные для людей определенной профессии, и даже — сословия. Их названия говорят сами за себя. «Карманный военный календарь» Добржинского, «Юридический календарь» М. Острогорского, «Медицинский ка-

РУССКИЕ КАЛЕНДАРИ ИЗ СОБРАНИЯ В. АЛЕКСЕЕВА

Стенки к отрывным календарям

Всеобщие русские календари издания Т-ва И. Д. Сытина и Календарь москвички издания Т-ва Брокеръ и К°

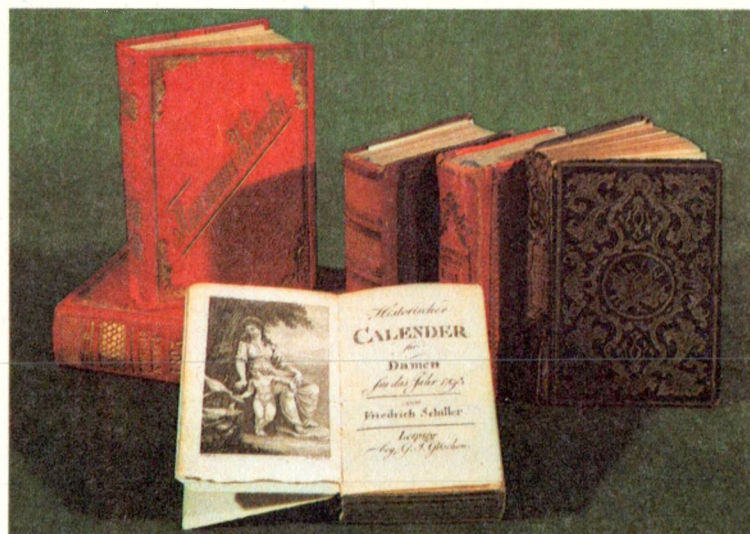
Российский гербовник

Всеобщий русский календарь на 1918 год

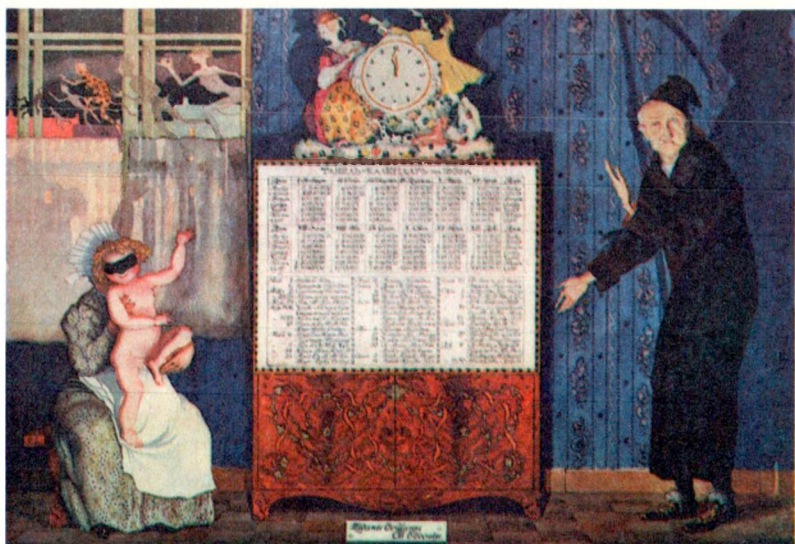
Малоформатные календари издания Т-ва И. Д. Сытина

Памятные книжки, выпускавшиеся в XIX веке; Исторический календарь для дам на 1793 год, изданный в Лейпциге и пользовавшийся популярностью в России

Календарь частных книгоиздателей конца XIX века

Настенный Табель-календарь на 1905 год. Худ. К. Сомов

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Издание Иваново-Вознесенского Губернского Исполнительного Комитета

Календарь на 1919 год, изданный в Иваново-Вознесенске

СОЦИАЛИЗМ

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОН- НЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЗАПАДЕ

Великие революционные движения в Западе относятся к XIX веку. Начало великой французской революции 1789 года ознаменовалось началом нового этапа во всех странах Западной Европы. Но революционные движения в западных странах были и во времена феодализма. Благодаря до XVIII и XIX веков народные массы во многих странах с крестьянской властью и коммунистической структурой. Благодаря и поиску социальной свободы и демократической структуры.

Так было и в древней Греции, где во время демократических начал народ извлекал свободу мысли, и в древнем Риме, где процветали и социальное процветание борется за дело и жизнь и в средневековом западном мире, где революция была восточной частью «лучшей» и коммунистической буржуазии. Борьба за свободу средневековья и нового времени разрабатывала большие возможности в Англии и Франции и греческой Демократии чуждой бедности (толеранты), швейцарской коммунистической структуры. Наконец, в XVI и XVII веках относятся также коммунистическая структура, как коммунистическая война в Германии и во французской войне и война английской революции, которая была другой структурой на пути коммунистического мира.

Все это, однако, было отвлеченно движением, которое борется с одной структурой. Благодаря этому дает революционную структуру мировой коммунистической структуры. Благодаря на пути коммунистической революции коммунистической социальной структуре будет вид коммунистической структуры.

СОВЕТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Государственное Издательство

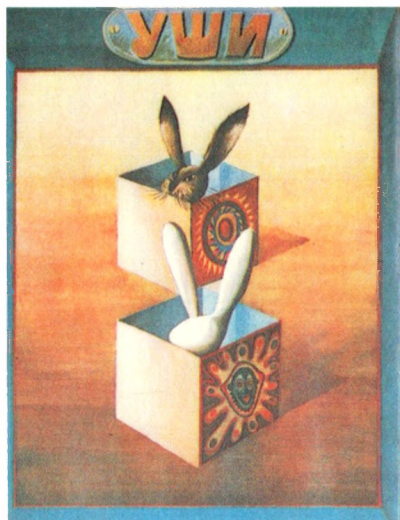

Календарь на 1923 год, выпущенный Госиздатом

КНИЖНАЯ ГРАФИКА ГЕОРГИЯ ЮДИНА

Обложка «Букваренка»

Развороты «Букваренка»

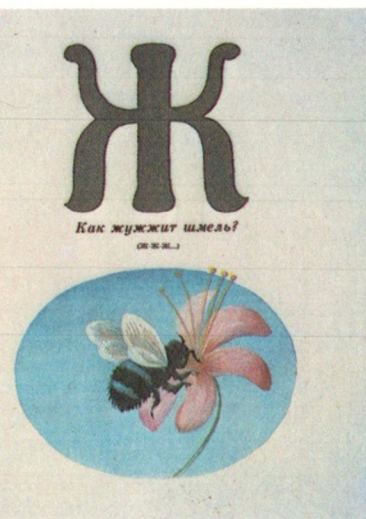

Иллюстрация к рассказу Н. Лескова «Очарованный странник»

Иллюстрация к книге «Приключения капитана Врунгеля»

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТОВСКИЕ ЭКСЛИБРИСЫ

А. Пакелюнас. Цветная гравюра на дереве. 1970

С. Ейдригевичюс. Офорт. 1973

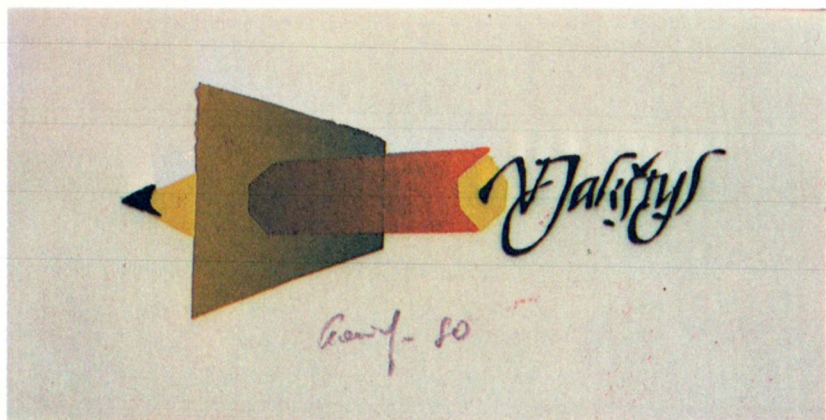
Г. Раткевичюс. Шелкография. 1980

С. Кисараускене.
Смешанная техника. 1973

А. Клишевичюс. Шелкография. 1981

А. Клишевичюс. Шелкография. 1980

А. Кмеļускас. Цветная гравюра на пластмассе. 1981

Г. Пемпе. Двухцветная цинкография. 1970

лендарь» Г. Герценштейна, «Календарь для учителей» Ф. Тельбке, «Сельский календарь» Я. Абрамова и многие другие.

Хотелось бы упомянуть о некоторых оригинальных изданиях, имеющих у меня. «Календарь Симбирской губернии на 1879 год» содержит многочисленные сведения о городе, в котором прошло детство В. И. Ленина. В этом издании неоднократно упоминается Илья Николаевич Ульянов как директор народных училищ и как действительный член Карамзинской общественной библиотеки. Немалый интерес представляет отчет о состоянии просвещения в губернии, в составлении которого Илья Николаевич принимал непосредственное участие. Солидный «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год», изданный в Томске Ф. Романовым, включает множество сведений о Сибири того времени. «Календарь москвички на 1914 год» украшен цветными рисунками на бытовые темы. Великолепны и нарядны календари на 1913 и 1914 годы под названием «Российский гербовник», издания А. Левенсона. В них представлены красочные гербы городов и губерний. Свообразен «Календарь и записная книжка земского корреспондента Московской губернии на 1915 год», выпущенный статистическим отделением Московской губернской земской управы. Корреспондент, живущий в сельской местности, должен был ответить в течение года на 64 вопроса управы.

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КАЛЕНДАРИ

Редакция «Товарищества И. Д. Сытина», выпуская «Общепольный календарь на 1917 год», видимо, не предполагала, что привычное описание «Дома Романовых» на этом и закончится. Не сделали «погоды» и предсказания «Брюсова календаря». Не помогло монархии и покровительство на этот год планеты «Меркурий».

С выходом «Всеобщего русского календаря на 1918 год» (Т-во И. Д. Сытина, 1917) начинается новая эпоха в выпуске этих изданий. Нарядна, как всегда у Сытина, обложка календаря. На этот раз она посвящена 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева. Художник З. Е. Пичугин в центре круга поместил портрет писателя, вокруг которого изобразил отдельные сценки из его произведений, дом в селе Спасское-Лутовиново, где жил и работал писатель.

Свое отношение к переживаемому страной моменту редакция выразила в небольшой заметке: «Великая революция, изменившая в самом корне весь строй русской жизни, сняла и с печати гнет цензуры и невольного молчания о многих важных явлениях нашей жизни. В нынешних условиях свободного слова

становится возможным совершенно обновить все содержание календарей и дать, наконец, те сведения, какие ему действительно нужны».

Кое в чем редакция преуспела. Заглавия вызывали повышенный интерес: «Свободная Россия», «Хозяйство по-новому», «Обновленная школа», «К свету» и т. д. Впервые массовый календарь (тираж свыше 2 млн. экз.) заговорил о «новых порядках». Убедительно и четко преподнесена программа партии большевиков. Обращает на себя внимание «Краткий словарь по вопросам общественного и политического устройства». В нем даны объяснения таким словам, которые часто звучали на митингах, в выпусках газет и журналов: «Демократия», «Капитализм», «Коммунизм», «Пролетариат», «Революция», «Социализм».

Рабоче-крестьянское правительство проводило в стране революционные преобразования. Выходили новые декреты, постановления, распоряжения. Так, по предложению В. И. Ленина, на заседании Совета Народных Комиссаров 24 января 1918 года утверждается «Декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря».

Совершенно по-новому зазвучал «Советский календарь на 1919 год», изданный ВЦИК. Его содержание широко раскрывает разнообразную деятельность республики. Из месяца в месяц расписаны дни наиболее памятных событий в длительной и суровой борьбе народа против самодержавия. Под рубрикой «Светочи человечества» редакция знакомит с биографиями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также Ф. Лассалья, А. Бебеля, К. Либкнехта. Календарь обстоятельно поведал об истории революционного движения на Западе и в России, о съездах Советов и Конституции, о вселенной, сельском хозяйстве и медицине, о просвещении и рабочем контроле, о Красной Армии и центральных учреждениях республики. Словом, календарь стал необходимым пособием, настольной книгой каждого советского человека. Великолепные многокрасочные рисунки художника Б. Зворыкина и сейчас поражают яркостью и четкостью, высоким художественным мастерством.

«Советский календарь на 1919 год» можно встретить не только в государственных, но и в частных библиотеках. Наряду с обычными выпусками мне удалось приобрести специальный, изданный на улучшенной бумаге, где все заглавия статей и оформление страниц выполнены в праздничном красном цвете.

Просматривая книгу «Государственное издательство за пять лет», вышедшую в Москве в 1924 году, мне удалось установить более раннее издание — «Первый народный календарь на 1919 г.». Кроме календарных сведений были напечатаны:

очерк о рабоче-крестьянском правительстве и истории Советов, а также ряд статей по различным вопросам хозяйствования.

Продолжая интересоваться первыми советскими календарями, я приобрел «Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 год» и «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник (календарь-справочник) на 1920 год». Два издания с красочными обложками бережно сохранены и переплетены в один том. Судя по штампам на русском и латинском языках, эта книга принадлежала ныне забытому поэту Алексею Луганскому. В предисловии к первому выпуску календаря редакция делится своими планами и ставит перед собой три цели: «...дать рабочему и крестьянину необходимые для него сведения, изложить простым, доступным широкому читателю языком смысл происходящих событий, помочь ему разобраться в новом строительстве административной и хозяйственной жизни».

Редакция за короткий срок неплохо справилась со своей задачей. В календарной части отражены важнейшие события в истории революционного движения России. Большое место отведено статьям «Советская власть», «Год диктатуры пролетариата», «Экономическая программа пролетарской власти». На пяти страницах представлена «Биография Владимира Ильича Ульянова (Н. Ленина)». Многие связывало М. В. Фрунзе с Иваново-Вознесенской губернией. В 1905—1907 годах руководил революционным движением, в 1918 году работал председателем Иваново-Вознесенского губкома партии, председателем губисполкома и губвоенкома. Не случайно в календаре помещены две его работы: «Красная армия и ее задачи» и «К истории социал-демократии в пределах Иваново-Вознесенской губернии (по личным воспоминаниям)».

Важное место среди первых изданий республики принадлежит «Советскому календарю на 1920 год», выпущенному только что организованным Госиздатом. В редколлегии этого исторического сборника значатся: В. И. Ленин, А. Луначарский, Н. Крыленко, Н. Семашко. Оформление календаря выполнено художниками Б. Зворыкиным и В. Спасским. К сожалению, под статьями и очерками нет фамилий авторов, поэтому трудно определить кому принадлежит та или иная работа. За два года трудовой и боевой жизни наметились коренные изменения в стране. Многие нововведения нашли отражение и в разделах «Советского календаря». Об этом можно прочесть в таких статьях, как «Образование Коммунистического Интернационала», «Духовная жизнь человека», «Сельское хозяйство», «Высший Совет народного хозяйства», «Кодекс законов о труде», «Всеобуч», «Красная Армия» и многих других. Невозможно остаться равнодушным, читая статью «В борьбе с голодом и холодом». Она дает представление о сложном положении, пережитом страной. «Тяже-

лая война довела нас до голода, вынуждая всемерно экономить пищевые продукты и наиболее целесообразно употреблять то из съестного, что удается достать». Здесь же предлагаются советы и способы приготовления пищи.

Все, что пришлось пережить и преодолеть нашему народу, нашло отражение в этих подлинно документальных произведениях, именуемых календарями.

В дальнейшем ассортимент календарей заметно расширился, их начали выпускать не только центральные издательства, но и провинциальные.

В библиографическом ежегоднике «Книга в 1921—1922 году» зафиксировано более двадцати изданий. Здесь же имеется пояснение о том, что «отрывные календари не регистрировались». Однако и тот перечень книг, который удалось установить по ежегоднику, далеко не полон.

Изучая фонды Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, я обнаружил ряд интересных изданий, например: «Календарь-самоучитель на 1919 год», составленный инженером-технологом В. Микини. Издание зарегистрировано (№ 257) и цена (2 рубля) утверждена Московским Советом рабочих и крестьянских депутатов. Для того времени это важное пособие. Из него можно было узнать, как шить сапоги, как чинить галоши, как самому приготовить ваксу, гуталин и мыло. Календарь «Север» на 1919—1920 годы, вышел в Архангельске, оккупированном интервентами. Он составлен с июля 1919 года по июнь 1920 года. Эта небольшая книжечка в 16 страниц появилась без выходных данных. Видно, что редакция не питала симпатий к захватчикам и белогвардейцам, поэтому в календаре нет сведений, которые в нем обычно помещались. В нем зафиксированы приметы жизни народов Севера. «Июль. Новоземельный промысел моржей и зайцев. Пароходы идут в Печору на Новую Землю. На Мурманске рыбный промысел и торговля продолжают. Приход судов в Архангельск с рыбой».

Особого внимания заслуживают отрывные календари. Начало выпуску такого вида календарей положено Сытинским издательством в конце прошлого века. По совету Льва Николаевича Толстого на составление и редактирование первого отрывного календаря И. Д. Сытин пригласил писателя, знатока народного быта Н. А. Полушина. Рядом с календарными датами на листках помещались пословицы, поговорки, советы по ведению домашнего и сельского хозяйства, исторические факты. Успех был громаден. В дальнейшем к основному виду отрывного календаря прибавились специальные (малого и среднего формата)—так называемые конторский, ученический, дамский, военный и другие.

Один из первых советских календарей на 1921 год

Эскибрис В. Алексева, выполненный художником М. А. Паньковым

Нужно отдать должное художникам, которые расписывали обложки и выполняли иллюстрации к отрывным календарям — А. Апситу, Е. Бему, Н. Богатову, М. Гермашеву, Б. Зворыкину, академику Н. Касаткину, Н. Каразину, А. Пичугину, С. Ягужинскому и многим другим.

Более шести десятилетий отделяет нас от выхода первого «Отрывного советского календаря на 1919 год», подготовленного издательством ВЦИК. Он стал поистине календарем единым для всех народностей Страны Советов. Он дошел до нас буквально в единичных экземплярах. На каждом листке под датами расположен «Дневник революции 1917—1918 гг.». Здесь же помещены декреты, постановления и другие документы народной власти. На обратной стороне листков напечатаны отрывки из произведений М. Горького, Д. Бедного, Я. Полонского, У. Уитмена, других писателей, краткие биографии видных революционеров, деятелей науки и культуры. На листках 23 и 24 апреля помещена одна из первых биографий «главы Советской России В. И. Ульянова (Н. Ленина)».

«Календарь-справочник продовольственника на 1921 год», находящийся в моем собрании, готовился к выпуску издательским отделом Народного комиссариата по продовольствию в

конце 1920 года. Отличительной чертой этого издания является напечатанная в нем подборка декретов и приказов, касающихся вопросов продовольствия и сельского хозяйства. С помощью статистических данных освещена одна из важных проблем — снабжение продуктами питания населения в течение первых лет Советского государства. В конце книги приложена «Схематическая административная карта РСФСР, составленная по данным НКВД на 10 декабря 1920 года».

Настольный календарь «Гражданин и рабочий на 1922 год» мне помогли приобрести тульские книголюбы. Выпущен он в 1921 году. Редакция в статье «Несколько слов о календарях вообще» писала: «Новый тип календаря не должен быть графическим, из года в год повторяющимся. Он должен быть полезной и интересной для широких масс книгой,—и такой книгой, которая ежегодно будет пополняться и обновляться в своем содержании». И сегодня этот календарь читается с интересом. В нем рассказывается о РСФСР, о Коммунистической партии. Любовью и теплотой проникнуты биографии русских писателей А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, М. Горького. Есть информация по сельскому хозяйству (помесячно), по медицине, по истории Тульской губернии. На последней странице — статья, где рассказывается о способах приготовления хлеба.

А вот еще одно издание... Конец гражданской войны. Разруха, голод, тиф. Недобитые банды совершают диверсии, терроризируют население. В это время выходит в свет «Календарь для всех на 1923 год». Прежде всего читателей поражает красочная обложка с «Тремя богатырями» — красноармейцем, крестьянином и рабочим. Они сидят на конях и смотрят вперед, в будущее...

Важное место в истории календарей первых лет Советской власти занимает «Календарь коммуниста», начавший выходить с 1923 года. Он стал поистине партийным справочником. Широкий круг освещаемых в нем вопросов. Из года в год росли ряды коммунистов, увеличивался и тираж календаря, появлялись в нем новые разделы. К 1928 году в нем уже было 811 страниц. Обстоятельно представлена история ВКП(б), выделены рубрики: «Работа среди женщин», «Антирелигиозная пропаганда», «Самообразование», «Печать СССР», «Народное хозяйство». В них подводились итоги десятилетия, освещалось развитие республик и автономных областей за годы Советской власти. В заключение приводился «Политсловарь».

Таков краткий обзор некоторых русских и советских календарей. Поиски забытых изданий продолжаются...

Резцы
и кисти

Когда у меня в руках новая книга, предмет, изготовленный в типографии руками наборщика, этого своего рода героя, с помощью машины, изобретенной каким-то другим героем, я чувствую, что в мою жизнь вошло что-то живое, говорящее, чудесное...

А. М. ГОРЬКИЙ

В своей основе книжный знак, ex Libris,— это выявление любви и уважения к книге. Это сгусток мыслей и чувств, посвященных книге...

А. А. СИДОРОВ

*Винцас Кисараускас***ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО
В ЛИТОВСКОМ ЭКСЛИБРИСЕ**

У каждой эпохи, у каждого времени, как нам кажется, есть свой цвет. Парадоксально, но это так. Цвет времени передается, отражается, оставляет след в искусстве, в отдельных его областях, жанрах. Высказать словами, какой, к примеру, цвет преобладает в настоящее время или каким он был в прошлом году, также нелегко, как нелегко описать, какой оттенок преобладает у той или иной скульптуры из белого мрамора. Один цвет, или гамма его оттенков у ренессанса, другим отмечены времена барокко или рококо. Одни полутона характерны сентиментализму, другие — неоклассицизму.

Перед тем как начать разговор о традициях и новаторстве в литовском экслибрисе, хотелось бы, чтобы читатель почувствовал ветра столетий, чтобы в его воображении возникли цвета времен, чтобы сегодняшняя их гамма представилась в сравнении с цветовыми гаммами разных эпох. Пусть в воображении возникнут эти цвета, полутона, и пусть каждый увидит в их отблесках нечто существенное, разделяющее одно время от другого. Тогда разговор об искусстве не будет сугубо «теоретическим», а поможет раскрыть перед нами его суть, сегодняшнюю и вчерашнюю, поможет взору и слуху, а в чем-то — фантазии и интуиции...

* * *

Суперэкслибрис литовского князя Зигмантаса Старого датирован 1518 годом, а экслибрис Повиласа Альшенишкиса обозначен примерно 1535 годом. Это старейшие книжные знаки в Литве. Века спрессовали не одну волну художественных стилей. Сведений о тех далеких временах у нас действительно маловато, еще не написана история литовского книжного искусства. Нет истории графики, за исключением отдельных статей и разрозненных исследований. Но все же эмоциональная связь сегодняшних художников-графиков с их предшественниками существует. По-видимому, — это интуитивная связь.

Мало еще говорится о традициях, о связях экслибрисной графики с другими художественными стилями. Однако они несомненны, они существуют. Настоящая работа — это еще одна попытка взглянуть на отдаленные времена. Столетия назад мастер резал медь, вытравливал ее кислотой, вырезал гравюру на дереве, на желтом или синем литографическом камне рисовал жирным карандашом — и сегодня художники вырезают по дереву или режут по линолеуму, через офортную пластинку прокатывается стальной вал и на мокрой бумаге остается отпечаток чуда — черный или цветной рисунок. За несколько столетий не многое изменилось в экслибрисе. Правда, в XIX веке были совершены некоторые открытия и в графике, прежде всего — это цинкография. И с тех пор многие экслибрисисты создают рисунок, который переносится на цинковое клише, по желанию уменьшается или увеличивается, и уже с клише производится печатное изображение.

Некоторые организаторы международных художественных выставок не признают технику цинкографии как художественную. Они относят к ней только те способы гравирования или рисунка, которые выполняются непосредственно рукою художника. Сегодняшние графики и цинкографию могут, без сомнения, отнести к традиционной технике, которой пользовались в Литве многие художники. В их числе Г. Багдонавичюс, заслуживший своими цинкографическими экслибрисами международное признание. Несколько иначе подходит к этому способу печатания М. Матуляускас, использующий в своих экслибрисах коллажный принцип. Он вырезает и вновь монтирует фрагменты репродукций, рисунков, фотографий.

Существуют гравюры на картоне и на пластмассе. Их интенсивно и очень оригинально создают В. Антанавичюс, В. Калинаускас, А. Кмеляускас, А. Шваенас. Наконец, по-новому используется некоторыми художниками различный брак цинкового клише, образующийся во время вытравливания. Такими творческими экспериментами отличаются экслибрисы И. Генюшене, В. Антанавичюса, С. Катаускаса. К особо новаторской, современной технике печатания следует отнести способ шелкографии (или иначе — сериграфии), с помощью которого тиражируют малые гравюры М. П. Вилутис, Р. Гибавичюс, П. Репшис, Й. Лёлис и в последнее время художники из Клайпеды: А. Клишавичюс, П. Гайдамавичюс. Это — особенно гибкий способ печатания, позволяющий оперировать линией и пятном, глубоким тоном и широкой шкалой полутонов, блестящими и матовыми красками. Надо сказать, что, несмотря на молодость этой техники, уже созданы по-настоящему художественные шелкографические работы.

* * *

Новаторские идеи, слившись с местными традициями, давали удивительные сочетания. Некоторые художники прошлого как бы ненароком приглушали буйную нарядность барокко. Среди них — Г. Лейбович, гравер Несвижского двора, создавший для библиотеки Радвилы несколько книжных знаков, и вильнюсский график В. П. Бальцявичюс. Оба жили в XVIII веке. Лейбович в своей малой графике объединял множество традиционных элементов. В результате получался нарядный книжный знак с бронзовым оттенком. При рассмотривании его работ перед мысленным взором зрителя невольно возникает творчество экслибрисиста А. Кмеляускаса. Гравюры современного художника, большие по формату, также объединяют различные сюжетные элементы, в них преобладает движение. Цвет придает этим экслибрисам нарядность, оттенок торжественности. Это не те сухие и скупые «дизайновые» экслибрисы, которые в настоящее время создаются повсеместно.

А разве в творчестве Валерионаса Юциса нельзя найти нечто общее с искусством барокко? Изогнутая линия, движение, горизонтально скомпонованные фигуры. Разве мы не улавливаем нечто общее с теми, дошедшими из XVIII столетия фигурами — с их движением, усложненными складками одежд? Без сомнения, художник не следует барокко буквально, и тем более не копирует его, в его работах мы находим корни литовского народного творчества.

* * *

Много было попыток перенести пластические элементы оформления XVII, XVIII и XIX веков в современный экслибрис. Стилистические «цитаты» архитектурных форм широко использовались в работах, представленных на конкурсе экслибрисов, посвященном 400-летию библиотеки Вильнюсского университета. А. Матуляускас в своих экслибрисах использует элементы старой архитектуры, фрагменты рисунков на кафеле. Надо сказать, что раньше художник активно обращался к мотивам народного творчества. Популярностью в профессиональной графике 50—60-х годов пользовался заимствованный в народных гравюрах штрих. Там, где этой манере резьбы была дана новая жизнь, где она употреблялась как средство выражения современного мышления, — результаты были поразительные. Например, — в экслибрисах Р. Гибавичюса. В творчестве некоторых графиков этот штрих так и остался всего лишь заимствованным элементом.

Традиция — это не отвлеченное, абстрактное, теоретическое понятие. Это цепочка, по которой передается опыт, знание, ремесло, чувство прекрасного. Молодежь, с одной стороны, пере-

нимает этот опыт, усваивает его, с другой стороны, движется в поиске нового, неизведанного. Новаторы переосмысливают, перерабатывают, дополняют, продолжают традиции в гравюре. Эти традиции формируются иногда в каком-то городе или районе. Так, сколь ни разнилась бы манера творчества Г. Багдонавичюса от стиля представителя среднего поколения шяуляйских художников — Э. Юхнявичюса, — у них все-таки есть что-то общее, свойственное всем шяуляйским авторам, и это без труда заметит любой исследователь.

В прошлые века новаторские идеи довольно быстро приходили в Литву. Путешествовавшие по Европе привозили новые веяния, новые художественные вкусы. Достаточно вспомнить правило тех лет: подмастерье мог получить имя мастера только тогда, когда, закончив обучение, он еще три года путешествовал и работал у мастеров других стран.

В сегодняшнем мире эту связующую функцию выполняют выставки, конференции по экслибрису, специальные каталоги и другие издания.

Выставки из личных коллекций, районные, городские, республиканские проводятся у нас регулярно.

Особой популярностью экслибрис начал пользоваться в 60-е годы. В 1966 году при секции графики Союза художников Литовской ССР создается бюро экслибриса. С этого периода работы литовских художников становятся известны как в Советском Союзе, так и за рубежом. Общество книголюбов вовлекло в свою работу новую группу экслибрисистов. Наметились благоприятные условия для организации в республике передвижных выставок, среди которых следует отметить, например, выставку А. Чапаускаса «Октябрь и социализм». Проведенная в 1960 году республиканская выставка экслибриса стала уже традиционной, ежегодной. В бюллетене «Науёс книгос» («Новые книги») постоянно печатаются материалы о мастерах книжного знака нашей страны. Были изданы книги: «А. Кучас. Экслибрисы» и «Й. Кузминскис. Экслибрисы».

* * *

В Каунасе живет один из старейших художников и теоретиков литовского экслибриса, известный искусствовед Паулюс Галауне. Свои первые экслибрисы он создал в 1919 году. В 1926 году он написал первое и пока единственное исследование «Экслибрис в Литве в XVI—XX веках».

В малой графике молодой Галауне не поддавался модным влияниям. И сейчас свои книжные знаки он создает, следуя традициям классицизма, используя в гравюрах элементы, господствовавшие в конце XVIII — начале XIX века. П. Галауне словно

связал мостиком классицизм и первые десятилетия XX века и тем самым подготовил почву для дальнейшего развития книжного знака. Примечательно, что по инициативе П. Галауне в 1928 году в галерее Чюрлёниса была организована I выставка литовского книжного знака, на которой были представлены старинные и современные экслибрисы. II выставка, на которой экспонировался только русский книжный знак, была организована в следующем, 1929 году.

В 1925 году свою творческую одиссею, связанную с книжным знаком, начал Герардас Багдонавичюс. За свой долгий путь он пережил сложные творческие колебания, но как ни изменялся почерк этого художника, основную традицию классической трактовки экслибриса Г. Багдонавичюс сохранил до настоящих дней. После войны он одним из первых в республике стал принимать участие во всесоюзных книжных выставках, проходивших в Ленинграде.

* * *

Каунасская художественная школа сформировала целую плеяду талантливых художников и среди них — известных графиков А. Кучаса, М. Булака, Й. Кузминскиса, В. Ратаса-Ратайскиса, А. Аугустинавичюса, И. Жебенкена, В. Юркунаса, Т. Валюса, В. Петравичюса и других. Особую роль здесь сыграла педагогическая и творческая деятельность преподавателей — В. Юркунаса, Й. Кузминскиса, А. Кучаса и других. Это они на протяжении десятилетий готовили учеников, обогащали их своим опытом. Посаженное ими дерево дало обильные плоды. Это наглядный пример органического единства традиций и новаторства, преемственности, развития искусства.

Творчество упомянутых художников полно классической чистоты, ясности и благородства, соединяющихся с традициями народного искусства. Параллели с классицизмом можно проследить в книжных знаках Антанаса Гедминаса. Выбор средств, компоновка шрифтов, стилистика отдельных элементов оформления чем-то напоминают художественные веяния минувших времен. Особой для исследования могла бы стать тема: влияние традиций народного творчества на искусство книжного знака. Это влияние ощутимо уже в работах 40-х годов, и особенно сильным оно стало в 50—60-е годы, когда в литовском экслибрисе использовались элементы орнаментов тканей, резьбы по дереву, чеканки металлов, народной скульптуры.

* * *

Если сопоставить редкие экслибрисы, начиная от старейших книжных знаков, суперэкслибрисов, шрифтовых экслибрисов и

книжных печатей XVIII века до скромных и по-своему интересных книжных знаков начала XX века и наших дней, то мы обнаружим интересные вещи. Часто нам кажется, что мы далеко ушли от искусства прошлых веков. Однако, сравнивая старинные и современные работы художников, можно найти в них много общего. Иногда создается впечатление, что развитие традиций не равномерно, а скачкообразно. Так, новаторство, споткнувшись о запруды искусственно культивируемых традиций, вдруг прорывает ее и как бы захлестывает, затапливает эти устаревшие традиции в бурном водовороте. Не наблюдали ли мы нечто подобное в литовском экслибрисе 60-х годов? Но вот постепенно художникам начинает как бы надоедать этот никем не сдерживаемый, не регламентируемый натиск потока. Их тяготит еще непроявленное новое, в котором трудно разобраться. Шумные каскады утомляют, мастерам недостает чего-то стабильного, испытанного, проверенного. Так возникает «ретро», этот взгляд назад, так рождаются неоклассицизм, неоготика и другие «нео». В настоящее время мы ощущаем волну такого «ретро» в искусстве, в моде. А также в экслибрисе.

«Ретро» можно заметить на наших республиканских выставках экслибриса, в творчестве молодых художников. Эту ретроволну следует считать, конечно, не повтором пройденного, а возвращением к традициям. Последует ли вслед за этим новая волна эксперимента? Искусство тем и хорошо, тем и интересно, что оно неожиданно.

ЛИТОВСКИЕ ЭКСЛИБРИСЫ

1. Образец экслибриса XVIII века. 2. Экслибрис Виленской публичной библиотеки (1863—1915). 3. Цинкография М. Добужинского. 1920-е годы. 4. К. Шимонис. Цинкография. 1930-е годы. 5. А. Сургайнеле. Линогравюра. 1967. 6. Линогравюра В. Юцис. 1970. 7. Цинкография Й. Пликените-Бружене. 1971. 8. П. Репшис. Цинкография. 1972. 9. В. Кисараускас. Офорт. 1981. 10. П. Репшис. Цинкография. 1972. 11. В. Кисараускас. Цинкография и офорт. 1982. 12. Сухая игла на оргстекле А. В. Бурбы. 1981

1

2

3

4

5

6

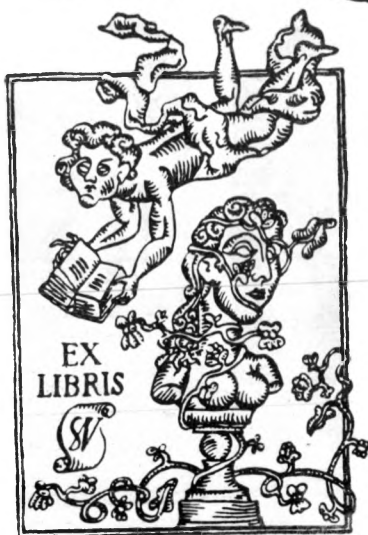
7

8

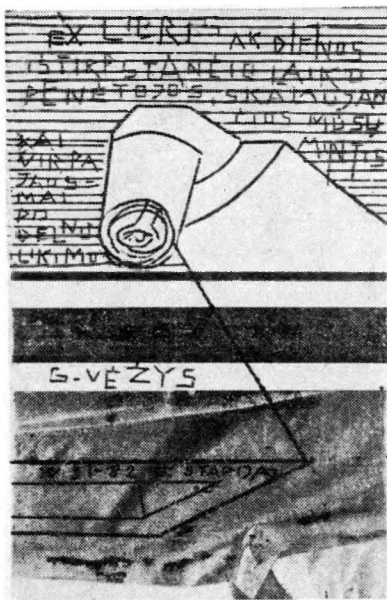
9

10

11

12

EX LIBRIS
RAMUTĖ
PLIOPYTĖ
1951-54

Л. Соскин

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ МАРКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА БИБЛИОФИЛОВ

Учредительное собрание Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ) состоялось 5 ноября 1923 года. Последнее, 142-е общее собрание — 25 июня 1931 года. В сентябре 1931 года ЛОБ влилось в Северо-Западный отдел Всероссийского общества филателистов в качестве секции библиофилов и экслибрисистов, т. е. прекратило самостоятельное существование.

Устав предоставлял ЛОБу право издательской деятельности. Первая книга — справочник «Ленинградское общество библиофилов» — появилась в 1924 году примерно через год после возникновения Общества, последние издания — в 1931 году. За этот период ЛОБ осуществило 65 изданий: от памяток (содержащих краткое изложение докладов и иллюстрированных гравюрами) до монографий и сборников, венцом которых явился «Альманах библиофила» 1929 года.

Ленинградское общество библиофилов уделяло серьезное внимание своей издательской марке — эмблеме. В центре обложки книги, авантитула, первого листа памятки неизменно воспроизводилась марка ЛОБ.

Более чем за шесть лет издательской деятельности Общество применяло различные марки, выполненные пятью художниками-графиками в технике ксилографии. Марки сменяли друг друга, а зачастую и чередовались.

В сообщении «Возникновение ЛОБ», сделанном на заседании по случаю пятилетия со дня основания Общества, Э. Ф. Голлербах вспоминал: «Мы устроили нечто вроде конкурса, в котором приняли участие Е. Д. Белуха, В. К. Изенберг, А. М. Литвиненко и М. С. Соломонов. Белуха изобразил фарфоровую фигурку библиофила фабрики Миклашевского, Изенберг — старинную фигуру книголюба, напоминающего поэта на головинской обложке „Записок мечтателя“, Литвиненко сделал два-три образца лаконичных буквенных марок, Соломонов нарисовал раскрытую книгу и обнаженного сеятеля меж двух колонн. На заседании

Совета была принята, а затем утверждена общим собранием марка Чехонина». По Голлербаху получается, что была выбрана марка, не участвовавшая в конкурсе. Тут что-то не так. Как ясно видно из архива ЛОБ, находящегося в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Общества, обсудив проекты марок, представленные Чехониным, Литвиненко и Соломоновым, предложило Совету принять и утвердить один из них. Всем участникам конкурса объявлена благодарность. Принята была действительно марка С. В. Чехонина (1). Она применялась до середины 1927 года систематически, а в дальнейшем — время от времени. В общей сложности она встречается в 30 изданиях ЛОБ — чаще, чем любая другая.

Позднее, в октябре 1924 года Совет рассмотрел проект марки ЛОБ работы Изенберга и постановил допустить ее в качестве украшения книжных изданий.

В поисках более выразительного, современного знака была принята марка работы Н. Л. Бриммера (2). Она фигурирует в 24 изданиях ЛОБ с 1927 по 1929 год.

В справочнике Общества, изданном к его пятилетнему юбилею (5 ноября 1928 г.), появляется марка работы Белухи (3): рисунок фарфоровой фигурки библиофила (эта статуэтка стала широко известна после воспроизведения на суперобложке «Рассказов о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского). Рисунок Белухи обрамлен надписью, в которой зафиксирована дата, подтверждающая, что он был выполнен именно к юбилею. В дальнейшем эта марка появляется еще в трех изданиях ЛОБ 1928—1931 годов, но без даты в нижней части рисунка.

Как указано в «Альманхе библиофила» 1929 года, его корешок, титульный лист, марка и все украшения — работы Л. С. Хижинского. Так появилась еще одна марка (4), выполненная специально для этого уникального издания. Уменьшенный фрагмент из нее — раскрытая книга и расположенные треугольником буквы ЛОБ (5) — использован позднее в четырех изданиях Общества 1929—1931 годов.

Для памятки к заседанию Общества, посвященному столетию со дня рождения Л. Н. Толстого, художник С. М. Пожарский выполнил марку в виде силуэта писателя, с датами: 1828—1928 и с буквами: ЛОБ (6).

Наконец, тот же художник нарисовал обложку, заставки и концовки к одному из последних изданий Общества «Хроника ЛОБ» (1931). На обложке и авантитуле — марка: переплетающаяся буквы ЛОБ и книга. Композиция близка к работе Хижинского и, надо признать, не блещет ни оригинальностью, ни художественными достоинствами (7).

Все проекты издательских марок выполнялись безвозмездно.

1

2

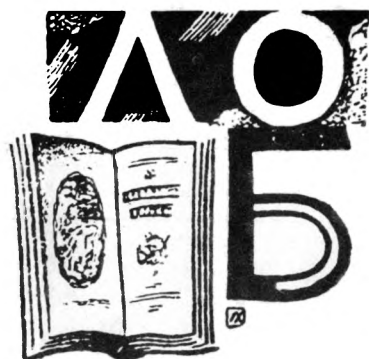
3

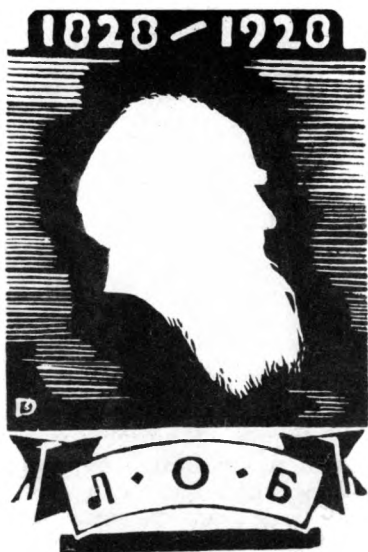
4

5

6

7

Сергей Бычков

НАРИСОВАЛ И НАПИСАЛ ГЕОРГИЙ ЮДИН

Рисовать он начал поздно. Отслужил в армии. В 1970 году окончил Московский полиграфический институт и был оставлен при кафедре. В течение трех лет руководил работой над экспериментальным букварем. Затем был художником-постановщиком фильмов «Капитан Немо» и «Красные дипкурьеры». В этих же фильмах снимался как актер. С 1977 года — член Союза художников. На его счету несколько великолепно оформленных книг. В издательстве «Прогресс» оформил «Рассказы» Максима Горького (1978), затем — сборник «Гуттаперчевый мальчик. Рассказы русских писателей для детей» (1981), «Приключения капитана Врунгеля» (1981). Эта книга получила медаль на международной выставке в Братиславе 1983 года. В 1982 году в издательстве «Детская литература» вышла книга В. Каверина «Ночной сторож, или Семь занимательных историй» с его иллюстрациями. В этой книге иллюстрации сделаны в виде путеводителя по городу Немухину, зримый образ которого придуман самим художником. Иллюстрации к «Приключениям капитана Врунгеля» — это тоже созданный воображением художника «образ» судового журнала самого капитана с рисунками героя, документами, вещественными доказательствами плавания.

Художник так обосновывает свой подход к иллюстрированию книг: «Это не дословное рисование описанной автором ситуации. Ее может представить любой читатель и без моей помощи. Мой подход к проблеме оформления книги — принцип „отраженного луча“. Я смотрю глазами человека, которому важна суть, идея события, ее символический смысл. Чем сложнее книга, тем естественней различные ее трактовки. И если в одной книге соединяются два видения, писателя и художника, то читатель увидит проблему не только фронтально, но с различных точек зрения».

Три года, проведенные Г. Юдиным в лаборатории В. Н. Ляхова, в полиграфическом институте, оставили весьма ощутимый

*Иллюстрация
к рассказу М. Горького «Челкаш»*

след: в 1981 году в издательстве «Детская литература» увидел свет «Букваренок», книжка, сразу же ставшая по-своему уникальной.

Когда эта книжка находилась еще в работе, журнал «Детская литература» опубликовал статью автора «Младший брат букваря». Юдин так рассказывает о своем замысле. «Родилась у меня идея: сделать книгу, по которой ребенок 5—6 лет без помощи вечно занятых родителей смог бы выучить буквы и — при самой небольшой помощи — научился бы читать. Кроме того, хотелось, чтобы эта книга незаметно для ребенка привела бы его от детской книжки-картинки к учебнику».

Книга целиком, от текста до рисунков, сделана Георгием Юдиным. Он выступил не только как художник-иллюстратор, не только как детский писатель, но и как педагог-экспериментатор. Работа над «Букваренком» продолжалась в течение четырех лет. Каждой букве в книге отведено по три разворота. Буквы рассмотрены не в алфавитном, а в букварном порядке, так, чтобы ребенок, выучив две-три, мог попробовать свои силы в чтении. Сами буквы изображены не совсем обычно. Автор так

рассказывал об идее книги: «Ребенок, как известно, познает мир путем ассоциаций, поэтому новая буква является на страницу не просто иероглифом (хотя и такой обязательно присутствует), а как бы возникает из похожего на нее предмета или живого существа. Принцип „образ-знак“ был выбран мною не случайно. Ведь самые первые на земле буквы были рисунками, превращенными со временем в знаки».

Действительно, например, буква «А» предстает сначала перед изумленными детскими глазами в виде акробата, в напоминающей букву «А» позе, буква «У» конкурирует с заячьими ушами, а буква «Ш» вырастает из шпал. Такой подход способствует мгновенному усвоению и запоминанию. Могут возразить, что это вымысел. После беседы с художником, испросив на неделю «Букваренок», я взялся читать его четырехлетней дочери. Она мгновенно запоминала буквы и просила прочесть еще и еще. Запоминанию способствует и тот немаловажный в детском обучении факт, что оно органично вписано в процесс игры.

На правой странице разворота начертана «настоящая», большая буква, ее, кстати, можно показывать и в детском саду, как небольшой плакат. Под буквой помещен рисунок, вызывающий ассоциации из мира звуков, которые окружают ребенка. Под буквой «Ш» нарисована змея и стоит вопрос: «Как шипит змея?» Ребенок, издавая этот звук, самостоятельно отвечает на этот вопрос. Здесь вспоминаются наблюдения великого педагога XVII века Яна Амоса Коменского, родоначальника звукового метода обучения грамоте. Еще одна отличительная особенность «Букваренка» — автор способствует развитию в ребенке самостоятельности. Книга полна вопросов и загадок — автор предупреждает, чтобы взрослые не спешили отвечать на них. Он пишет: «Хотелось, чтобы у малыша, наделенного большим чувством самостоятельности, многочисленные вопросы и загадки „Букваренка“, на которые он должен ответить без посторонней помощи, вызвали ощущение, что не его учат, а он учится сам. На втором развороте помещены иллюстрация и сказка, в которой изучаемый звук встречается до двадцати раз — в начале, в середине и в конце слова».

Сами сказки полны юмора. В статье «Веселые буквы» Сергей Михалков так характеризует «Букваренок»: «Это не обычный „Букварь“, по которому дети учатся читать, а „Букваренок“ — красочная, веселая книжка-игрушка для дошкольников, подтверждающая непреложную истину, что воспитание юмором должно начинаться с младенческих лет. Известно, как высоко ценили юмор детских книг А. В. Луначарский и А. М. Горький, выступая в поддержку С. Маршака и К. Чуковского против тех

Иллюстрация к роману Л. Леонова «Соть»

педагогов-педантов, которые с дореволюционных времен застыли в серьезности и той же серьезности требовали от ребенка» (Известия, 1980, 14 нояб.). Сказки Г. Юдина проникнуты таким искрящимся весельем, что если бы «Детгиз» захотел их издать отдельно, просто как сборник сказок, то и в этом случае, по-видимому, они пользовались бы огромным читательским спросом.

«Букваренок» — книга не только для детей, но и для взрослых. Это утверждение может показаться странным. Всемирно известный французский писатель Мишель Турнье считает: «...есть ли вообще какое-либо основание говорить о специальной

литературе для детей? При ближайшем рассмотрении оказалось, что идея „детской библиотеки“ возникла совсем недавно: в тот самый период мифов о детях, бытовавших в викторианскую эпоху... Вы спросите, а как же „Сказки“ Перро, „Басни“ Лафонтена или „Алиса в стране чудес“ Льюиса Кэрролла? А классика детской литературы: сказки братьев Гримм и Андерсена, восточные сказки, „Путешествие Нильса“ Сельмы Лагерлеф или „Маленький принц“ Сент-Экзюпери? Но ведь нужно признать, что за исключением Сельмы Лагерлеф ни один из этих авторов не писал специально для детей. Правда, будучи глубоко одаренными людьми, они писали так хорошо, ясно и выразительно — что удается немногим и случается так редко, — что их могли читать все, даже дети».

Читая «Букваренок», убеждаешься, что сказки, изложенные Г. Юдиным, захватывают и взрослых. Конечно, ребенок не всегда может вместить все оттенки, которыми блещут сказки «Букваренка» — это под силу лишь взрослому. Но и в этом неоспоримое достоинство книжки — «Букваренок» дети будут перечитывать.

В сказках Юдина не летают по небу оранжевые коровы, в них все обычно. Они чаще всего — бытовые. Иных это может отпугнуть. Укоренилось мнение, что ребенок жаждет чудес; может оттого появилось в детской литературе столько летающих животных. Но реальность, с которой знакомит ребенка Юдин, обыденна и в то же время чудесна. Снег на елках похож то на ежика, то на ершика. Подобное видение развивает детскую фантазию. Оно приучает ребенка замечать чудеса вокруг себя.

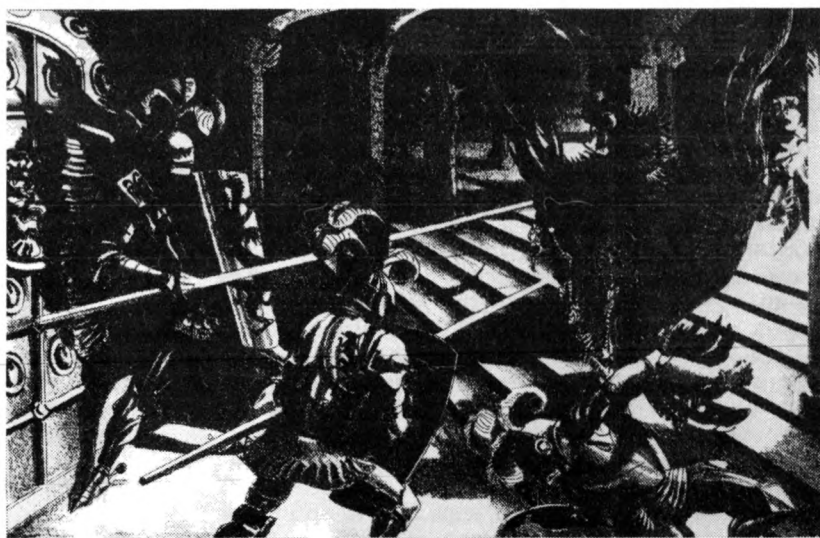
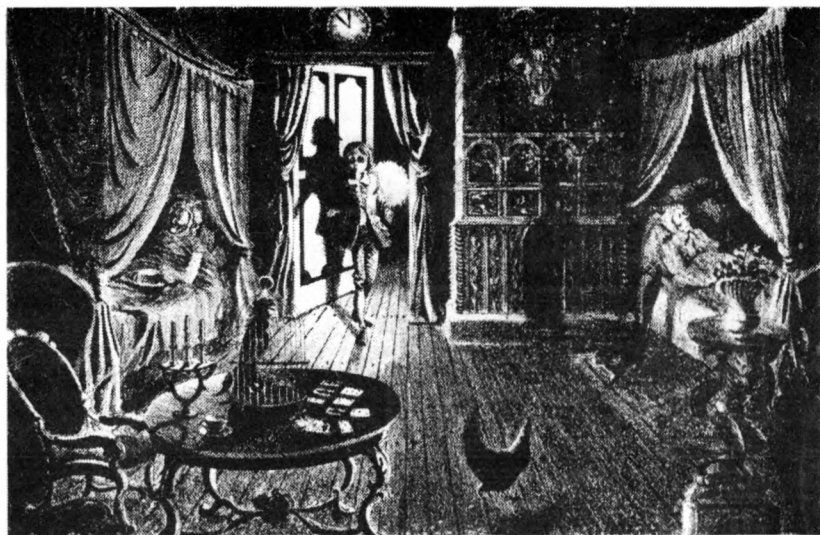
Третий разворот «Букваренка» посвящен научно-популярной теме. «Это, — по словам автора, — в основном рассказы и рисунки о том, „как было, есть и будет“. Рассказы об электричестве, о земле, об автомобилях, о кораблях, самолетах, телефонах, часах и даже об ушах и о носгах». Эти научно-популярные рассказы раскрывают перед ребенком удивительный мир, который окружает его. Вряд ли кто задумывался над тем, сколько времени и сил понадобилось человечеству, чтобы изобрести обыкновенную серную спичку. Здесь мы узнаем об этом. Рассказы предельно кратки, сопровождаются выразительными иллюстрациями и проникнуты живым юмором. Вот рассказ о телефоне: «Индейцы, чтобы сообщить что-нибудь в другую деревню, забирались на высокую гору и громко кричали. Но как докричаться до другого города или до другой страны? Ты видел, как фокусник в цирке может положить в свой волшебный ящик кота и кот исчезнет?... Теперь представь, что вместо волшебного ящика перед фокусником стоит телефон, и в него он скажет слово „Алло“. Но „Алло“ в телефоне не исчезнет совсем, а превратится в невидимые глазом электрические волны».

Сергей Михалков в своей статье «Веселые буквы» справедливо ставит «Букваренка» Г. Юдина в один ряд с книгами Сетона-Томпсона, Д. Биссета, Евг. Чарушина, которые сами создавали и тексты книг, и иллюстрации. «Букваренок» ничем не уступает этим прославленным детским книгам. Единственный его «недостаток» — малый тираж. Книга сразу же по выходе стала недоступной. Остается пожелать, чтобы издательство «Детская литература» пошло навстречу пожеланиям детей и родителей и еще раз переиздало «Букваренок».

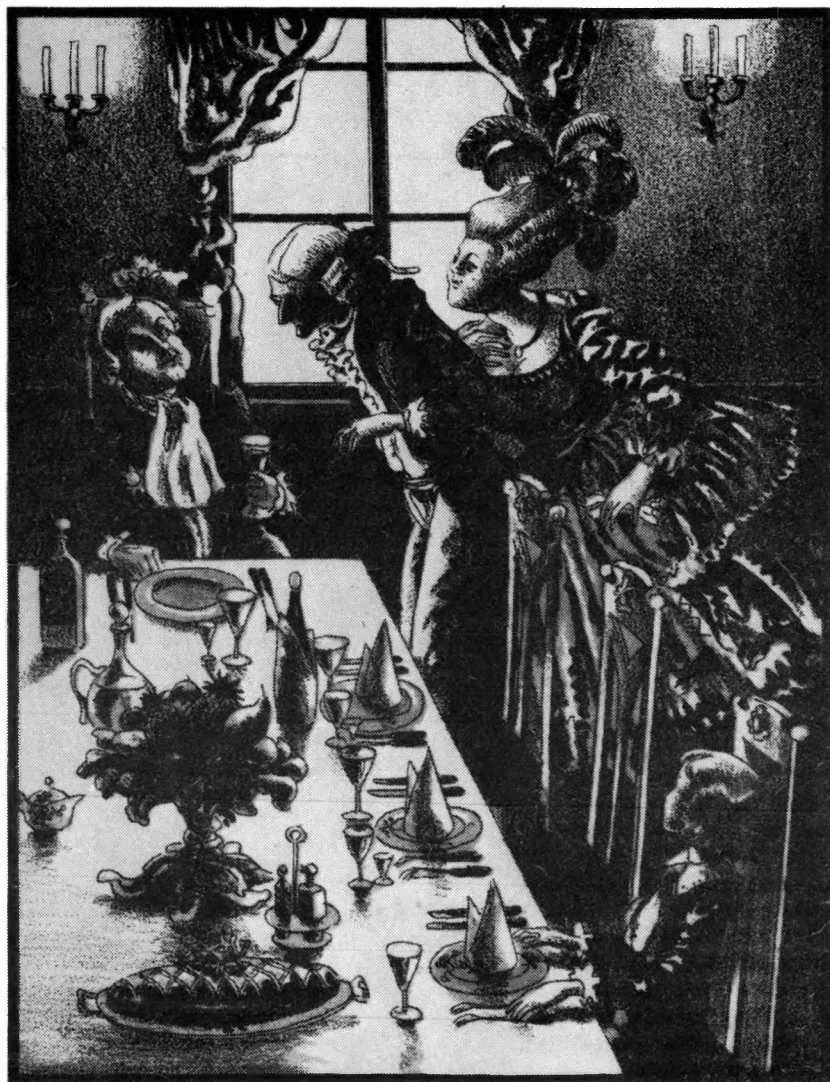
Другая работа — прочтение художником сказки Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители». Первый лист — панорама Санкт-Петербурга — рождает ощущение, что он исполнен художником прошлого столетия. Безукоризнен групповой портрет — Антоний Погорельский (псевдоним А. А. Перовского) с племянником Алешей Толстым, для которого и была написана одна из лучших русских литературных сказок.

Литографии Юдина воскрешают старый Петербург. То, что художником выбрана литография, — не случайность. Литографская техника родилась в конце XVIII века, именно в то время, когда родился А. Погорельский, а развилась в начале XIX века, когда была написана «Черная курица». Кроме того, эта техника своей бархатистостью и мягкостью наиболее отвечает стилю этой сказки. Художник видит улицы глазами Алеши, героя сказки. Разносчики, извозчики, бабы с коромыслами на плечах, жандармские будки — все это «замечено» сквозь дырку в заборе глазами мальчика, томящегося в пансионе. Литографии, повествующие о реальной жизни, монохромные. Но там, где отступают будни и мы вместе с Алешей вступаем в сказочное государство подземных жителей, появляется цвет. Цвет — главное действующее лицо в конфликте между хрупким, воображаемым миром ребенка и миром взрослым, реальным. Цвет выступает в работах Юдина не как украшение, а как носитель смысла. Вот охота на крыс — развеваются перья на шлемах, длинные копыта, словно лучи света, разят хищников, пылают факелы, выхватываемая из тьмы поле битвы: вот взьерошенная Чернушка бесстрашно сражается с рыцарями, охраняющими вход в подземное царство, за ее спиной застыл изумленный и испуганный Алеша. Великолепный зоологический сад с небывальными тропическими цветами, клетки, в которых вместо экзотических животных — крысы. Поводырь Алеши — обернувшаяся первым министром любимая курочка Чернушка. Вот беседа Алеши с королем подземного царства и дар короля — конопляное зернышко, которое поможет Алеше без всяких усилий стать первым учеником.

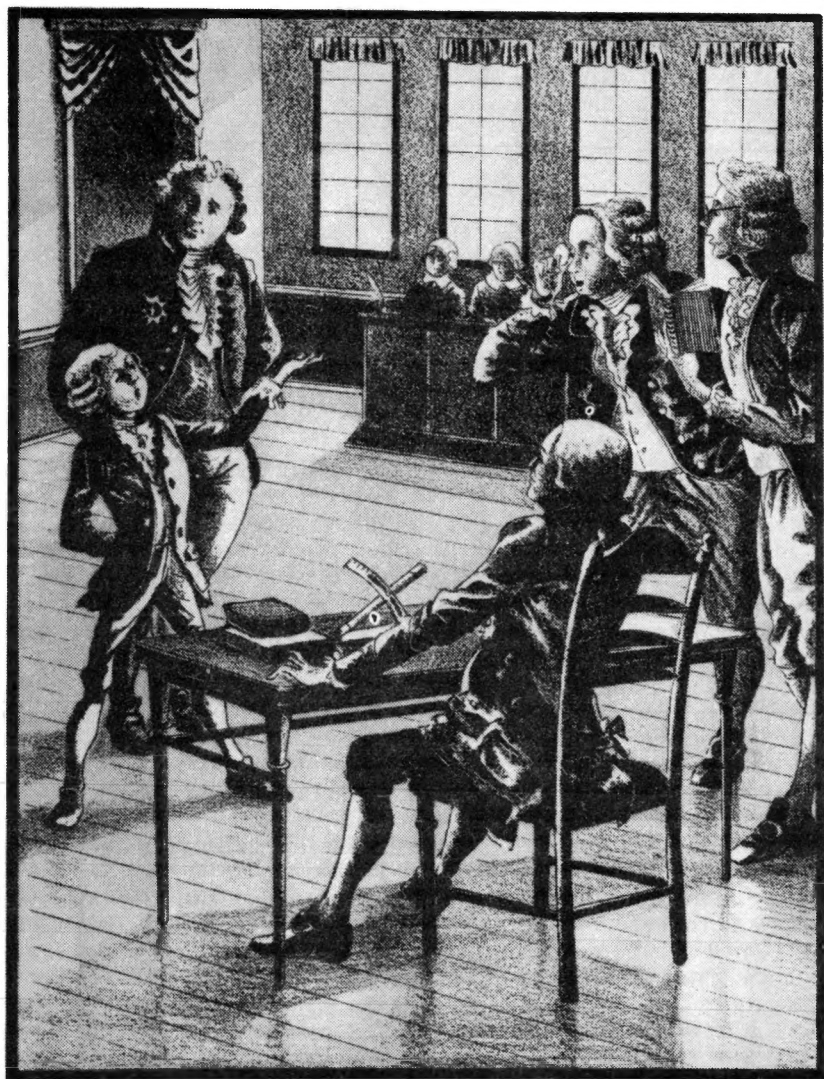
Литографии, рисующие Алешу на экзамене, напоминают чтение юного Пушкина на экзаменах в Лицее. Изумляешься

Рисунки к сказке А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители»

трудолюбию художника и тому, как верно он обозначил свой метод работы: рассматривая иллюстрации, вместе с ним прочитываешь сказку, не замечая того, что вожаемым является художник. Это высшее достижение искусства, когда читатель или зритель не замечают, сколько труда вложено творцом в произведение, когда создается впечатление, что все родилось радостно и мгновенно. Все, на что хотел художник обратить наше внимание, остается в памяти. Вот комната пансиона, где заперт отчаявшийся, плачущий Алеша, потерявший конопляное зернышко. Вот экзекуция, зрелище уже непредставимое, но художник смело воскрешает эту бытовую картину прошлого. Зачарованный мир сказки оживает в иллюстрациях Юдина, и отныне, перечитывая сказку Погорельского, видишь ее глазами художника.

Перед нами еще одна творческая ипостась художника — он предстает как иллюстратор русской классики. Впрочем, художник резко протестует против слова иллюстратор. Нет, он не иллюстрирует, а ставит свой спектакль по мотивам русской классики. Юдин так раскрывает свой подход: «Прежде чем начать работу над книгой, я стремлюсь выработать четкую концепцию. Что это будет? Рисунки ли художника — стороннего наблюдателя? А может быть автора? Или главного героя? Все мои книги — это приглашение к игре. Я предлагаю правила, а читатель не столько пассивно разглядывает, сколько соучаствует».

Лесков — один из его любимых писателей. Здесь, как и в «Букваренке», Юдин — разрушитель привычного. Вновь мы сталкиваемся с прошлым, которое неожиданно прорывается в его видении Лескова. Юдин, прочитывая рассказ или повесть, выкристаллизовывает кульминационный элемент и запечатлевает его несколько раз. Этот прием художник обосновывает так: «Внешние, возрастные перемены не так существенны для понимания человека, как его постоянно меняющийся, усложняющийся внутренний мир».

Перед нами «Леди Макбет Мценского уезда». В этой повести Лескова художника волновала прежде всего проблема зла. Как в одном человеке могут ужиться два таких противоположных чувства, как любовь и ненависть? Может ли человек во имя любви совершить зло? Мучается ли Катерина так, как страдала Анна Каренина? В левом верхнем углу — ангел зла, пикирующий словно хищная птица на свою жертву. Справа, сверху — Катерина, подсвечником убивающая мужа. Внизу — она же, летящая в бездну с запрокинутыми руками. Но взоры приковывает центр — он, как сцена из греческих трагедий, обрамлен пышным, подобранным занавесом. Внизу, под ним, на ложе — распростертая, обнаженная Катерина, напоминающая пышных красавиц Тициана или Рубенса, страстно влекущая в объятия Сергея в кумачовой рубахе. Воздух над ними насыщен чернотой. Листу предпослан эпиграф — «Первую песенку, зардевшись, спеть», т. е. лиха беда начало. Художник считает, что Катерину ничто не могло бы остановить. Поэтому слева от центрального рисунка оставлено пустое поле — для будущих злодеяний.

Трудно назвать эту работу иллюстрацией. Это глубинное прочтение повести Лескова. Трудно представить работу Юдина в книге Лескова, которого, как мы знаем, иллюстрировало немало художников. Среди них и Добужинский, и Микешин, и Кукрыниксы, и Глазунов, и Ст. Косенков, и Арк. Тюрин, изумительно оформивший «Левшу».

Дивисьись жизнелюбию и силе «Очарованного странника». Таким предстает Иван Северьянович Флягин — черноземный Телемак (как первоначально назвал Лесков повесть) — в прочтении Юдина. Художник видит в нем средоточие всех русских характеров, оттого на листе квинтэссенция рассказа: «Русский человек со всем справится». В центре, в сфере, как по земному шару, вышагивает босой Флягин, закинув за плечи котомку. За спиной солнце и падающие звезды — он смотрит вперед без страха и семимильными шагами меряет землю.

На листе еще один эпиграф: «Чести моей никому не отдам». На листе изображены жеребенок и старый конь, но еще крепко стоящий на ногах, пьющий студеную воду. Все они для Юдина —

символ свободы. Поэтому дано ощущение космического простора за спиной вышагивающего среди трав Ивана.

В правом верхнем углу — всадник, настаевающий скакуна, уносящего его к свободе. В левом углу — ангел, благословляющий широкую поступь Телемака. Эта работа экспонировалась в 1981 году на выставке «40 лет эстампа» в Москве.

Следующая работа Георгия Юдина — режиссерское прочтение «Запечатленного ангела». Вызвавший в свое время ожесточенную полемику между Лесковым и Достоевским, он привлек особое внимание Г. Юдина. Перед нами величественный триптих. Казалось бы, единый сюжет объединяет все три работы. Художник «поймал» момент, когда ангел покидает икону, оставляя позади пустое, белое пространство. Одна и та же композиция, меняясь в цвете, приобретает совершенно новый смысл. Так меняется пейзаж в различное время суток, находясь в зависимости от освещения, погоды. Меняется и наше эмоциональное восприятие этого пейзажа. Первая работа выполнена с преобладанием радостных тонов — это, по замыслу художника, рассказ о сущности иконы. Преобладают красный и золотой цвета. В левом верхнем углу явственно различимы печати, на которых четко, по-чиновничьи: «Подлежит изъятию». Внизу — взметнувшаяся в изумлении и горе фигура Луки, а рядом склоненная фигура Михайлицы, к ногам которой падает объятый пламенем ангел.

Вторая работа выполнена с преобладанием черного с охрой — это центр рассказа, кульминация, трагедия. И наконец, финал — светло-серый, с зеленью и белизной — освобождение, распечатленные ангела. Художник говорит о своем замысле: «Помимо цветовых изменений, в этих трех листах я „очищал“ композицию от общих деталей, которые перегружали ее бытовизмами. Последняя, в конце концов очищенная, светлая, стала одухотворенным носителем идеи рассказа, а не графическим его сюжетом. Конфликт грубой действительности и беззащитного духа — вот, на мой взгляд, смысл рассказа».

Можно спорить о правомерности такого подхода к творчеству Лескова, но равнодушием остаться невозможно. Стойкость и терпение деда Марья, Луки Кириллова, их мужество; творческая мощь изографа Севастьяна, его нежелание разминивать свое дарование на мелочи — все это настолько живо и актуально, что невозможно пройти мимо этих проблем, поднятых Лесковым и заново прочитанных Юдиным.

В этой статье я не касаюсь прочтения художником «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Его работы, навеянные романом, чрезмерно перегружены трагизмом, который, думаю, не свойствен М. Булгакову. Мягкий свет, разлитый в последнем творении Мастера, не запечатлен художником. Прорыв демонизма,

обострение конфликтов, так иронически разрешенных Булгаковым,— вот отличительные черты работ Юдина к «Мастеру и Маргарите».

Хотелось бы отметить неисчерпаемое жизнелюбие художника. Припадая к русской классике, он сознает свою причастность к великой российской культуре. Талант его развивается и крепнет. Художник творчески реализует те дары, которыми он так щедро наделен. Вскоре выйдут книги С. Михалкова «Праздник непослушания», «Бумажные книги Лали» Ф. Кнорре, «Чаромора» Айно Первик, оформленные художником. Читателей ожидают новые, интересные встречи с его творчеством.

Максим Богданович

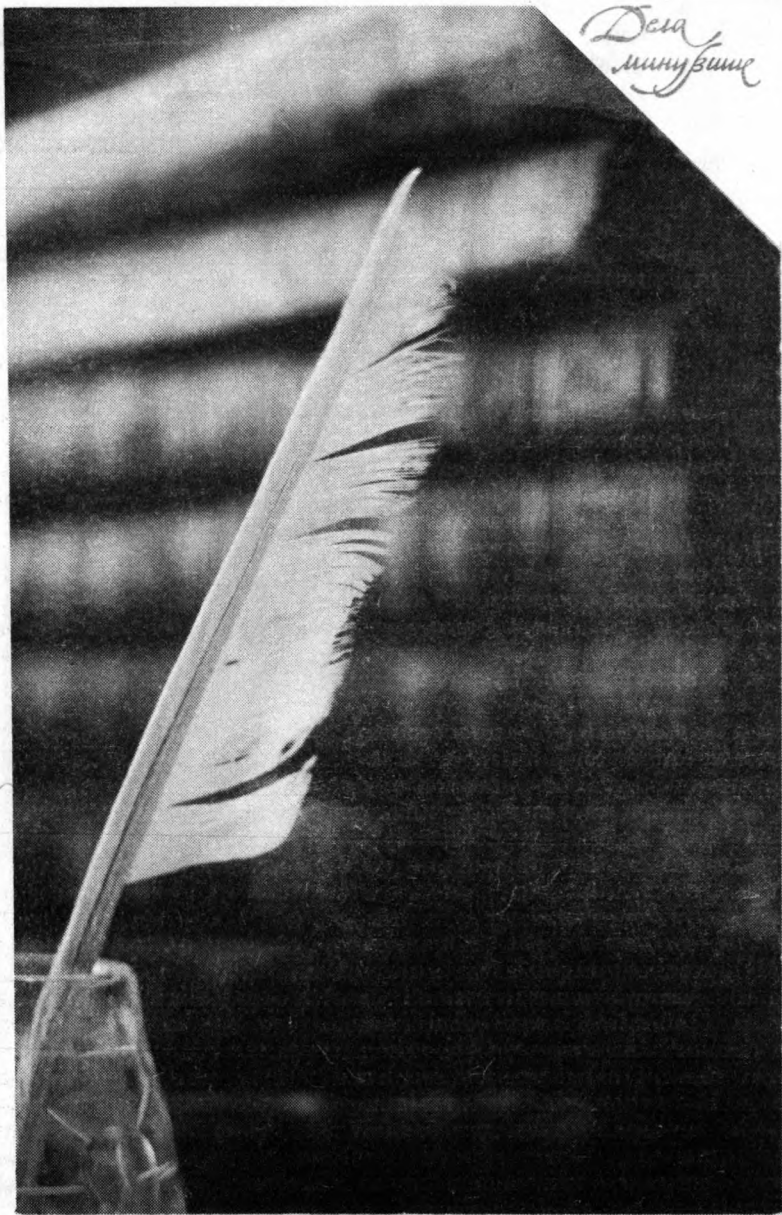
ПЕРЕПИСЧИК

На девственном листе, под узеньким окном,
Неспешно букочки выводит он пером
И между ярко-черными рядами
Вставляет красную строку; веселыми цветами
И разноцветными головками зверей
И птиц невиданных,— фантазии своей
Искусной вязью,— вдоволь есть сноровки—
Украсит он заставки и концовки
И заголовки все,— ведь некуда спешить!
Порою труд прервет, чтоб лучше заострить
Перо гусиное, и глянет: радость-солнце
Столпами падает на стол через оконце;
И чудится: в них вовсе не остыл
Чуть синеватый дым невиданных кадил.
Рой тучек в небе; плавными кругами
Летают ласточки над хлебными полями,
Шумящими вдали; а здесь, возле окна,
Малиновка поет и плещется волна.

Склонившись над листом, заставки вновь выводит
Он тусклым серебром; неслышно день проходит,
Уж скоро будет ночь и первая звезда
Благословит конец успешного труда.

Перевод с белорусского А. Лашина

Дела
минувшие

Кто-то неведомый нам, иногда говорящий языком непонятым, отдаленный от нас на тысячи верст, начертал на бумаге различные соединения трех десятков знаков, именуемых буквами, литерами, и, глядя на них, мы, чуждые и далекие создателю книги, таинственно постигаем смысл всех слов, идей, чувств, образов...

А. М. ГОРЬКИЙ

Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те ступки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги.

П. Н. БЕРКОВ

Светлана Кирильчук

МУЗЕЙ В ОСТРОГЕ

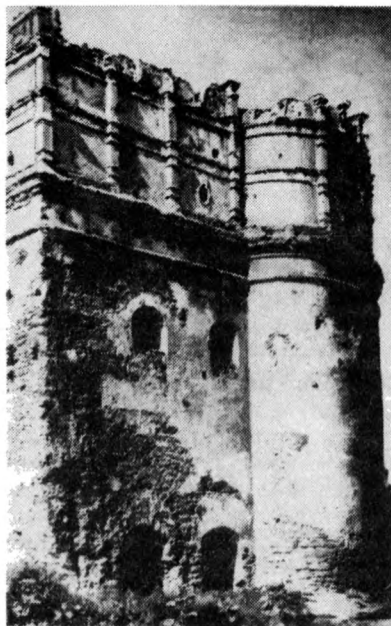
В городе Остроге, на Ровенщине, где первопечатник Иван Федоров издал шесть из двенадцати книг, создается Музей истории книги и книгопечатания.

В истории каждого народа есть страницы и имена, о которых нельзя говорить без душевного волнения, и среди них — имя Ивана Федорова, человека, давшего новую жизнь величайшему творению ума и рук человеческих — книге. Его издания, начиная с первого же — Апостола 1564 года, сразу обрели полнокровную жизнь, отразили в себе человеческие страсти, политическую борьбу того времени. Подобно Прометею, он жестоко поплатился за свет, который нес людям. Ему ведомы были и вечная разлука с родиной, и нищета, и голод, и мелкие интриги врагов и завистников. Он покидал Москву, когда четко определилась его жизненная позиция, и уже тогда знал, что всю свою жизнь посвятит любимому делу.

Посол или беглец? Как страстно ищут ответ на этот вопрос современные ученые. Он был послом, но не могущественного царя Иоанна Грозного, а послом великого русского народа, который через своего славного сына делился богатствами духовными с белорусским и украинским народами. Продолжая дело своего предшественника — Франциска Скорины, Федоров в Заблудове печатает две книги — Евангелие учительное (1569) и Псалтырь с Часословцем (1570), которые сыграли большую роль в борьбе белорусского народа за утверждение национальной культуры.

Но в Заблудове он познал не только радость творчества.

Здесь ждали его новые горькие разочарования: уехал к Мамоничам в Вильно его друг Петр Мстиславец, с которым он печатал свои первые книги; гетман Г. И. Хоткевич, покровительствовавший первопечатнику, заболел и отошел от своих просветительских начинаний. Дав друкарю надел земли, он повелел ему ее возделывать. Но не в этом видел свое призвание великий

Здание крепости в городе Остроге

книгопечатник: «...не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время моей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассеять семена духовные по вселенной...»

В энциклопедическом словаре по книговедению очень скупо говорится о дальнейшем развитии событий: из Заблудова Федоров переехал во Львов, где в 1573 году основал первую на Украине типографию. 25 апреля 1573—15 февраля 1574 года здесь было напечатано новое издание Апостола.

Украина стала ему вторым домом: здесь осуществилась его мечта о собственной мастерской, здесь он напечатал восемь своих работ и среди них самую знаменитую—Острожскую библию, здесь увидел он, как крепнет талант его учеников—сына Ивана, переплетных дел мастера, и белорусского юноши Гриня Ивановича, автора всех острожских шрифтов. Но и тут он был неугоден власть имущим: они отказали ему в денежной помощи для организации мастерской. Горячих сторонников книгопечатания и своих единомышленников нашел он в среде простых горожан и ремесленников. О них и думал Федоров, печатая во Львове

«Азбуку» (1574)—первый печатный русский учебник, который не только помог львовским горожанам открыть украинскую школу высшего типа, но и способствовал развитию просвещения во всех славяноязычных странах.

Все чаще и чаще не хватало денег, приходилось обращаться к ростовщикам. В это время Иван Федоров получает приглашение князя Константина Константиновича Острожского, крупнейшего украинского магната, державшего в своем владении треть всей Вольны и имевшего годовой доход более миллиона злотых, «устроить дом на дело книг печатных». И все же приезд Ивана Федорова в Острог нельзя объяснить только нехваткой денег и приглашением князя. К этому времени Острог, лежащий на бойких торговых путях, входил в пятерку самых крупных городов Украины. Но не только этим славен был город. Сурово смотрели бойницы башни Мурованной и башни Круглой—удивительных образцов оборонительной архитектуры XIV—XVI веков. Здесь же, на Замковой горке, стремительно рвались ввысь купола Богоявленского собора, а немного ниже, на пригорке и в центре города, поднимались купола еще шести церквей. Настоящими «вольнскими Афинами» называли город восхищенные современники. Князь Острожский, оставаясь жесточайшим крепостником, проводил гибкую политику. Ко времени приезда Ивана Федорова в Острог в городе действовала первая украинская школа высшего типа—так называемый «триязычный коллегиум», или, как ее называли современники, академия, значение которой трудно переоценить в истории культуры нашей Родины. О деятельности академии упоминает и сам Федоров в предисловии к первому своему острожскому изданию—«Букварю» 1578 года, указывая, что князь Константин Острожский «детям к научению в своем отчизном и славном граде Острозе... собравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языке и латынском, паче же в руськом».

В «коллегиуме» давали основы начального образования, ведь именно для этого был издан «Букварь» Иваном Федоровым. Но в Острог прибывали юноши для «совершеннейших наук». Поэтому в академии преподавали греческий и латинский языки, а также «вольные науки»—грамматику, риторику, диалектику, логику, арифметику, музыку, астрономию.

В литературно-научный кружок академии входили выдающиеся писатели и деятели русской, украинской и белорусской культуры: писатель-полемист Герасим Смотрицкий, известный переводчик Иов Княгининский, белорусский поэт Андрей Рымша, брат известного предводителя крестьянско-казацкого восстания на Украине Северина Наливайко Дамиан, писатель-полемист Василий Суражский, греческие ученые Кирилл Лука-

рис и Никифор Кантакузин, польский профессор математики и медицины Ян Лятос.

В литературно-научный кружок академии вошел и Иван Федоров. Острожскому периоду суждено было стать самым плодотворным в деятельности первопечатника: шесть его книг увидело свет в Остроге. Среди них — «Книга Нового завета с Псалтырью» (1580), «Хронология» Андрея Рымши (1581), Острожская библия (1581), книга, по праву ставшая шедевром полиграфического мастерства.

Говоря об острожских изданиях Ивана Федорова, мы очень часто употребляем слова: первый, первая, первое. Действительно, первым «овощем дома печатного» в Остроге стал «Букварь», на ряде страниц которого был впервые напечатан философский трактат болгарского монаха Ч. Храбра «О письменах», поведавший о деятельности Кирилла и Мефодия, о первых шагах развития славянской письменности. В Остроге было напечатано и первое своеобразное собрание афоризмов и крылатых выражений — «Книжка собрания вещей нужнейших» Т. Михайловича, одно из первых авторских печатных изданий. «Хронология» была первым печатным календарем в стихах. Продолжила эту необычную традицию и Острожская библия. При ее напечатании впервые в истории полиграфии было использовано шесть видов типографских шрифтов и не сделано ни единой ошибки или опечатки, хотя книга имеет 1256 страниц.

Острожская библия стала не только самой большой и самой известной, но и самой последней работой Ивана Федорова. После его отъезда во Львов мастерская в Остроге действовала по 1612 год. В документах этого периода упоминаются имена трех мастеров: Ивана, Федора и Тишка.

Первым, кто возродил печатное дело в Остроге в XIX веке, был Е. С. Крымский, отец известного академика-востоковеда А. Е. Крымского. Он открыл типографию, книжную лавку и первую на территории края публичную библиотеку. Позже, в 1870 году, ставился вопрос и об открытии памятника первопечатнику Ивану Федорову. Вопрос так и не решили, как не решили в 1909—1912 годах вопрос о создании музея, который рассказывал бы о древностях Острога и деятельности первопечатника. Тем не менее была проделана огромная работа по выявлению и сбору старопечатных книг. Большая заслуга в этом принадлежала первому директору исторического музея в Остроге И. В. Новицкому. Именно тогда, в 1916 году, в музей попала часть книг Острожской академии.

Ныне решено создать в Остроге Музей истории книги и книгопечатания, который вошел бы в состав Государственного историко-культурного заповедника, созданного в городе и районе.

Основу книжного собрания музея составит коллекция из более чем 300 старопечатных и рукописных книг. И первое место среди них по праву займет Острожская библия Ивана Федорова.

Создание такого музея — дело, как оказалось, сложное, но интересное. Ведь на долю музейных работников выпадала задача показать историю книг, созданных мастерами прошлого, вернуть радость общения с ними нынешним и будущим поколениям, раскрыть судьбы людей, работавших с книгой. В экспозиции найдет свое отражение рукописная книга и деятельность Ивана Федорова, развитие книгопечатания в XVI—XVIII веках и искусство оформления книги, подпольная большевистская пресса и печатное слово в годы Великой Отечественной войны, пропаганда и популяризация книги на современном этапе. Наряду с уникальными оригинальными экспонатами в музее будут использованы художественные муляжи и голографические изображения книг. Сейчас закончен проект архитектурно-художественного оформления, ведется значительная поисковая и собирательская работа, коллекция книг продолжает пополняться при помощи книголюбов.

Трудно представить жизнь современного человека без книги. Книжные ручки, у истоков которых стоял великий первопечатник, превратились в настоящее море, и мы гордимся тем, что наша страна — самая читающая в мире. Для того чтобы Музей истории книги открыл свои двери, нужны усилия не только музейных работников, а всех, кто любит и ценит книгу...

«Альманах библиофила» обращается к владельцам рукописных и старопечатных книг и других документов, связанных с историей книги, оказывать содействие в создании Музея истории книги и книгопечатания в Остроге. Мы будем сообщать об энтузиастах книги, о новых поступлениях в музей, о том, как идут реставрационные работы и, конечно же, расскажем об открытии музея.

Григорий Зленко

АЛЬМАНАХ ИЗ НЕВОЛИ

История этого альманаха окутана густой дымкой таинственности. Материалы для него собирали на Украине; рукопись составляли в Вологде; книгу печатали в Петербурге. Как только сборник стал расходиться среди ссыльных революционеров северного края, издание было запрещено, изъято и уничтожено. До наших дней дошли считанные экземпляры, хранящиеся в отделах редкой книги крупнейших библиотек страны¹.

Инициатором создания и выпуска альманаха «З неволі» был неизвестный нам украинский революционный деятель, попавший в вологодскую ссылку после поражения революции 1905 года. Вологда и раньше являлась местом, где отбывали наказание политические противники царизма. Особенно же участились случаи ссылки туда в конце прошлого — начале нынешнего века.

«В Вологде я должен был найти немало старых друзей, с которыми и повидался в первый же день...—вспоминал Анатолий Васильевич Луначарский, отбывавший там ссылку.—Колония вообще была очень многочисленной и жила интенсивной общественной и умственной жизнью».

В период реакции в Вологде сосредоточилось до трех с половиной тысяч борцов с самодержавием, в том числе и из Украины.

Духовно ссыльные держались очень высоко, но материально им жилось крайне трудно. Корреспондент выходившего в Полтаве журнала «Рідний край», который редактировала мать выдающейся поэтессы и общественной деятельницы Леси Украинки — писательница Олена Пчилка (Ольга Петровна Косач), осенью 1906 года с глубокой душевной болью рассказывал:

«После Манифеста 17 октября 1905 года... много народа оставило вологодский край в надежде на вольную жизнь, новую работу в пользу „меньшего брата“. Однако недолго этот край оставался без ссыльных. Уже в феврале нынешнего года начали поступать они из разных концов... Немало тут земляков из

Украины. Главным образом из губерний Полтавской, Харьковской, Черниговской и Киевской... В основном — крестьяне. Есть учителя, фельдшера и прочие. Денежные обстоятельства большинства ссыльных очень тяжелые. Летом еще сюда-туда. А как нагрянет зима... — вот несчастье из несчастий! Сверх беды всяческой для тех, кто, кроме казенных семи с полтиной рублей, малейшей другой помощи не получает. О какой одежке может идти речь! Прохарчиться не на что...»

Дальше корреспондент, укравшийся под псевдонимом «Українець», писал о создании комитета помощи ссыльным, о фактическом бездействии его, так как в кассе ломаного гроша не было. Заканчивал он следующим сообщением: «...среди украинских ссыльных родилась мысль, и они вынесли по сему поводу постановление: издать в Вологде сплошь украинский литературно-научный сборник и вырученные от продажи его деньги использовать в поддержку своего брата — ссыльного. Мы надеемся, что писатели Украины ...искренне откликнутся на это решение».

Заметку заключало редакционное примечание:

«Если кто-либо из литераторов пожелает представить свои материалы для опубликования в сборнике, „Рідний край“ охотно передаст их в издательский комитет. Рукописи также можно направлять по адресу: „Вологда. Харламов“»².

Призыв содействовать улучшению материального положения ссыльных был дружно услышан лучшей частью литературной общественности Украины. Уже в феврале следующего, 1907 года Михаил Коцюбинский сообщал видному этнографу Владимиру Гнатиюку:

«Сейчас пишу рассказ для сборника, который предполагают издать укр<аинские> ссыльные в Вологде в свою пользу. Обещал и должен послать им, хотя не очень верится, что сборник выйдет в свет».

Работал Коцюбинский с полной отдачей душевных и физических сил. Выбор темы подсказало знакомство с произведениями М. Горького, А. Серафимовича, В. Короленко, ряда других прогрессивных литераторов последнего времени. Произведение заняло в альманахе одно из главенствующих мест, выделилось острым идейным содержанием, воплощенным в совершенной литературной форме. Недаром рецензент книги — писатель Гнат Хоткевич — отмечал: «Лучшее, что есть в сборнике, — это „Persona grata“ Коцюбинского»³.

Особенно активно помогала формировать будущий альманах Леся Украинка. Измученная очередным приступом хронической болезни, которая не унималась даже в условиях благодатного климата Ялты, поэтесса в мае 1907 года извещала родных:

«Была занята весьма важным делом: переписала и послала в Вологду свое „На руїнах“... а вместе с тем и другие рукописи, подсобравшиеся у меня,—слава богу!—это заняло некоторое время...»

Предложенная ею к напечатанию в вологодском сборнике драматическая поэма представляла собой пламенный призыв к активному действию, резкое осуждение «позорного, постыдного безделья», которое, по мнению поэтессы, было особенно недопустимо в период первых—пусть и небольших—революционных достижений. Кто не теряет самообладания и стремления к действию, утверждает она, тот и в неволе не сдается на милость врага, кто не опускает рук, того нельзя назвать побежденным. Леся страстно зовет сосредоточить все силы для достижения лучшего будущего.

Выходивший еженедельно «Рідний край» на исходе января 1907 года сообщал, что украинскому литературному сборнику в Вологде предоставили свои произведения находившийся на лечении в Италии и вскоре скончавшийся там видный прозаик и поэт Борис Гринченко, молодой ученый-востоковед и поэт Агафангел Крымский, активная деятельница народного просвещения, популярная детская поэтесса Христина Алчевская. Авторами альманаха стали и уже обретшие литературные имена Олександр Олесь, Филип Капельгородский, Микола Чернявский, Надія Кибальчич, Олекса Коваленко, Одарка Романова-Ткаченко, Спиридон Черкасенко⁴. Существует мнение, что укрывшийся под криптонимом «П.М.» автор стихотворного обращения «До братів—засланців»—это не кто иной, как знаменитый Панас Мирный, автор широко читаемых и сегодня романов⁵. К профессиональным писателям присоединилась большая группа ссыльных, впервые испытывавших себя в литературном деле. Это придало книге особую целенаправленность и звучание. Во многих произведениях начинающих явственно попытка освоить тему труда, восславить рабочего человека. Всего в сборнике выступили двадцать девять человек, включено было девяносто произведений: семьдесят шесть—поэтических, тринадцать—прозаических и одно—драматическое. Примечательно, что специально для альманаха были выполнены переводы стихотворного послания «В Сибирь» А. С. Пушкина и «Песни о Соколе» А. М. Горького⁶.

Печатался альманах в петербургской типографии Клобукова, на Лиговской, 34. Сочувствуя положению политических заключенных, типографские рабочие изготовили крупнообъемный (в двести тридцать страниц большого формата) сборник буквально в считанные дни. «Рідний край» в одном из мартовских номеров за 1907 год, то есть спустя пять недель после информации о составе

альманаха, уже писал не только о выходе книги, но и о ее конфискации. «Причиной конфискации,— указывал подцензурный журнал,— были некоторые острые стихи»⁷. Более конкретно писал об этом уже упоминавшийся Гнат Хоткевич, чья рецензия была опубликована в львовском издании:

«Сборник „З неволі“ скорее заслуживает названия „Терновый вінок“. Видишь серые пятна тюремной сырости, слышишь тоску по свободе. Вообще, как ни странно, но в неволе всегда пробуждается некая потребность излить душу в песне (вспомним шлиссельбуржцев и вообще всю историю революции)— и какой же глубокий характер обретают эти песни... Вот где поэзия и ее содержание! Она — товарищ глубоких переживаний, и тот, кто переживает, тот становится поэтом»⁸.

Цензор, читавший альманах с чрезмерным тщанием и рвением, нашел революционные мотивы даже в таком, казалось бы, вполне камерном и невинном стихотворении, как «В небі хмарки...» А. Крымского. Отдельные строчки он густо подчеркнул красным карандашом, считая, что они являются завуалированным воспеванием народного восстания⁹.

Конечно же, далеко не все произведения в сборнике были высокохудожественны. Отдельные стихи настолько примитивны, что будь у книги хороший редактор, он, вне сомнения, не стал бы печатать их. Отсутствие настоящей, доброжелательной, но вместе с тем и требовательной редактуры чувствуется и в разделе прозы. Гнат Хоткевич, в частности, отмечал:

«В первую голову следовало снять большой и со всех сторон плохой автобиографический рассказ Кащенко „Зоряно“... но стоит вспомнить условия, в которых работали редакторы... они целиком отличались от редакторства „на свободе“»¹⁰.

Сегодняшнее литературоведение, оценивая появление вологодского альманаха, так сказать, с исторической дистанции, видит в нем и сильные, и слабые места. Но оно вместе с тем подчеркивает его политическую тенденцию, непосредственное практическое значение для дела пролетарской борьбы.

«Среди альманахов, изданных после революции 1905—1907 гг.,— отмечено в „Історії української літератури“,— с точки зрения богатства, полноты и художественной ценности материала отличался „З неволі“... Единственный в своем роде... альманах имел яркое политическое направление...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор настоящей статьи пользовался экземпляром Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького, который перешел сюда в составе коллекции известного украинского библиографа М. Ф. Комарова.

² Рідний край, 1906, № 45, с. 15.

- ³ Хоткевич Г. Літературні враження.— Літературно-науковий вісник. Львів, 1909, № 2, с. 408.
- ⁴ Рідний край, 1907, № 4, с. 7.
- ⁵ См.: Дей О. І. Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI—XX ст.).— Київ, 1969, с. 294, 526.
- ⁶ Перевод стихотворения А. С. Пушкина «В Сибирь» выполнен поэтом Олексой Коваленко. «Песню о Соколе» А. М. Горького перевел некто К. Максименко. Кому принадлежит этот, по всей вероятности, псевдоним, установить, к сожалению, не удалось.
- ⁷ Рідний край, 1907, № 12. с. 13. На обложке альманаха «З неволі» ошибочно указан год издания 1908-й.
- ⁸ Хоткевич Г. Цит. статья.
- ⁹ Об этом автору статьи рассказывал сын библиографа М. Ф. Комарова— заслуженный деятель науки Таджикской ССР Б. М. Комаров.
- ¹⁰ Хоткевич Г. Цит. статья. Кстати сказать, произведения упомянутого А. Кащенко (1858—1921) никогда не отличались высокой художественностью.

Елена Огнёва

А. КИППЕНБЕРГ — ИЗДАТЕЛЬ Р. М. РИЛЬКЕ

Райнер Мария Рильке — один из крупнейших поэтов XX века. Он родился и вырос в Праге, долго жил в Париже, много путешествовал и окончил свои дни во французской Швейцарии. Две поездки в Россию в 1899 и 1900 годах сделали его страстным поклонником русской жизни и культуры. В этом увлечении была, несомненно, доля идеализации. Независимо от этого его поразила открытость русских, способность к общению. Молодой поэт впервые ощутил в России общность людей, в которую он мог свободно войти. И это ощущение стало одним из важнейших переживаний его жизни.

Рильке изучил русский язык настолько хорошо, что переводил с русского на немецкий. Особенно хорош его перевод стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Большую ценность представляет также рильковский перевод «Слова о полку Игореве» со старославянского. Несколько стихотворений он написал по-русски.

Побывал Рильке у Льва Толстого, дружил с художниками Александром Бенуа и Леонидом Пастернаком, гостил у поэта Спиридона Дрожжина. Он много сделал для ознакомления Европы с русской культурой. В Париже дружил с русским режиссером Жоржем Питовым. Переписка его с русскими друзьями весьма значительна. Несмотря на это, в дореволюционной России Рильке знали плохо даже поэты¹. Исключение составляют Борис Пастернак и Марина Цветаева, рано ознакомившиеся со стихами Рильке в подлиннике. Пастернак, как известно, считал, что Рильке оказал решающее влияние на его становление как поэта. Настоящее «открытие Рильке» для русского читателя падает на 60—70-е годы. За это время вышло пять книжек стихов, прозы и писем Рильке, в том числе два комментированных издания². Среди переводчиков такие имена, как Марина Цветаева, Борис Пастернак, Константин Богатырев...

О той стороне жизни Рильке, которую можно назвать «издательской биографией», специальных работ на русском языке нет. Мы попытаемся отчасти заполнить этот пробел.

Отношения, сложившиеся между Рильке и его издателем, являют собою пример редкостного по своей гармоничности и плодотворности содружества. В течение двадцати лет Антон Киппенберг и его жена Катарина Киппенберг были близкими друзьями поэта. Рильке говорил своей дочери, что вряд ли еще где-нибудь существует такой автор и такой издатель, которые менее всего обсуждают размер гонорара!³

Заочное знакомство супругов Киппенберг с Рильке состоялось в апреле 1905 года, вскоре после того, как Киппенберг возглавил издательство «Insel». Рильке был тогда мало известен. Киппенберг прочел несколько его произведений. Это были: стихотворение «Три волхва», опубликованное в № 6 альманаха «Insel-Schiff» за 1900 год и интересно оформленное Фогелером, а также сборник рассказов «Geschichten von Lieben Gott» («Рассказы о Господе Боге») в двух вариантах. Остальные произведения Рильке были разбросаны по разным изданиям. Всего этого было, конечно, недостаточно, чтобы поверить в Рильке как в поэта. Но Киппенберги поверили и горячо откликнулись на письмо Рильке, предложившего им в 1905 году напечатать в «Инзеле» свою новую книгу. «Я имею в виду,— писал он,—большой законченный стихотворный цикл, в который входит все лучшее, что я создал за последние годы...» В ответ последовало: «Мы очень рады, что вы доверяете свое новое произведение нашему издательству...» «Das Stundenbuch» («Часослов») вышел в том же 1905 году, в оформлении Вальтера Тимана. Готический шрифт обложки и титула, стилизованная заставка — все в духе времени.

Сначала было выпущено 500 экземпляров «Часослова» готическим шрифтом на особой плотной бумаге. В 1907 году вышло общедоступное издание на обычной бумаге, большим тиражом. Впоследствии перепечатывались оба варианта.

С «Часословом» к Рильке пришла слава. Он писал по этому поводу Киппенбергу в феврале 1907 года: «Я не сомневаюсь в том, что только благодаря предусмотрительности и заботливости Вашего издательства „Часослов“, который отнюдь не был рассчитан на широкий круг читателей, получил такой ошеломляющий успех. Все, что может сделать издательство — а оно ведь очень много может! — Вы сделали для „Часослова“. Книга получила соответствующее ей оформление и попала именно в те руки, которые в ней нуждались. Поэтому мне хочется сейчас снова выразить Вам мою благодарность и уверить Вас в том, что моя связь с Вашим издательством вызывает во мне чувство прочной, искренней и сердечной признательности...»

Титульный лист первого издания
«Часослова»

Письма Рильке к А. и К. Киппенбергам занимают особое место в богатом эпистолярном наследии поэта. Многие письма поэта представляют собою законченные художественные произведения; именно поэтому он нередко подолгу задерживал ответы своим корреспондентам. Но с Киппенбергами переписка была регулярной. Это дает возможность проследить историю рильковских изданий с 1905 года. Выявляется здесь и эволюция взглядов Рильке на оформление книг, которому он придавал большое значение. Кроме того, письма поэта ясно говорят о том, что его отношения с издателем постепенно превращались из чисто деловых в дружеские. К официальному обращению «Глубокоуважаемый...» Рильке стал прибавлять «и дорогой» еще до личного знакомства. Когда поэт задумал новый сборник стихов, названия которому еще не дал, он послал Киппенбергу несколько стихотворений. «Я выбрал три стихотворения, — писал он, — не по их связи друг с другом, но лишь на пробу, чтобы обсудить с Вами состав и объем книги стихов. Если же Вы считаете, что для сборника надо подобрать другие стихи, я буду продумывать все это заново...»

Это были стихи, вошедшие в сборник «Neue Gedichte» («Новые стихотворения»), а именно: «Карусель», «Ависага» и «Пантера». Летом 1907 года сборник был готов, и Рильке с Киппенбергом остановились на заглавии: «Новые стихотворения. Первая часть». Поэт уже чувствовал, что назревает потребность составить второй цикл или сборник. Обложка, формат, бумага, шрифт — все было предметом оживленного обсуждения. Рильке согласился с издателем, что формат должен быть немного больше, чем формат «Часослова». Ему хотелось, чтобы внешний вид книги был скромным, поэтому отказался на этот раз от художника. Год издания Рильке просил не ставить. «Новые стихотворения» с подзаголовком «Первая часть» вышли в конце 1907 года, а уже в 1908 году появился сборник под названием «Der neuen Gedichte anderer Teil» («Новых стихотворений вторая часть»).

Название сборника оказалось как нельзя более подходящим к его содержанию: это было нечто совершенно новое в поэзии Рильке. Здесь нет ни романтизма, ни «славословий» предыдущих стихов. Это — как бы объективированная лирика. Кажется, что поэт отошел на некоторое расстояние от собственных стихов и созерцает их со стороны. А каждое стихотворение, как статуя или картина, существует, живет своей жизнью.

В 1908 году Рильке писал Киппенбергу, что он уже отошел от своих ранних произведений на расстояние, достаточное для того, чтобы собрать их, пересмотреть и переиздать. Ему хотелось, чтобы такое переиздание состоялось под эгидой «Инзеля». Киппенберг начал собирать произведения Рильке, вышедшие ранее в других издательствах, и выкупать право переиздания.

В 1908—1910 годах Рильке не прекращал работу над стихами, хотя в то же время много и упорно работал над романом «Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge» («Заметки Мальте Лауридса Бригге»). Он переработал свои старые сборники и написал новый — «Requiem» («Реквием»), вышедший на особой бумаге, в количестве 500 экземпляров в 1909 году. Поэту доставило большое удовольствие оформление книги: Киппенберг и его жена, художница, к этому времени настолько прониклись вкусами своего любимого поэта, что могли угадывать его желания.

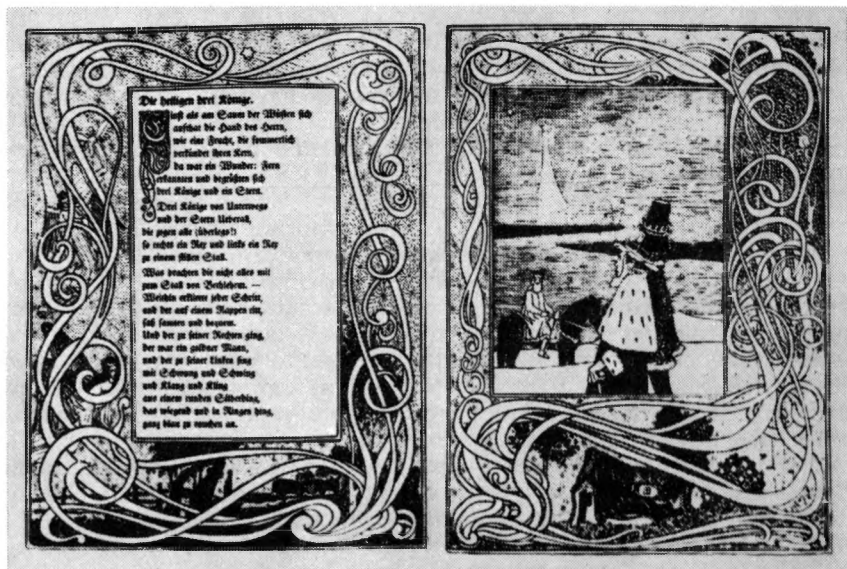
В Париже Рильке получил было возможность «для оседлой работы» над «заметками Мальте» в просторной светлой квартире, но ему пришлось недолго радоваться этому: нужда скоро заставила переехать в маленькую комнатушку. По словам его друга Беца, Рильке в ту пору часто недоедал. В конце 1909 года внезапная болезнь прервала работу над романом. Было трудно писать, и Рильке обратился к Киппенбергу с просьбой подыскать ему секретаршу. В ответ Киппенберги пригласили Рильке пожить

у них в Лейпциге и воспользоваться услугами их секретарши. Рильке отозвался восторженно: «Ваша дружба, мой дорогой Киппенберг,— это такое счастье!.. Вы так решительно взяли в свои руки мое неопределенное положение! И благодаря этому я узнал Вас с Вашей лучшей стороны...» Встреча состоялась в январе 1910 года в Лейпциге. Киппенберги предоставили поэту две удобные комнаты. Здесь Рильке и закончил «Заметки Мальте», вышедшие в том же 1910 году⁴. Он с благодарностью вспоминал приятные вечера в доме Киппенбергов с чтением стихов и обсуждением еще ненаписанных глав романа.

Рильке всегда сознавал свое творчество как призвание. А условием для его осуществления была возможность путешествовать, набираться новых впечатлений, а затем уединяться в каком-либо тихом уголке. Все это требовало расходов. И тот же Киппенберг в трудный для поэта момент придумал наилучший выход из затруднительного положения: в конце 1911 года он и еще трое друзей Рильке условились выплачивать поэту определенную сумму в течение ближайших трех лет. «Добрый мой друг,— писал Рильке по этому поводу Киппенбергу,— Вы снова сделали для меня нечто на грани возможного...» Действительно, поэт оказался обеспеченным как раз в годы творческого спада.

Совершенно неожиданно и для Рильке и для издателя гонорары поэта сильно возросли. В 1912 году Киппенберг задумал дешевую малую серию «Insel-Bucherei» («Книжечки Инзель») и первым номером в этой серии решил дать раннюю романтическую повесть Рильке «Die Weise von Liebe und Tod des Cornets Christoph Rilke» («Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке»). Успех «Корнета», прежние издания которого прошли незамеченными, был по тем временам необычный: тираж в 800 экземпляров разошелся в три месяца. Рильке не без юмора писал Киппенбергу, что он «сумел заставить скакать верхом этого доброго малого, который до сих пор слабо продвинулся на своем коне». Успех объясняется тем, что Киппенберг издал «Корнета» в дешевой серии, а предыдущие издания были недоступны широкому читателю.

«Книжечки Инзель» оказались весьма популярны. В них печатались стихи и проза разных авторов, а также альбомы по искусству. Своеобразие серии заключается в вариации шрифтов (то латинский, то готический), в разнообразии бумаги (то бюттер, то простая) и, наконец, в обложках работы К. Киппенберг. По пестроте корешков тоненькие книжки легко узнаются на полке. В той же серии Рильке издал новую книгу стихов — «Das Marien-Leben» («Жизнь Марии»), вышедшую из-под его пера в 1912 году, после двухлетнего перерыва. Общедоступный тираж и 200 экземпляров на особой бумаге вышли одновременно в 1913 году⁵.

Страницы альманаха «Инзель». Худ. Фогелер

Этот стихотворный цикл возник в замке Дуино, на берегу моря, одновременно с началом «Элегий», впоследствии получивших известность под названием «Дуинских». Это не было случайностью. Некоторые любимые рильковские мысли, встречающиеся в «Жизни Марии», нашлись более совершенное воплощение в «Элегиях»: это мысли о любви и смерти, о встречах и разлуках любящих. По форме «Жизнь Марии» стоит особняком в творчестве зрелого Рильке. Поэт шел здесь от народной струи в итальянской живописи. Местами автор как бы смотрит с улыбкой на вторжение «бытовизма» в условность картины.

В 1912 году начинается сравнительно спокойный парижский период жизни Рильке. Он собирает библиотеку, временами просит Кипшенберга прислать ту или иную книгу. Продолжая путешествовать, Рильке постоянно возвращается в Париж, где он приобрел много друзей, о чем и пишет часто Киппенбергу. В конце 1913 года в Париже состоялась встреча Киппенберга и Рильке с Верхарном, которого Рильке особенно любил. Дружба с Андре Жидом повлекла за собой перевод на немецкий язык повести «Блудный сын». В январе 1914 года Рильке написал Киппенбергу, что Андре Жид необычайно обрадовался этому

переводу, а также тому, что он будет печататься в издательстве «Insel». Книга увидела свет в том же году.

Война застала Рильке в гостях у Киппенбергов. Катарина Киппенберг вспоминает, как изменился в лице поэт, когда ее муж вбежал в комнату со словами: «В России мобилизация!»⁶

Россия воюет! Это казалось Рильке совершенно невероятным. Для него ведь Россия была страной Льва Толстого, страной древней, неумирающей красоты... Поэт переживал войну, как свое личное горе. Долгое время он не мог писать.

Рильке оказался отрезанным от своей парижской квартиры с библиотекой и рукописями. Все его имущество распродали с аукциона, только один ящик с рукописями был спасен: его купил Андре Жид. Почти все это время Рильке жил в Мюнхене. В январе 1915 года он гостил у Герты Кениг. В ее доме висели «Бродячие акробаты» Пикассо. Рильке почувствовал вновь, как некогда в Дуино, прилив вдохновения — появилась Пятая элегия, может быть, самая трагичная. В ней, как и в двух первых, речь идет о любящих. Но это — бедные акробаты. А порыв любви все-таки стремится ввысь:

...о, если б нашлось место в неведомом, где бы
 На ковре несказанном любящие показали б
 Что не давалось здесь им: ряд смелых
 Фигур, — высоких из сердца порывов, —
 Башни отрады своей и лестницы те, по которым
 Там, где земли уже нет, восходили б они, друг на друга
 Трепетно лишь опираясь, друг к другу
 Их прислонивши...

(Перевод Евгения Слуцкого)

В конце того же года Рильке пишет Четвертую элегию, оканчивающуюся обращением к той цельности бытия, которую ведают дети.

Призыв на военную службу и последовавшая затем болезнь привели к спаду творчества Рильке. В тяжелые военные годы поэт стал даже сомневаться, сможет ли когда-нибудь завершить цикл «Элегий», которым он придавал большое значение. Рильке отправляет Киппенбергу все написанные к тому времени «Элегии» — и законченные, и фрагменты, с просьбой сохранить их.

Завершение войны и революцию в Германии Рильке принял с радостью. «Для меня, — говорил он Катарине Киппенберг, — революция означает надежду на то, что человек обретет свои истинные права и возможность просто работать».

В 1919 году он прибегает к своему любимому средству «оживления» творческой энергии: отправляется в путешествие по Швейцарии, где на этот раз выступает с докладами и чтением стихов. Поэт пишет Киппенбергу, что не ожидал такого внимания слушателей. Особенно его удивило и обрадовало, что они

воспринимали с одинаковым интересом все, что он ни читал. А это были и стихи, которые сам поэт считал не легкими для понимания, и стихотворные переводы с итальянского и французского, и доклады о Сезанне. Катарина Киппенберг оставила довольно подробное описание манеры Рильке читать свои произведения. Поэт читал так, будто прислушивался к голосу, который диктовал ему стихи. Когда к Рильке обращались с просьбой разъяснить то или иное непонятное место в «Элегиях», он принимался медленно и вдумчиво читать их, вставляя лишь изредка поясняющие слова и пытаясь пополнить впечатление жестами. Ожидаемого «содержательного» комментария слушатели не получали, но зато они получали нечто большее: приобщение к внутреннему миру поэта.

После неудачной попытки обосноваться в Берге, где был написан цикл стихов «Из наследия графа К. В.», Рильке приехал в Мюзот — одиноко стоящий в горах заброшенный дом, построенный в XIII веке, вблизи деревушки Рарон, во французской Швейцарии. Этому средневековому замку с толстыми стенами и разросшимся садом суждено было стать местом, где Рильке завершил свой десятилетний труд над «Элегиями».

Отсюда Рильке сообщил Киппенбергу о своем намерении написать очерк о «Семейной хронике» Аксакова (этот замысел осуществлен не был). Портрет Аксакова всегда находился у поэта в кабинете. Рильке читает Поля Валери, переводит его замечательную поэму «Морское кладбище» (образец точного и художественно равнозначного подлиннику перевода).

В феврале 1922 года наступает долгожданный творческий подъем; он был столь необычен и по своим плодам, и по силе взлета вдохновения, что Рильке сообщает о нем, как бы задыхаясь от избытка чувств. Киппенбергу он написал сразу после окончания Девятой элегии, затем, через два дня, — обо всех десяти. «Они есть... старый маленький Мюзот... И разрушенное Дуино. Все это должно называться: „Duineser Elegien“ („Дуинские элегии“). Я думаю, к этому названию привыкнут. Ваше ко мне доверие, Ваше терпение в течение целых десяти лет, дорогой друг! И ведь Вы всегда верили мне! Благодарю!»

Рильке предложил Киппенбергу напечатать все «Элегии» отдельным изданием и добавил, что «в виде сюрприза» приготовил ему еще «Die Sonette an Orpheus» («Сонеты к Орфею»). Этот цикл, по словам Рильке, возник у него так же внезапно, как 10 лет назад, после первых двух «Элегий», — «Жизнь Марии». «Сонеты» тоже являются своеобразным дополнением к «Элегиям», хотя по форме их можно скорее противопоставить «Элегиям», чем сблизить с ними. В «Элегиях» — длинная строка, белый стих, или гекзаметр, в «Сонетах» же — псевдо-сонетная

форма сочетается с легким, певучим ритмом. Катарина Киппенберг сохранила нам историю создания «Сонетов». Поэт посвятил их памяти молодой русской девушки Веры Кнооп, рано умершей от белокровия. Вера Кнооп была музыкально одаренной девушкой. Музыкальность многих стихотворений этого сборника носит отпечаток ее личности.

Вот сонет, обращенный непосредственно к Вере Кнооп.

Почти дитя, из лиры вышла дева,
Из счастья и единства песнопенья.
И блеск через вуаль сиял весенний,
И слух мой ложем стал ее напева.

Во мне почил. И все было — сон:
Дерева, что меня столь чаровали,
Лужайки и волнующие дали,
И все, чем взор и слух мой изумлен.

Во сне творила мир. Поющий бог!
Как создал ты ее столь совершенной?
И ничего не надо ей, блаженной.
Восставши, спит.

Где смерти место? Как, скажи, найти
Мотив, откуда песнь себя не истожила?
Где канула она в мои глубины? Возникла из меня...
Дитя еще почти...

(Перевод Елены Огнёвой⁷)

В июле 1922 года супруги Киппенберг гостили у Рильке в Мюзоте. Катарина Киппенберг вспоминает, что в то лето, после завершения «Элегий» и «Сонетов», Рильке был особенно радостным, казался вполне здоровым... Ни ему, ни его друзьям не приходило в голову, что ему осталось всего несколько лет жизни... Сразу после этой встречи Киппенберг приступил к изданию «Дуинских элегий» и «Сонетов к Орфею». По желанию Рильке они вышли в 1923 году двумя отдельными книжками. Некоторые экземпляры были отпечатаны на японской бумаге. В последующих переизданиях формат был сохранен, но кожаный переплет заменен холщевым.

Еще до окончания «Элегий» и «Сонетов» Рильке приступил к переговорам с Киппенбергом о собрании сочинений в шести томах. Эти переговоры продолжались до последнего года жизни Рильке. Автор и издатель обсудили все подробности: и состав каждого тома, и бумагу, и шрифт, и формат. Рильке придавал большое значение тому, чтобы издание было изящным и удобным для чтения. Решено было, что первые три тома составят стихотворения. Но переговоры были прерваны внезапным приступом тяжелой болезни, заставившей Рильке зимой 1923—1924 годов отправиться в клинику. Тогда еще ни он, ни лечивший его

врач не знали, что это — белокровие, та же неизлечимая болезнь, от которой умерла юная Вера Кнооп. На этот раз Рильке оправился и вернулся в Мюзот. Последовала встреча с Полем Валери, переводы его стихов, и, наконец, новый взлет творчества: наряду с немецкими стихами Рильке создает, по его словам, неожиданно для самого себя, цикл французских стихов — «Vergers» («Сады»).

Весной 1924 года отмечалось пятидесятилетие А. Киппенберга. Рильке посвятил ему стихи и послал их с трогательным письмом: «Это стихотворение написано в дороге, для друга, так много лет сочувствовавшего мне на всех моих путях и перепутьях, в знак бесконечной преданности...»

Зимой 1925 года Рильке, наконец, осуществляет свое желание и едет в Париж, в котором не был с довоенных лет. Он пишет Киппенбергу, что даже изменившийся за годы войны Париж все остается Парижем Вийона, Жерара де Нерваля, Бодлера...

Новый приступ болезни задержал Рильке в Париже, он прожил там до августа. Встретил Рильке в Париже много старых друзей. Несмотря на усталость и приступы болезни (которую врачи принимали за грипп), Рильке в это время был полон творческой энергии. По его словам, уединение в Мюзоте и возвращение под голубые небеса Парижа — все это как бы заполнило бездну, которая разверзлась в его душе во время войны. И вот возникли стихи на французском языке. Центральной их частью он считал те, что были навеяны природой французской Швейцарии, где находился старинный Мюзот — «Валезанские четверостишия». Вокруг них стали постепенно группироваться все новые и новые стихи. Друзья уговаривали Рильке издать их вместе с переводом «Мальте» в парижском издательстве. По этому поводу возникла переписка с Киппенбергом. Она была первым (и последним!) облачком, слегка омрачившим их многолетнюю дружбу. Киппенберг не возражал против переговоров с французским издательством об издании перевода «Мальте», но на просьбу Рильке разрешить печатать новые стихи не в «Insel» ответил отказом.

Вернувшись в Мюзот, Рильке отправляет Киппенбергу письмо с извинениями. Решающим аргументом в пользу издания французских стихов во Франции оказался большой гонорар, который Рильке получил тут же. А деньги были ему тогда очень нужны, так как Рильке задумал спасти от разрушения маленькую старую часовенку — едва ли не такую же старую, как сам Мюзот, — находившуюся на территории замка. И любовь к старине, и мысль о местных бедных крестьянах, которые могли бы пользоваться часовней, — все это заставило Рильке взять на себя

заботу о сохранении часовни. Ждать выхода в свет следующих книг было некогда: крыша не выдержала бы зимы... Киппенберг ответил на это объяснение полушутя: «Отпускаю тебе грехи, сын мой, не грехи впредь...» Вероятно, он все-таки был задет, но... скоро стало не до обид.

Французские стихи под названием «Vergers» вышли в свет в 1926 году, когда Рильке был уже тяжело болен. Киппенберги все собирались к нему в гости, но конец 1926 года поэт провел в клинике, из которой ему уже не суждено было вернуться. Рильке умер 29 декабря 1926 года, после тяжелых страданий. Киппенберги попали на похороны, они были среди тех немногих друзей, которые несли гроб на ближайшее сельское кладбище.

Собрание сочинений в шести томах было так тщательно подготовлено, что «Insel» смог издать его уже в 1927 году⁸. В предисловии сказано, что Рильке готовил это издание, будто предчувствовал скорую смерть. Разумеется, это было не так. И уж никак не думал он, что «Сонеты», которые он написал как «надгробие» Вере Кнооп, окажутся его собственным надгробием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Блок услышал впервые о Рильке лишь в конце жизни. Рильке знал о современных ему русских символистах еще меньше, чем они о нем.
- ² Рильке Р. М. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971; Рильке Райнер Мария. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977.
- ³ См. предисловие Рут Зибер-Рильке к книге: Rilke R. M. Gesammelte Briefe in sechs Bänden. Leipzig, 1936, В. 6.
- ⁴ Русский перевод Е. Горбуновой «Заметок Мальте Лауридса Бригге» (М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1913) стал уже редкостью.
- ⁵ Русский перевод: Р. М. Рильке. Жизнь Марии. Перевод В. Маккавейского. Киев, 1914. Так же редко встречается.
- ⁶ См.: Kippenberg Katharina. Reiner Maria Rilke. Vierte Ausgabe. Zürich, 1948.
- ⁷ Мы даем это стихотворение (одно из наиболее труднопереводимых) в новом переводе для того, чтобы стала ясна высказанная выше мысль. Мы сознательно отошли от точной передачи рифмовки и числа строк во имя максимальной передачи смысла и поэтической атмосферы подлинника. Отступления от сонетной формы оправданы тем, что такие же отступления есть в других стихотворениях этого сборника в подлиннике. (Например, прибавление четвертой полустроки в конце 20 сонета из 1-й части и др.).
- ⁸ Архив Рильке находится в настоящее время во Франкфурте-на-Майне. Им владеет внук поэта Кристоф Зибер-Рильке.

Леонид Коча

ИЗДАНИЯ «ИСТОРИИ РОССИИ» С. М. СОЛОВЬЕВА

В письме к А. А. Краевскому от 12 июня 1851 года С. М. Соловьев писал: «Если можно, сделайте одолжение, объявите в июльской книжке „Отечественных записок“, что первый том „Истории России с древнейших времен“ соч. С. Соловьева выходит в непродолжительное время в печать»¹.

Осенью появился первый том; затем в каждом году выходило по тому — до самой смерти историка в 1879 году. Если не считать магистерской и докторской диссертации, напечатанных небольшими тиражами², это было первое крупное издание Соловьева, вышедшее значительным тиражом.

Книга вызвала большой интерес и через три года она вышла вновь³. При жизни Соловьева 1-й том выходил пять раз тиражом 1200 экземпляров и печатался в типографии Московского университета. С 8-го тома (1858) тираж был увеличен вдвое, а последний, 29-й том вышел в количестве 3 тысяч экземпляров.

Наряду с появлением новых томов шло переиздание ранее вышедших — 2-й том также выдержал пять изданий, 3-й и 4-й — по четыре, 8—10-е, 13-й и 14-й — три, 11-й и 12-й, 15—21-е — два, и только 22—28-е увидели свет при жизни автора один раз, а последний том вышел уже после его смерти⁴. При переиздании тираж всегда был 1200 экземпляров.

В основном «История России», как мы упомянули, печаталась в университетской типографии, но ряд томов был издан частными книготорговцами Москвы и Петербурга.

Первое издание 5-го тома (1855) и второе 2-го (1856) были осуществлены В. Готье⁵. Грачев издал впервые тома 12-й (1862), 14-й (1864), 15-й (1865) и переиздал тома 2-й, 3-й и 5-й (3-е изд., 1863). Глазунов издал 10-й том (1860), 11-й том (1861) и выпустил вторым изданием тома 7-й и 11-й (1860—1861).

Как складывались взаимоотношения историка со своими издателями — сказать трудно, так как дошедшие до нас материалы почти ничего об этом не говорят. В 1860 году Соловьев

мимоходом упомянул об этом в письме жене из Петербурга: «Десятый том и шестой (второе издание) запродад здешнему книгопродавцу Глазунову на тех же условиях»⁶.

Сохранившееся более позднее письмо И. И. Глазунова к Соловьеву, датируемое 2 июля 1867 года, позволяет немного проникнуть в сущность этих условий: «...6-й и 10-й тома Вашей большой истории у меня на исходе. Не позволите ли мне, Ваше превосходительство, вновь напечатать их в количестве 1200 экземпляров на тех же условиях, как это было прежде, т. е. по 75 коп. за том»⁷. Правда, по неизвестной нам причине на этот раз сделка с книгопродавцем с Садовой улицы не состоялась. Продажей книг Соловьева, вышедших в университетской типографии, занималась в основном жена — Поликсена Владимировна, что вообще характерно для XIX века (распродажей сочинений своих мужей занимались Софья Андреевна Толстая, Анна Григорьевна Достоевская, А. Л. Костомарова). Поликсена Владимировна вела учет проданных книг по месяцам, а если муж работал в петербургских архивах, то посылала сведения о торговле в столицу. Сыновья Всеволод и Владимир помогали матери. Торговля особой бойкостью не отличалась, да и сам ученый не обольщался на этот счет. За два года до смерти С. М. Соловьев так писал издателю М. М. Стасклевичу: «В России издавать в 5000 экземпляров можно „Анну Каренину“ или „Английского милорда“, а никак не ученую книгу. Вот доказательство: издаю каждый новый том „Истории России“ в 2400 экземпляров, который расходуется не ранее, как в семь лет. Вы скажете „История России“ по своей громадности должна идти медленно, но вот другой пример: в 1863 г. я издал „Историю падения Польши“ в количестве 1500 экз. и теперь еще у меня остается экземпляров полтора. Ученая книга, имеющая какие-нибудь достоинства, идет постоянно, но черепашим шагом... Предлагая Вам издать книгу, я не рассчитывал на ваш убыток, но не рассчитывал и на свои барыши...»⁸

Д. Л. Корсаков, впервые посетивший историка 12 апреля 1867 года, писал: «Кабинет Соловьева не заключал в себе никакого особого удобства. Даже шкафов с книгами не было. То была довольно большая комната с оштукатуренными стенами, выкрашенными клеевой краской... Налево у двери... у окон, перпендикулярно к ним помещался большой письменный стол. За ним у стены было наложено несколько тюков книг в зеленых бумажных обложках, перевязанных бечевками, — это были экземпляры разных томов „Истории России“»⁹.

В научном мире «История России» с выходом каждого нового тома завоевывала себе все больший авторитет. Поток недоброжелательных отзывов, которые, по мнению рецензентов, должны

были уничтожить творение Соловьева, истощался, а выход 25 тома в 1876 году отмечался историками всей России как торжество науки, как могучая поступь исторических знаний.

Но в широких кругах тем не менее на Соловьева смотрели как на «скучного» историка. Это мнение разделяли и многие выдающиеся современники, например Л. Н. Толстой («Соловьев недоразвит и скучен»), А. И. Герцен, Н. И. Костомаров. Последний хотя и ценил Соловьева, но жаловался, что «его совсем нельзя читать»¹⁰. Если верить Л. Ф. Пантелееву, то в 60-х годах «на толкучке сочинения Соловьева продавались по пониженной цене»¹¹. Сам автор «Истории России» неоднократно говорил, что если его история и расходится, то только благодаря росту числа учебных заведений и библиотек. Поэтому нас не должно удивлять большое количество экземпляров «Истории России», оставшихся после смерти Соловьева. По описи имущества на 15 октября 1879 года насчитывалось 13 483 книги на общую сумму около 27 тысяч рублей¹².

По разделу имущества сыновьям Всеволоду, Владимиру, Михаилу переходило право литературной собственности в течение первых десяти лет по смерти отца, «т. е. право изданий в свою исключительную пользу всех сочинений покойного, как напечатанных при жизни, так и оставшихся после него в рукописи». Сыновья становились также обладателями оставшихся непроданных экземпляров¹³.

После смерти С. М. Соловьева интерес к его произведениям возрос. Наследники решили издать некоторые сочинения, ранее напечатанные в журналах. Владимира Соловьева издательские дела тяготили. Он писал брату Михаилу: «Теперь о самом скучном: по поводу книжных дел для меня вполне ясно одно, что при теперешнем сбыте печатать новые издания по 1200 экз. не имеет никакого смысла; если прежде такое количество расходилось в 8—10 лет, то теперь оно будет расходиться в 30—40 лет, такие мифические сроки принимать в расчет—не расчет. По 600 экз. за глаза довольно на весь век»¹⁴.

14 мая 1893 года Соловьевы подписали с издательством «Общественная польза» договор о передаче права на издание «Истории России» в 29 томах в количестве 10 тысяч экземпляров за 24 тысячи рублей. Братья обязаны были выдать издательству три полных комплекта «Истории России». Издание в основном должно было разойтись по подписке (15 рублей, а после выхода всех томов цена возрасла до 24 рублей за комплект)¹⁵.

«Общественная польза» очень быстро выпустила два издания: первое в 1893—1895 годах, второе—в 1895—1896 годах.

Для сыновей Соловьева издание сочинений отца становится коммерческим делом. Материальное положение всех троих было

не всегда блестящим по разным причинам. Владимир Сергеевич, лишившись в начале 80-х годов кафедры, жил в основном литературными заработками и часто оставался без гроша в кармане.

Относился он к этому по-философски, но всегда был рад трети суммы, вырученной от продажи произведений отца. Старший сын Всеволод Сергеевич, хотя и получал большие гонорары за свои исторические романы, вел несколько беспорядочный образ жизни, неумелое руководство журналом «Север» часто приводило его финансы в кризисное положение. Он больше всех хлопотал об изданиях и о получении своей трети дохода. У младшего брата Михаила Сергеевича не очень удачно складывалась служба, поэтому «доход с книг,—как писал М. С. Соловьев,—как бы мал ни был, составляет тем не менее значительную часть моего бюджета...».

В феврале 1900 года братья в последний раз подписали с издательством договор об издании дополнительного тома под названием «Собрание сочинений Сергея Михайловича Соловьева», куда вошли работы, появившиеся ранее отдельными изданиями (например, «Александр I») и публиковавшиеся только в журналах. Часть статей вошла из издания 1882 года. Соловьевы продали «Общественной пользе» право на издание этих сочинений за 2400 рублей на 10 лет. Каждый том выходил тиражом 5 тысяч экземпляров и должен был стоить не дороже 4 рублей¹⁶. Книга появилась в 1901 году, без указания года.

«Историю России» продавали в Москве и в Петербурге со специальных складов, а также в конторе журнала «Север», пока его редактором был Всеволод Соловьев (до 1895 г.). Имеются отрывочные данные о продаже сочинений Соловьева в 80-е годы. В 1887 году в Петербурге было продано около 2 тысяч экземпляров всех томов «Истории России», в Москве в два раза меньше. Самой ходовой книгой историка была «Учебная книга русской истории» — если спрос на отдельные тома не превышал 50—80 экземпляров в год в столицах, то за это же время «Учебной книги» купили свыше 500 экземпляров. В 1898 году из томов «Общественной пользы» не было распродано еще 4 тысячи экземпляров.

После смерти Владимира Соловьева, который завещал свою часть Михаилу Сергеевичу, у последнего возникла мысль ликвидировать общее дело изданий и продажи сочинений отца.

17 октября 1901 года он писал Всеволоду: «...обращаюсь к тебе со следующим предложением: не согласишься ли ты уступить мне свою треть права на издание сочинений, имеющих в продаже, за 10 тыс. руб. или купить у меня мои две трети... за 20 тыс. рублей? Оценку я произвел на таких основаниях: можно

надеяться, что лет через 5—7 у нас купят „Историю России“ во второй, но уже в последний раз; дополнительный к нему том, только что проданный, оценивать не приходится, а в Москве у меня идут дела таким образом: „Курс новой истории“ я издал с большим для себя убытком, он не пошел совсем... остаются две книжки, приносящие доход — „Русские летописи“ и „Общественные чтения“¹⁷. Всеволод не согласился с предложением брата, а передал свои права А. И. Соловьевой — жене. Через год она обратилась к Михаилу Соловьеву с подобным предложением, но последняя справка о продаже «...возбудила,— писал М. С. Соловьев,— во мне подозрение, что еще очень не скоро (лет через 20) придется нам продавать вторично „Историю России“ „Общественной пользе“ и что, стало быть, более чем рискованно в настоящее время право на это сочинение в 24 тыс. оценивать, как я сделала это в своем предложении...»

В 1902 году умер М. С. Соловьев, через год Вс. С. Соловьев, и многотомное детище историка оказалось теперь в руках жены Всеволода Аделии Иосифовны и внука, которого звали, как и деда, — Сергей Михайлович.

Новые владельцы неоднократно предпринимали попытки переиздать «Историю». В 1904 году разговоры об этом оказались бесплодными. В 1907 году инициативу проявила А. И. Соловьева. Узнав, что на складе «Общественной пользы» осталось около 100 экземпляров, она предложила Товариществу переиздать сочинение на условиях 1893 года.

Последовал отказ, так как «Общественная польза» находила невыгодным прежние условия. Тогда А. И. Соловьева попыталась передать издание А. Суворину. Сначала все обещало успех, был даже назначен день подписания всех необходимых бумаг, но затем А. Суворин под разными предлогами начал уклоняться, а в начале 1908 года совсем отказался от предложения. Вероятно, шли какие-то закулисные переговоры Суворина с правлением «Общественной пользы», которое продолжало посылать Аделии Иосифовне письма такого содержания: «Настоящим имею честь обратиться к вам с просьбой уведомить нас, не найдете ли вы возможным вступить с нами в переговоры по поводу вновь явившейся у нас комбинации издания „Истории России“»¹⁸. Новые «комбинации» не устраивали владельцев, так что никакого соглашения с правлением подписано не было.

Через два года Соловьева опять начинает хлопотать об издании «Истории России». На этот раз инициатором выступил С. М. Соловьев, «...ибо,— как он писал,— очень нуждаюсь в деньгах и даже нахожусь в долгах». Необходимо найти новых издателей, нужно избавиться от «Общественной пользы». С. М. Соловьев пытался найти издателей в Москве, но здесь им

мог быть только Сытин. Надежды на последнего были довольно призрачны. С ним не удалось договориться. Продажа права на издания осложнялась обсуждением в Государственной думе законопроекта о 30-летнем сроке литературной собственности для наследников.

За дебатами с напряжением следили и обладатели литературных прав, и издатели. Поэтому письма С. М. Соловьева так и кричат — продать как можно быстрее, так как «каждый день промедления приносит убытки»¹⁹. В уме, подхлестываемом возможностью принятия «гибельного для нас закона», рождаются новые комбинации. «Не продать ли „Общественной пользе“ издание за 20 тыс. в рассрочку на 4 года, чтобы каждый год выплачивать по 5 тыс. рублей? а не согласиться ли на 12 тысяч и дело с концом?»²⁰

Дума не приняла «гибельного» закона и осенью 1910 года начинается новый тур переговоров с «Общественной пользой». В основном их ведет А. И. Соловьева. Наконец, удается подписать договор, вероятно, на прежних условиях.

В начале 1911 года в газетах появилось объявление: «Вышла в свет первая книга (I—V тома) нового издания Товарищества „Общественной пользы“ „История России с древнейших времен“ С. М. Соловьева.

Все издания 29 томов без всяких сокращений текста, помещенные в 7 книгах, будут закончены в середине июня сего года».

Соловьевы в переписке называли это издание вторым.

В 1919 году издательство Сабашниковых решило издать краткий вариант «Истории» Соловьева, назвав его «Эпохи и лица в истории России. Избранные места из „Истории России с древнейших времен“».

С этим предложением издательство обратилось к историку А. А. Кизеветтеру, который выбрал из 29 томов необходимый материал и написал вступление «От редактора», где дал характеристику Соловьева как историка, а также изложил принципы своего отбора. А. А. Кизеветтер отвергал распространенное мнение об истории Соловьева как о неудобочитаемом, сухом повествовании, лишенном живости мысли и литературных достоинств. «Избранные места» должны были это опровергнуть и послужить «ариадниной нитью по лабиринту 29 томов „Истории России“»²¹. Как пример подобного сочинения называлось сокращенное издание «Римской истории» Момзена, появившееся в начале XX века в «Библиотеке для самообразования». «История России» подвергалась не только сокращению в объеме, но и хронологическому сокращению: «Эпохи и лица» заканчивались царствованием Елизаветы Петровны, так как в главах «Истории России», посвященных царствованию Екатерины II, дан только

фактический материал, не подчиненный общей концепции историка. Сокращенная «История России» напоминала по структуре костомаровскую «Русскую историю в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Кизеветтер в основном выбирал материал о «лицах» русской истории.

Вероятно, издательство сначала намеревалось выпустить «Эпохи и лица» в пяти книгах общим объемом около 60 печатных листов, но затем было решено издать одной книгой приблизительно 400 страниц²². Она должна была появиться в серии «Ломоносовская библиотека». Из запланированных 75 книг серии вышло, как известно, всего семь, и «выбранные места» из Соловьева оказались за пределами счастливой цифры.

Новое издание появилось через 40 лет после этой попытки. В 1959—1966 годах вышла «История России с древнейших времен» в 15 книгах под общей редакцией Л. В. Черепнина. Тираж издания был самым большим из всех изданий «Истории». Отдельные тома издавались в количестве 50 тысяч экземпляров, что свидетельствовало о возросшем интересе к трудам С. М. Соловьева не только среди специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. 391, ед. хр. 723, л. 5, об.
- 2 Магистерская диссертация «Об отношениях Новгорода к великим князьям» издавалась дважды — накануне диспута в 1845 г. тиражом 300 экз., который быстро разошелся. Через год по определению «Общества истории и древностей российских» это «историческое исследование», как назвал его сам историк, опять увидело свет.
- 3 Наличие статьи А. Н. Цамутали «Первый том „Истории России с древнейших времен“ С. М. Соловьева в оценке современников» избавляет нас от необходимости останавливаться на этом вопросе. (См. указ. статью в историографическом ежегоднике «История и историки». М., 1973, с. 274—292.) Бурная полемика вокруг 1-го тома, в которой прозвучало много отрицательных отзывов, действовала на историка угнетающе, и он впоследствии писал: «Действительно, я пережил тяжелое время зимою 1851—1852 гг.: я счел нужным отписаться и от Беляева, и от Калачева — труд страшно неприятный; труд защиты и труд одинокий. Но сила божия в немощи совершается. Никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда, и в это печальное для меня время я приготовил к печати II том „Истории России“, который вышел весною 1852 г.
- 4 Как видно я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами истории, постоянно ежегодно выходившими; III и IV том не опоздали. Книга шла». (См.: Записки Сергея Михайловича Соловьева. II.: Изд-во «Прометей», б. г., с. 148.)
- 5 Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГВЛ), ф. 285, к. 6, ед. хр. 11, л. 1—2 об.; см. также комментарии к последнему изданию «Истории России с древнейших времен». М., 1959—1966.
- 6 Отец известного историка Ю. В. Готье.
- 7 ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 5, л. 4.

- ⁷ ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 18, л. 4.
- ⁸ Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. Спб., 1911, т. 1, с. 460—461.
- ⁹ Корсаков Д. А. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьеве.— Вестник Европы, 1906, кн. 3, с. 263.
- ¹⁰ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 193.
- ¹¹ Там же, с. 270.
- ¹² ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 17, л. 6. Личная библиотека насчитывала 2335 томов и оценивалась в 2361 руб.
- ¹³ Там же, л. 20.
- ¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 446, оп. 2, д. 29, л. 11 об. Письмо датируется предположительно 1883 годом.
- ¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 20, л. 3—4.
- ¹⁶ Там же, л. 1—2.
- ¹⁷ Имеется в виду «Русская летопись для первоначального чтения», вышедшая отдельным изданием в 1866 году, и «Общедоступные чтения о русской истории», впервые появившиеся в 1874 году.—ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 90, л. 20—21.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 22, л. 3—8.
- ¹⁹ Там же, д. 147, л. 67.
- ²⁰ Там же, л. 65—76.
- ²¹ ОР ГБЛ, ф. 261, к. 16, ед. хр. 6, л. 5—17.
- ²² Там же, л. 1, 18.

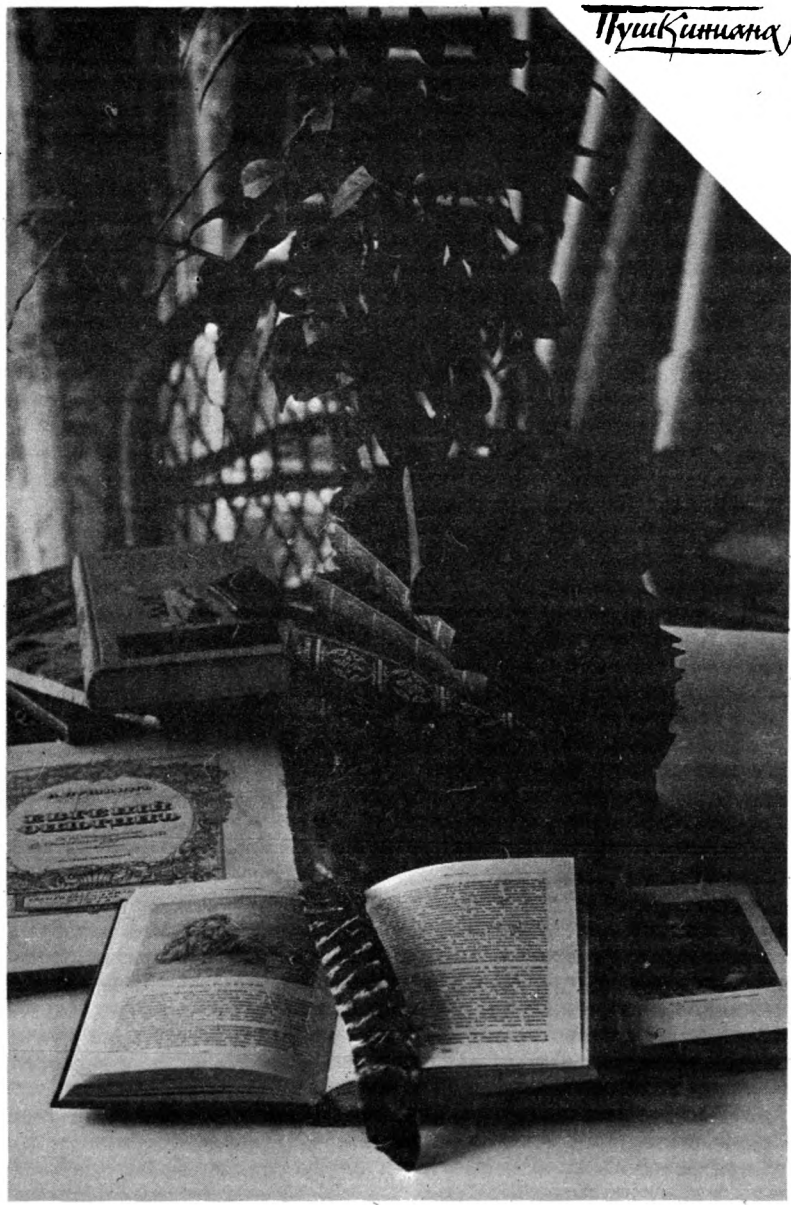
Петр Чевельча

ЧИТАЯ ПУШКИНА

В наш век нам много надо знать.
А многое не знать опасно.
Прекрасно Пушкина читать
И перечитывать прекрасно.

Знакомство новое подчас,
Как неожиданное чудо,
Но встретиться со старым другом
Милей бывает во сто раз.

Пушкунья

Действие человека мгновенно и одно, действие книги множественно и повсеместно.

Да, книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! Это пища для души.

А. С. ПУШКИН

Начиная с этого выпуска, «Альманах библиофила» открывает новую рубрику — «Пушкиниана». В ней будут печататься материалы, связанные с той ролью, какую играли книги в жизни и творчестве А. С. Пушкина и его современников, пойдет разговор о их прижизненных изданиях, о собирателях пушкинских раритетов, появятся публикации о судьбах некоторых творений великого поэта. Тема «Пушкин и книга» — неисчерпаема. Это даст в перспективе возможность собрать специальный выпуск альманаха, «Пушкинский», о чем нередко просят в своих письмах читатели.

Н. Михайлова

СУДЬБА «РЕТОРИК» Н. Ф. КОШАНСКОГО

«22-го декабря скончался здесь, в С.-Петербурге, после непродолжительной болезни директор Института слепых, статский советник Николай Федорович Кошанский, сочинитель и издатель многих хороших учебных книг. Он был несколько лет профессором русской словесности в Императорском Царскосельском лицее: блистательные успехи многих учеников его на поприще литературы свидетельствуют о заслугах и дарованиях наставника» — таким некрологом открывался 293-й номер «Северной пчелы», вышедший в четверг, 24 декабря 1831 года.

Сегодня Н. Ф. Кошанский привлекает наше внимание прежде всего как лицейский преподаватель А. С. Пушкина — взаимоотношения учителя и ученика освещаются в многочисленных статьях и монографиях. Между тем Н. Ф. Кошанский представляет интерес и как автор учебников и учебных пособий. В свое время они пользовались большой популярностью. В особенности это относится к его «Реторикам»: «Общая реторика» выдержала десять, а «Частная реторика» — семь изданий. Обе книги продержались в качестве учебных до середины XIX века. Сама история их выхода в свет чрезвычайно занимательна — с ней связаны многие литераторы и педагоги пушкинского времени, в ней отражен своеобразный литературный быт той эпохи; критические же отклики на «Реторики» Н. Ф. Кошанского — любопытные страницы в истории русской журналистики. Попытка рассказать обо всем этом и явилась задачей предлагаемой работы.

История создания «Реторик» начинается в 1799—1802 годы, когда Н. Ф. Кошанский, будучи еще студентом Московского университета, уже преподавал риторику в Благородном университетском пансионе. В это время науку об ораторском искусстве преподавали во многих учебных заведениях. «Красноречие» необходимо было и придворным, и дипломатам, и военным, и литераторам. Книги по риторике издавались для девиц, для

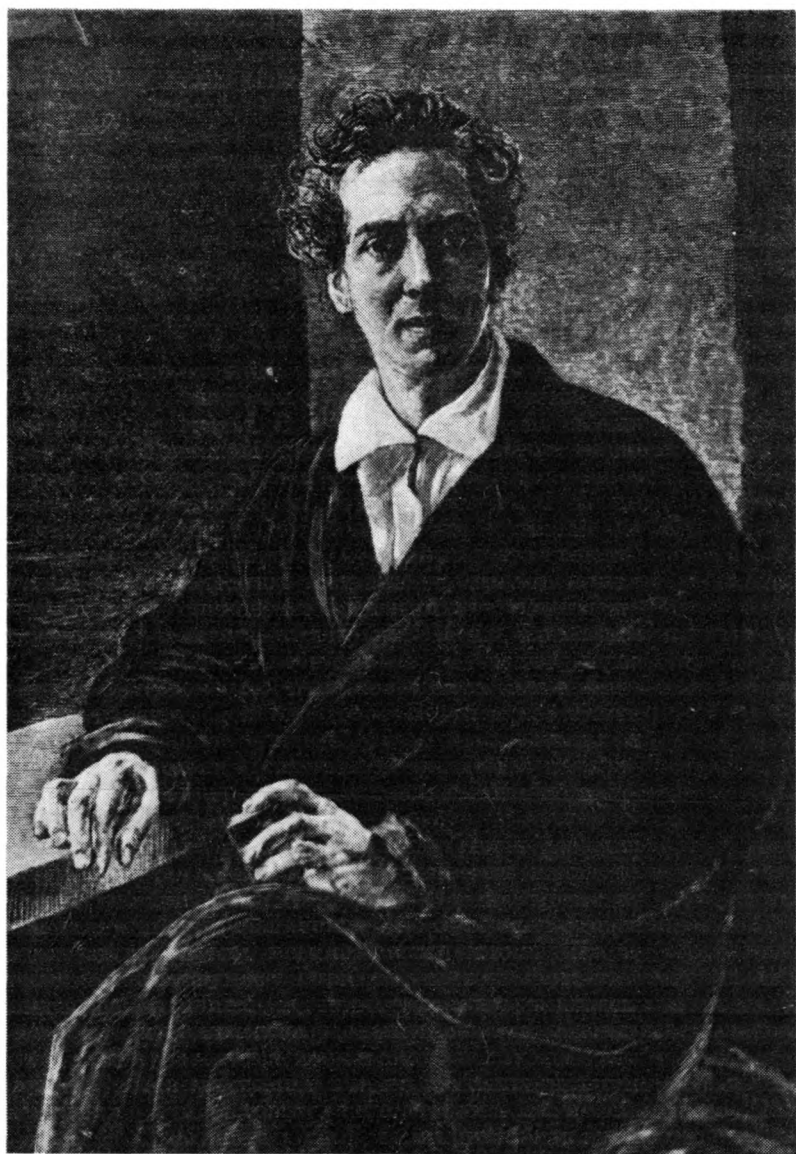
слушателей духовных семинарий, «в пользу любящего российский слог юношества». Несомненно, что знакомство с обширной литературой по ораторскому искусству, а также многолетняя педагогическая деятельность — преподавание риторики, русской и латинской словесности (помимо Благородного университетского пансиона он преподавал в Московском воспитательном доме, Екатерининском московском институте, пансионах и частных домах, а затем — с 1811 по 1828 год — в Царскосельском лицее) — подготовили Н. Ф. Кошанского к работе над книгами о красноречии. Об этом свидетельствует его ученик — лицеист Я. К. Грот: «... учебники его еще не были изданы, и слово реторика даже не произносилось в его лекциях, хотя в них и входило многое из того, что впоследствии явилось в названных книжках»¹.

Цензурное разрешение на первое издание «Общей риторики» Н. Ф. Кошанского было дано в Петербурге в 1829 году. Однако учебной книгой «Общая реторика» стала лишь начиная со второго издания, напечатанного в Петербурге в 1830 году уже не в типографии Медицинского департамента министерства внутренних дел, как первое, а в типографии императорской Академии наук, где печатались научные сочинения, календари, журналы и учебные книги. Этому предшествовали многие события, вызванные деятельностью двух комитетов министерства народного просвещения — Комитета по устройству учебных заведений и Комитета по рассмотрению учебных пособий. Хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда документы дают возможность проследить сложный путь, который привел к утверждению «Общей риторики» Н. Ф. Кошанского учебником для гимназий.

19 мая 1827 года председатель Комитета по рассмотрению учебных пособий А. А. Перовский — знакомый А. С. Пушкина, прозаик, публиковавший свои произведения под псевдонимом «Антоний Погорельский», автор, известный сегодня по сказочной повести «Черная курица», выступил с отчетом о деятельности Комитета, в котором говорилось:

«Из числа русских Риторик, весьма недостаточных во многих отношениях, избрана как лучшая книга по сей части для преподавания российской словесности в гимназиях Риторика Рижского. Но несоразмерная величина оной и другие внутренние недостатки побудили Комитет поручить своему члену г. профессору Толмачеву составление новой Риторики с присовокуплением самых кратких правил стихосложения и родов поэзии»².

И. С. Рижского к этому времени уже не было в живых. Профессор российской словесности и красноречия, первый ректор Харьковского университета, член императорской Российской Академии, писатель, он был автором книги «Опыт риторики, сочи-

А. А. Перовский. Гравюра В. Матэ с прижизненного портрета. 1890

ненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном училище», выдержавшей три издания (Спб., 1796; М., 1809; Харьков, 1822). Составить новую учебную книгу по ораторскому искусству было поручено Я. В. Толмачеву, филологу, профессору Петербургского университета, автору таких сочинений, как «Правила словесности, руководствующие от первых начал до вышних совершенств красноречия» (Спб., 1815—1822, 4 части), «Военное красноречие, основанное на общих началах словесности с присовокуплением примеров в разных родах оного» (Спб., 1825, 3 части). Однако Комитет по устройству учебных заведений 16 октября 1827 года принял другое решение:

«Не довольствуясь сделанным профессору здешнего Университета Толмачеву поручением составить для гимназий новую Риторику с присовокуплением краткой Пиитики полезно было бы снестись с профессором Московского университета Мерзляковым и узнать, не может ли он взять на себя сего довольно важного поручения с тем, чтобы в случае согласия не оставил он избрать в руководство лучшего по методике иностранного по сей части писателя, и о том уведомить Комитет»³.

Правитель дел Комитета по устройству учебных заведений кн. П. А. Ширинский-Шихматов, член императорской Российской академии, впоследствии министр народного просвещения, также знакомый А. С. Пушкина, в письме от 31 октября 1827 года сообщил А. Ф. Мерзлякову предложение Комитета «взять на себя труд составить новую Риторику для гимназий». А. Ф. Мерзляков, известный поэт и критик пушкинского времени, профессор Московского университета по кафедре красноречия и поэзии, автор книги «Краткая Риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических (изданная для Благородных воспитанников Московского университетского пансиона)», которая вышла тремя изданиями (2-е, 1817; 3-е, 1821), опубликовавший в 1827 году конспект лекций по российскому красноречию и поэзии, 28 января 1828 года ответил П. А. Ширинскому-Шихматову:

«Препоручение Комитета учебных заведений принимаю я знаком лестного его ко мне благоволения, и охотно могу посвятить мои силы и знания такому полезному труду, сколько позволит мне время при настоящих занятиях по делам службы. Тридцатилетние опыты мои по учебной части внушают в меня смелость думать, что я не недостаточно понимаю, каков быть должен объем, порядок и вообще каковы должны быть качества учебной книги, предназначенной для средних училищ».

Рассмотрев немецкие и французские риторики, А. Ф. Мерзляков предложил взять две из них в качестве образца и просил довести до сведения Комитета. «Если благоугодно будет оному

удостоить мои предложения своим одобрением,— писал он,— то я употреблю все мои способы и силы отработать которую-либо из вышеозначенных Риторик, соответственно цели».

6 февраля 1828 года предложения А. Ф. Мерзлякова были заслушаны на заседании Комитета по устройству учебных заведений, который определил:

«Поручить составление русской Риторики для гимназий профессору Мерзлякову, с принятием в руководство, по собственному его выбору, того или другого из предлагаемых им сочинений, и с заимствованием, что будет нужно, и из прочих, хороших в сем роде сочинений, по своему усмотрению».

Через 11 дней П. А. Ширинский-Шихматов сообщил А. Ф. Мерзлякову о решении Комитета по устройству учебных заведений, и тот принялся за составление учебника риторики. Однако его работа затянулась. Спустя год в письме от 12 марта 1829 года П. А. Ширинский-Шихматов вновь напоминал ему о возложенном на него поручении и просил уведомить, скоро ли он «полагает привести его к окончанию». А. Ф. Мерзляков поспешил дать ответ. В письме к Ширинскому-Шихматову от 18 марта 1829 года он сообщает о завершении своего труда:

«В продолжение нынешнего моего учебного курса, для опыта, я читаю (разумеется, обширней и не отступая от утвержденного конспекта), по плану ~~сво~~ новой своей Риторики, лекции мои в самом Университете, и слушатели мои, кажется, довольны. Теперь осталось только прибрать еще некоторые примеры из российских авторов и переписать книгу набело. Надеюсь все это кончить к половине апреля, или еще ранее».

Прошел апрель, май, июнь, а рукопись «Риторики» так и не была отправлена в Петербург. И опять 12 июня 1829 года Ширинский-Шихматов пишет сочинителю. Не получив ответа, он уже по приказанию министра просвещения кн. К. А. Ливена в письме от 29 июля 1829 года просил его «поспешить присылкою... Риторики, по тому наипаче уважению, что почти все прочие книги уже давно представлены, рассмотрены и одобрены». Наконец, 30 августа 1829 года А. Ф. Мерзляков выслал из Москвы в Петербург рукопись «Риторики», в сопроводительном письме к П. А. Ширинскому-Шихматову объяснив задержку трудностью своего сочинения: «Признаюсь Вашему сиятельству, что я четыре раза переписывал мою Риторику». «Если моя Риторика будет иметь честь удостоиться одобрения Комитета устройства учебных заведений, то мне бы хотелось знать судьбу ее, где и как и под каким надзором она будет печататься... В Петербурге нет у меня никого знакомого или близкого, кого бы можно мне было просить о корректуре».

П. А. Ширинский-Шихматов передает 9 сентября 1829 года

А. Х. Востоков. Гравюра К. Афанасьева с оригинала Л. Белоусова. 1824

А. Ф. Мерзляков. Гравюра К. Афанасьева. 1820-е годы

«Риторик» А. Ф. Мерзлякова А. А. Перовскому для рассмотрения в Комитете учебных пособий, а 16 октября отправляет ему же присланную автором вторую часть сочинения — «Пиитику». Отзыв Комитета оказался весьма неутешительным для сочинителя. В донесении К. А. Ливену от 14 января 1830 года А. А. Перовский сообщал:

«Комитет, рассмотрев обе сии рукописи, нашел, что они суть не что иное, как почти буквальный перевод известной книги Гейнзия: *Der Redner und Dichter* и перевод очень неудачный с прибавлением авторов древних и европейских из Эшенбурга и с присовокуплением русских весьма недостаточных».

Среди недостатков «Риторики» Перовский особо отметил приведенные в ней литературные примеры:

«...онные или переведены из Гейнзия же, или заимствованы без разбора из старых наших Риторик и Пиитик, а потому почти все обветшалые. Так в пример иронии приводится: „Счастливы те народы, у коих богов полны огороды!“ или для показания слога

сатиры приводится Сатира Антиоха Кантемира к уму своему, писанная силлабической меркой! и т. п. Даже самые опечатки старых примеров не исправлены как следует».

На основании отзыва А. А. Перовского Комитет по устройству учебных заведений определил 3 февраля 1830 года:

«Рукопись профессора Мерзлякова под названием „Краткое начертание теории красноречия“ возвратить сочинителю с уведомлением, что она не может быть признана учебною для гимназий наших книгою».

Итак, учебник риторики А. Ф. Мерзлякова был отвергнут, сама же необходимость в таком учебнике оставалась, и вот тут-то Н. Ф. Кошанским и была предложена Комитету, членом которого он был, его недавно вышедшая «Общая риторика». Книга Н. Ф. Кошанского, живо и талантливо написанная, рассматривала применительно к своему предмету не только произведения русских литераторов XVIII, но и XIX века, творения А. С. Пушкина (об этом писал Д. П. Якубович в статье «Пушкин в „Реторике“ Кошанского» в сб. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». М.; Л., 1941). Она по праву заслужила одобрение. 14 января 1830 года А. А. Перовский докладывал К. А. Ливену:

«Комитет, рассмотрев помянутую Риторикю, нашел, что она, основана будучи на нынешнем состоянии нашей словесности, более прочих подобных книг применена к потребностям гимназий и потому, по мнению Комитета, с пользою употребляема может быть в учебных наших заведениях».

Наконец, собрание Комитета по устройству учебных заведений 3 февраля 1830 года постановило: «Риторикю г. Кошанского признать учебною для гимназий книгою».

Ободренный успехом «Общей риторики», Н. Ф. Кошанский начал работать над «Частной риторикой». В отличие от первой, где рассматривались общие законы прозы, «Частная риторика» анализировала отдельные виды прозаических сочинений. В «Общей реторике» давались начала красноречия — выбор самого предмета, ход мыслей в описании и рассуждении; значительное место отводилось слогу, украшениям речи. «Частная реторика» представляла собой теорию прозаических жанров; здесь характеризовались особенности писем, некрологов, анекдотов, летописей, жизнеописаний, повестей, романов и других жанров прозы. Специальное внимание уделялось собственно ораторскому искусству в древности и в XIX веке. Говорилось о речах политических, духовных, академических, торжественных, литературных, пародических. Как и «Общая реторика», «Частная реторика» включала «разборы» — многочисленные примеры, в большой степени взятые из современной автору русской литературы.

Когда «Частная риторика» была закончена, Н. Ф. Кошанский представил рукопись Комитету по рассмотрению учебных пособий.

В делах Комитета сохранились написанные на нее отзывы Я. В. Толмачева и А. Х. Востокова — члена Российской Академии, поэта, филолога. Отзывы датированы 14 августа 1831 года и адресованы сменившему А. А. Перовского в должности председателя Комитета М. А. Балугьянскому, государственному деятелю пушкинского времени (он работал с М. М. Сперанским над составлением Полного собрания и Свода Законов), занимавшемуся также и педагогической деятельностью. «Частная риторика г. Кошанского,— писал Толмачев,— может быть принята для употребления в гимназиях, как одно из лучших сочинений в своем роде на русском языке, приспособленных по методу и образу изложения к понятию учеников, обучающихся в оных.

Места излишние, по моему мнению, я отметил в рукописи, а подробности текста, подлежавшие критике, я лично читал автору, который отметил их и согласился исправить»⁴.

Замечания А. Х. Востокова на «Частную ретику» Н. Ф. Кошанского более пространны. Они свидетельствуют о внимательном ее прочтении, отражают литературные и стилистические вкусы рецензента, его педагогические представления. Так, например, он пишет: «О хитростях и неопределенности, допускаемых в дипломатических бумагах, юношеству говорить не должно. Этому научаются люди сами собою...»

Из писем Фон Визина о Франции ничего нельзя привести в образец. Они писаны с явным намерением находить все дурным...

Граматику Российской Академии нельзя назвать лучшей учебною книгою языка. Словарь Академии, другое дело».

Завершает свой отзыв рецензент так:

«Замечания сии внушены искренним желанием способствовать к усовершенствованию сей полезной книги»⁵.

Замечания А. Х. Востокова были признаны Н. Ф. Кошанским справедливыми, и он обещал учесть их при окончательной доработке «Частной риторики», о чем сообщал М. А. Балугьянский в донесении Комитету по устройству учебных заведений от 30 августа 1831 года, где, в частности, говорилось, что «книга сия может с пользою быть принята для употребления в гимназиях».

М. А. Балугьянскому был представлен также и отзыв об «Общей риторике», написанный М. И. Талызиным, профессором Педагогического института, составителем нескольких учебников, в том числе книги «Начальные основания риторики и поэзии с предварительным объяснением необходимых логических правил, собранные для Первого кадетского корпуса» (СПб., 1818). Сравни-

вая «Общую реторику» Н. Ф. Кошанского с «Учебной книгой российской словесности» Н. И. Греча, М. И. Талызина отмечал:

«Общая реторика г. Кошанского гораздо приступнее и занимательнее для начинающих учиться красноречию: он все понятия, входящие в сию часть науки, излагает ясно, просто, даже привлекательно, приводя почти на каждое из них примеры из лучших наших писателей и применяя оные самым занимательным для учащихся образом... Реторика г. Кошанского... могла бы служить надежным самоучителем для начинающего учиться сочинениям»⁶.

Отзыв М. И. Талызина помечен 23 декабря 1831 года, то есть следующим днем после кончины Н. Ф. Кошанского. Ни последующих изданий «Общей реторики», ни первого издания «Частной реторики» автору этих книг не суждено было увидеть.

Смерть автора задержала выход «Частной реторики» в свет. 8 февраля 1832 года Комитет по устройству учебных заведений принял решение передать рукопись книги А. Х. Востокову с тем, чтобы он подготовил ее к изданию. Эта работа была завершена только к 14 апреля 1832 года, когда А. Х. Востоков вернул рукопись М. А. Балугьянскому. Последний, в свою очередь, через десять дней вновь ходатайствовал перед Комитетом об утверждении «Частной реторики» в качестве учебной книги. Комитет готов был сделать это, но все осложнялось тем, что рукопись «Частной реторики» была теперь собственностью брата покойного — В. Ф. Кошанского, и возникли уже чисто коммерческие затруднения. В. Ф. Кошанский предлагал министерству народного просвещения приобрести в собственность издание книги и взять у него шесть тысяч экземпляров по два рубля за каждый. Министр народного просвещения счел это для казны невыгодным, а предложенную В. Ф. Кошанским покупку у него по мере надобности готовых экземпляров без права собственности неудобной. Об этом сообщалось П. А. Ширинскому-Шихматову 29 июня 1832 года, причем специально оговаривалось, что вследствие названных причин «книга сия останется непринятою в число учебных книг». Однако коммерческие затруднения, по-видимому, были все же улажены. Так, сохранился документ, свидетельствующий о том, что 22 августа 1833 года министерство народного просвещения дало распоряжение о покупке у В. Ф. Кошанского пятисот экземпляров «Частной реторики» по одному рублю двадцати копеек за экземпляр.

Н. Ф. Кошанскому не суждено было стать и свидетелем ожесточенной критики, которая обрушилась на его «Реторики» в конце 1830-х — начале 1840-х годов. Впрочем, уже в 1830 и 1831 годах отклики журналов на «Общую реторику» были достаточно враждебны. Так, если «Московский телеграф» обвинял не столько

Я. К. Грот. Литография
П. Бореля. 1860

Н. Ф. Кошанского в несовершенстве его сочинения, сколько вообще существующее «варварское, схоластическое знание... о тайнах человеческого красноречия»⁷, то «Сын отечества», отметив тонкий литературный вкус автора, все же прямо говорил о том, что «...Общая риторика, сочиненная почтеннейшим Н. Ф. Кошанским, не может принести большой пользы учащимся»⁸.

В 1836 году в связи с выходом в свет четвертого издания «Общей риторики» и третьего издания «Частной риторики» «Библиотека для чтения» поместила небольшую критическую статью. Автор ее, назвав риторику несуществующей наукой, иронически замечал: «Между тем пускай издаются Риторики. И при ошибочной системе все-таки можно чему-нибудь выучиться. Недавно читали мы в одной русской книге следующее родословие А. С. Пушкина, как поэта: Мерзляков создал г. Кошанского, а г. Кошанский создал А. С. Пушкина. Следовательно, А. С. Пушкин учился по риторике г. Кошанского, и, следовательно, учась по риторике г. Кошанского, можно выучиться прекрасно писать»⁹.

П. А. Плетнев. Гравюра
Ф. Иордана. 1870

Самые язвительные статьи по поводу «Реторик» Н. Ф. Кошанского печатали «Отечественные записки» и «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». Автором их был В. Г. Белинский. Выступая против педантизма и схоластики школьных риторик, критик боролся за создание новой, свободной от пережитков классицизма теории словесности и в пылу полемики безжалостно расправлялся с новыми изданиями давно устаревших, по его мнению, «Реторик» Н. Ф. Кошанского. Отдельные рецензии он посвятил шестому, седьмому, восьмому и девятому изданиям «Общей реторики», а также шестому изданию «Частной реторики», причем с каждой новой рецензией становился все язвительнее.

«Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен,— утверждал В. Г. Белинский,— все риторики, сколько мы знаем их на русском языке, нелепы и пошлы; но риторика г. Кошанского перещеголяла их всех. И эта книга выходит уже девятым изданием! Сколько же невинного народа губила она собою!»¹⁰.

Ученик Н. Ф. Кошанского, названный ранее лицеист Я. К. Грот, так вспоминал о журнальных нападках на учебники своего учителя:

«В русской журналистике, с 1830-х годов, насмешки над его риторикой составляли долго одно из тех общих мест нашей критики, которые в ней всегда имеются в запасе, потому что ничего нет удобнее, как при случае щегольнуть готовым и по-видимому непогрешимым приговором. Между тем об этом учебнике говорили большей частью только понаслышке, не зная его и даже не имея точного понятия о его содержании». «Нет спору, что с нынешней точки зрения,— продолжал далее он,— в каждой из этих книжек можно отыскать много несовременного и, пожалуй, странного; но при этом не должно терять из виду, во-первых, что обе они имеют одно редкое для того времени достоинство— историческую основу, знакомят в правильной системе с историею древних и новых литератур, в особенности русской, и, во-вторых, что они заключают в себе только нить или канву, по которой дальнейшее развитие и оживление предмета представляется знанию и искусству хорошего преподавателя»¹¹.

Критические отзывы на «Риторике» Н. Ф. Кошанского стали известны министерству народного просвещения. Однако прежде чем заменить эти учебники другими, министр народного просвещения поручил дать отзыв о них П. А. Плетневу, поэту и критику, академику, профессору российской словесности и ректору Петербургского университета. Тому П. А. Плетневу, который был ближайшим другом А. С. Пушкина и издателем его сочинений, которому А. С. Пушкин посвятил свой роман «Евгений Онегин». 28 февраля 1848 года Плетнев так сообщил Я. К. Гроту о возложенном на него поручении: «Теперь по требованию министра пишу мнение о том, достойна ли Кошанского „Риторика“ оставаться еще учебною книгою в гимназиях. Улыбнись: я расхваливаю ее, находя, что ежели уж нужно учиться риторике, то, конечно, лучше по дельной, умной, хотя и очень педантской книге Кошанского, нежели по глупой, бестолковой и обличающей прямое невежество, как у всех других»¹².

1 марта 1848 года Я. К. Грот отвечал П. А. Плетневу:

«Рассуждение твое в пользу риторики Кошанского очень справедливо. Так как мне дорога его память, то и я рад за его книгу»¹³.

П. А. Плетнев вступил в ожесточенную борьбу за «Реторики» Н. Ф. Кошанского. Однако, несмотря на его защиту, в 1849 году они вышли последним изданием, а с 1851 года были заменены другим учебником.

Чем для нас интересны сегодня «Реторики» Н. Ф. Кошанского? Тем ли только, что сама история их издания любопытна, что она раскрывает перед нами деятельность, взаимоотношения и даже характеры знакомых и незнакомых нам людей прошлого? Тем ли, что журнальные отклики на «Реторики» дополняют наше представление о русской критике первой половины XIX столетия?

«Общая реторика» и «Частная реторика» Н. Ф. Кошанского — памятники истории педагогики пушкинского времени. Написанные талантливым педагогом, учебники знакомят нас с теми принципами, которым следовал сам автор в Царскосельском лицее.

Опыты учащихся, указывал Н. Ф. Кошанский, «...не охлаждаются порицанием, но согреваются участием друга-наставника, который всегда говорит прежде, что хорошо и почему? а после показывает то, что должно быть иначе и каким образом»¹⁴.

«Реторики» Н. Ф. Кошанского дают нам ценный материал для изучения истории литературы и теории словесности в пушкинскую эпоху. Особенно важными здесь представляются те требования, которые предъявлял Н. Ф. Кошанский к прозаическим сочинениям и которые перекликаются с пушкинскими законами прозы.

«Всякое лишнее слово есть бремя для читателя... Первое достоинство слога — ясность... Простота рассказа состоит в краткости, ясности и правдоподобию»¹⁵, — писал Н. Ф. Кошанский. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат», — писал, как известно, А. С. Пушкин.

Наконец, «Реторики» Н. Ф. Кошанского — первые учебники, в которых А. С. Пушкин отнесен к числу классических русских писателей, впервые назван гением. «„Гений“». Под сим словом, — писал Н. Ф. Кошанский, — разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве»¹⁶. Приведя стихотворную надпись А. С. Пушкина к портрету В. А. Жуковского:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен завистливую даль,
И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость, —

лицейский преподаватель великого поэта пояснил ее так:

«3 стих — живое чувство пылкой юности, 4 стих трогателен,

как поэзия Жуковского, а 5 так пленителен своей плавностью и так ярко освещен прелестью идей и правдой, что нельзя не назвать его стихом гения»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота. Спб., 1899, с. 42.
- ² ЦГИА, Ф. 737, оп. 1, ед. хр. 87813, л. 85 об. 86.
- ³ Там же, ед. хр. 50023, л. 1. Все дальнейшие публикуемые отрывки из писем хранятся также в ЦГИА, в том же фонде, описи, ед. хр., л. 1—32.
- ⁴ Там же, ф. 738, оп. 1, ед. хр. 2, л. 455.
- ⁵ Там же, л. 457—460.
- ⁶ Там же, л. 484—485.
- ⁷ Московский телеграф, 1831, № 5, с. 86.
- ⁸ Сын отечества, 1830, № 8, с. 120.
- ⁹ Библиотека для чтения, 1836, т. 17, отд. 6, с. 37.
- ¹⁰ Отечественные записки, 1845, № 1, т. 38, отд. 6, с. 34.
- ¹¹ Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, с. 41, 42.
- ¹² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Спб., 1896, т. 3, с. 194.
- ¹³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, с. 195.
- ¹⁴ Кошанский Н. Общая реторика. 3-е изд. Спб., 1834, с. 4.
- ¹⁵ Там же, с. 35, 39, 95.
- ¹⁶ Там же, с. 13.
- ¹⁷ Там же, с. 101—102.

Мих. Искрин

«ОТРЫВКИ СЕВЕРНЫХ ПОЭМ»

Об одной загадке Пушкина

В спорах Онегин и Ленский обсуждали, между прочим,

Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые...

Они касались здесь знаменитых трактатов Руссо. Трактат «Об общественном договоре» исторически обосновывал право человека быть свободным. Трактат «Рассуждение о науках и искусствах» декларировал неприятие цивилизации, приносящей вред народу. К трактатам Пушкин присоединял труд руссоиста Р. Ф. Вейсса «Принципы философии, политики и нравственности», а точнее, главы из его сочинения — «О добродетели» и «О предрассудках».

Эти книги подарил юному Кюхельбекеру муж его сестры. Их читали лицеисты. Позднее они прекрасно понимали подтекст начала XVI строфы второй главы «Евгения Онегина», не сразу разгаданный пушкинистами.

От философии и морали герои романа переходили к художественной литературе. Ленский читал вслух

Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их немного понимал,
Прилежно юноше внимал.

Каких северных поэм? Неизвестно. Вероятно, это также иносказание, за которым скрываются зашифрованные Пушкиным вполне определенные произведения.

Слово «Север» есть в незаконченной ранней поэме «Бова». Пушкин с вызовом говорит там, что не хочет «воспевать героев севера».

Новая загадка: что за герои?

В «Бове» действуют Шапелен и Рифматов. Первый, под которым подразумевался бесталанный классицист XVII века Жан Шаплен, соорудил громоздкую поэму «Дева, или Спасенная

Франция». В ней действуют Жанна д'Арк и французы, воюющие против англичан. Все это, видимо, далеко от «северных поэм».

Рифматов — архаист С. Ширинский-Шихматов. В его поэме «Петр Великий. Лирическое песнопение в осьми песнях» (СПб., 1810) тоже есть герои севера — русские солдаты, побеждающие шведов.

Положим алчности преграды,
От коей Север изнемог...

— вызывает к ним царь в третьей песне.

«Да будет в Севере свобода!» — говорится в четвертой.

От Петра I и Северной войны стихотворец переходит к злобе дня — шведской кампании 1808—1809 годов. Потомки завершили дело Петра, говорится в поэме:

Венчались славою отличной
У финских диких берегов.

Участнику морских боев, флаг-офицеру Ширинскому-Шихматову нельзя отказать в оперативности.

Не кроются ли за отрывками северных поэм отрывки поэм финского народа? Видимо, так. Мы убеждаемся в этом, узнавая, как именовались корпуса вступившей в Финляндию армии Александра I. Северные!

Какие же конкретно финские поэмы? На вопрос отвечает декабристский журнал «Соревнователь просвещения и благотворения». В его делах принимал непосредственное участие Кюхельбекер. Он был действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, выпускавшего журнал вместе с соратниками-декабристами Рылевым, Александром Бестужевым, Корниловым. Они превратили далекое от политики литературное объединение в легальный филиал тайного Союза Благоденствия.

Кюхельбекер писал в обозрении: «...считаем обязанностью упомянуть здесь и журнал „Соревнователь просвещения и благотворения“. Сей вестник соединяет статьи ученые с статьями просто литературными, и именно этим счастливым слиянием равно занимателен для читателей совершенно разных вкусов...» (Невский зритель, 1820, февраль — март).

Одна из «ученых» статей — «О северной поэзии, ее происхождении и характере» — опубликована в том же, 1820 году. Речь в ней идет преимущественно о финском эпосе. Начальные слова заглавия статьи близки словосочетанию «северные поэмы». К статье подверстана библиографическая заметка, предлагающая вниманию читателей «первое издание финских песен, числом более 30». Книжка «Финские руны» издана в шведском городе Упсала в 1819 году. Текст приведен на финском и немецком языках; немецким в совершенстве владел «поклонник Канта и

поэт» Ленский, учившийся в Геттингенском университете. Онегин разбирался в немецком не лучше, чем в латинском, и с трудом понимал читаемое приятелем вслух. Вот что стоит за «отрывками северных поэм»!

Вероятно, Пушкин читал статью «О северной поэзии» и заметку о «Финских рунах». Он следил за журналом, номера которого были в его библиотеке. Это отразилось в «Евгении Онегине». Ленский сочинял перед дуэлью: «Что день грядущий мне готовит?..» Он повторил, на свой лад, фразу «Что несет мне грядущий день?..» стихотворения Кюхельбекера «Пробуждение», напечатанного во втором номере «Соревнователя» (статья появилась в третьем).

В том же 1820 году Онегин и Ленский жили в деревне, а Пушкин и Кюхельбекер — в Петербурге. Вечерами друзья встречались. Чтение «отрывков северных поэм» навеяно, возможно, одной из встреч, тем более что в Ленском немало черт Кюхельбекера.

Кроме личных, так сказать, мотивов, иносказательное упоминание «Финских рун» в романе имело общественные причины. Финны, избавленные от гнета шведского национализма, которому Александр I демонстративно противопоставил терпимость, потянулись к своему героическому эпосу и одновременно к прогрессивной русской культуре, а передовая Россия сочувственно заинтересовалась Финляндией. Туда съездил генерал-адъютант П. Г. Гагарин, человек независимых взглядов, выпустивший затем книгу «Тридцать дней, или Финляндия» (М., 1809). Финн, писал он, «находит удовольствие свое в пении», «родится с расположением к музыке и поэзии». Побывав в Финляндии, поэт Батюшков восхищался: «...северные народы с избытком наделены воображением».

Поэт Баратынский провел среди гранитных скал в качестве унтер-офицера около шести лет и был назван «певцом Финляндии». В «Евгении Онегине» сказано о его одиночестве «под финским небосклоном». Упомянута его трагическая поэма «Эда» — о финской девушке.

«Охтенка» (финская молочница) — еще один финский штрих пушкинского романа.

В поэме «Руслан и Людмила», законченной опять-таки в 1820 году, несчастный старик-изгнанник, «природный финн», братски беседует с обиженным, подобно ему, русским витязем. Многозначительно говорится, что они «вместе сведены судьбою». «Финский рыболов» участливо изображен в «Медном всаднике». «И гордый внук славян, и финн» стоят бок о бок в стихотворении о нерукотворном памятнике.

Пушкина знали в Финляндии. В 1825 году швед Платтен,

вернувшийся из русского плена, издал свой перевод «Кавказского пленника». В следующем году финская газета, лестно рекомендуя Пушкина, «очень популярного на своей родине поэта», утверждала, что поэма «должна заинтересовать всякого образованного человека». Русские вольнолюбцы солидаризировались с финскими. Кюхельбекер и Одоевский издавали альманах «Мнемозина», названный именем закрытого царизмом финского журнала. Среди материалов первой части альманаха — «Извлечения из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Кампания 1808 года. Финляндия».

То, что Онегин с Ленским обсуждают «отрывки северных поэм», — еще одна грань взаимного влияния двух народов и культур.

Н. Тархова

«БЛАГОРОДНЫЙ И ПРОСТОДУШНЫЙ ТРУД ГОЛИКОВА...»

«Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» — многотомное сочинение И. И. Голикова, одно из самых распространенных и популярных изданий в России едва ли не на протяжении всего XIX столетия. Именно этот «благородный и простодушный», по словам Белинского, труд избрал А. С. Пушкин в качестве свода фактов и документов, на который он опирался в работе над «Историей Петра». Сохранившиеся тексты Пушкина, известные ныне под этим названием, представляют собой в основном конспект голиковских «Деяний...» с пометами, касающимися дальнейшей, неосуществленной работы над этим сочинением. К Голикову Пушкин обращался и тогда, когда работал над «Борисом Годуновым», «Арапом Петра Великого», «Полтавой». Именно поэтому «Деяния Петра Великого...» Голикова, хранящиеся в фонде редкой книги в Музее А. С. Пушкина в Москве, в разделе «Библиотека Пушкина», нуждаются в научном описании. Но прежде следует сказать несколько слов об авторе и о значении его труда.

И. И. Голиков родился в 1735 году в Курске в семье богатого купца, который разорился, когда сын был в отроческом возрасте. Чтобы погасить долги, Голиков отправился в Москву и поступил на службу в дом купцов Журавлевых, бывших кредиторов отца, сначала мальчиком, потом помощником приказчика и приказчиком. Только через десять лет Голиков ушел от Журавлевых с «пристойным награждением» и, переселившись в Петербург, стал заниматься собственными торговыми делами. Нажил капитал, разбогател, потом разорился и оказался под судом, был приговорен к ссылке в Сибирь, но помилован по случаю открытия в Петербурге памятника Петру Первому (1782). Тогда он всенародно поклялся написать историю «сего великого государя». Исполнению этого замысла посвящены были оставшиеся годы жизни Голикова.

Но не только события собственной жизни возбудили интерес Голикова к личности и деятельности Петра. Тот с юности был героем будущего историка. В доме отца своего в Курске он уже многое узнал о Петре от настоятеля курского Знаменского монастыря архимандрита Михаила, бывшего при Петре полковым священником, читал записки о Полтавской битве и об измене Мазепы, оставившие, по словам Голикова, «столь сильное... впечатление, что, несмотря на мое малолетство, тогда ж возбудили во мне крайнюю охоту узнать больше о своем государе».¹ Живя в Москве, Голиков с жадностью читает и по возможности собирает книги и рукописные материалы о Петре. Оказавшись по делам в Оренбурге, он знакомится с И. И. Неплюевым, служившим при Петре, и с историком и экономистом П. И. Рычковым, все их рассказы записывает в свои «исторические тетради», получает в дар «Журнал государева Персидского похода» и другие записки.

Переезд в Петербург и особенно избрание в депутаты Уложенной комиссии в 1761 году поставили Голикова в новые отношения с людьми, бывшими сподвижниками Петра,—он постоянно общается с Крекшиным, Мордвиновым, Нагаевым, Талызиным, возвратившимся из Оренбурга Неплюевым, с людьми купеческого звания, помнившими Петра, и все услышанное записывает. Всю жизнь он собирает книги, записки, документы о Петре и его времени. Собственная библиотека Голикова содержала до 1500 печатных и рукописных книг о Петре (впоследствии они перешли к В. Н. Каразину, а от него в древлехранилище Погодина). Екатерина II открыла Голикову доступ во все архивы, в том числе в кабинет Петра I.

В свете всего сказанного автор «Деяний Петра Великого...», скромно признававший за всеми читателями право на критику его труда, потому что он «неискусный писатель и кроме русской грамоты ничему не учившийся и нимало не упражнявшийся в так называемых словесных науках» выглядит одним из самых больших знатоков петровского времени и деятельности Петра I. А созданный им труд, по словам советского исследователя А. Т. Николаевой, «сделал бы честь любому самому образованному историку XVIII века и даже позднее».

Значение голиковской истории Петра переоценить трудно. В течение века это была самая важная книга по петровскому времени. Как утверждает энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «...до Устрялова и Соловьева Голиков служил единственным серьезным источником для всех почти историков Петровского царствования». Историк середины XIX века А. Старчевский, описывая русскую историческую литературу до Карамзина, безоговорочно выделяет Голикова: «Из всех прежних попыток

Д В Я Н І Я
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУДРАГО
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ
РОССИИ;

СОВРАНИИЯ

Изъ достоверныхъ источниковъ
и расположенныя по годамъ.

ЧАСТЬ Ш.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,

1788.

сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова... 30 томов остались памятником его благородного рвения...»² Несколько десятилетий спустя, в 1912 году, в обзоре литературы о Петре историк Е. Шмурло вновь выделяет голиковское сочинение: «За всю вторую половину XVIII столетия это, несомненно, самый главный и наиболее важный труд о Петре Великом, и он всецело отразил на себе преобладающую точку зрения своего времени на личность преобразователя»³. Он же формулирует, почему голиковские «Деяния...» заняли столь исключительное место в обширной литературе о Петре: книга эта свела воедино почти весь фактический материал о предмете, более того, публикация огромного количества документов постепенно вытесняла собственно авторское повествование, что «обеспечило труду Голикова вплоть до нашего времени значение первоисточника». Последующие историки собрали обильную жатву с этого труда, добавляет исследователь.

Голиковское сочинение разделяется на две части: «Деяния Петра Великого...» в 12 томах и «Дополнения к Деяниям...» в 18 томах. «Деяния Петра...» вышли из печати в 1788—1789 годах, отпечатаны были в типографии Новикова в Москве. Непосредственным импульсом к началу работы стала книга Страленберга о Петре. Встревоженный и обеспокоенный скрытой ненавистью к Петру, какой была проникнута эта книга, Голиков занялся опровержением «страленберговых клевет» (это опровержение составляет почти все Введение к первому тому «Деяний»). Следом Голиков приступил к созданию «Деяний». Первые девять томов посвящены описанию жизни и деятельности царя с момента его рождения (1672) по 1719 год, а последние три содержат публикацию 1427 писем и других документов Петра I. Первый том содержал кроме большого Введения «Роспись книгам, из которых выбраны предполагаемые здесь деяния Петра Великого» — в ней перечислено несколько десятков рукописных и печатных, русских и иностранных, книг о Петре — круг источников Голикова.

«Дополнения к Деяниям Петра Великого...», выпущенные в 18 томах в 1790—1797 годах, содержат материалы, дополняющие, разъясняющие, а иногда и исправляющие напечатанное прежде. Материал располагается по годам. Первые три тома «Дополнений...» составляют «Введение» под названием: «Изображение предшествующих времен Петру Великому», повествование начинается с эпохи Бориса Годунова и идет по царствованиям. Тома IV—XVI посвящены описанию деятельности Петра (как дополнение к девяти томам «Деяний») до Полтавской победы, битва описана здесь очень подробно. В томе XVII помещены

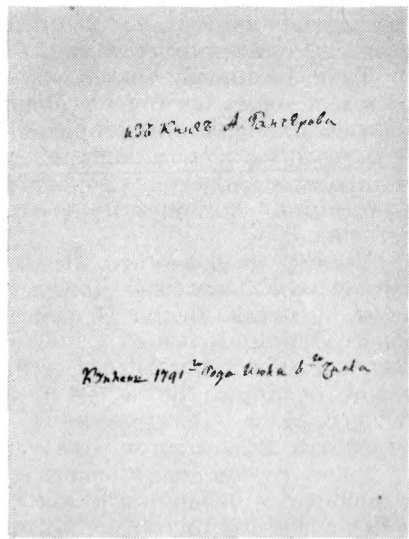
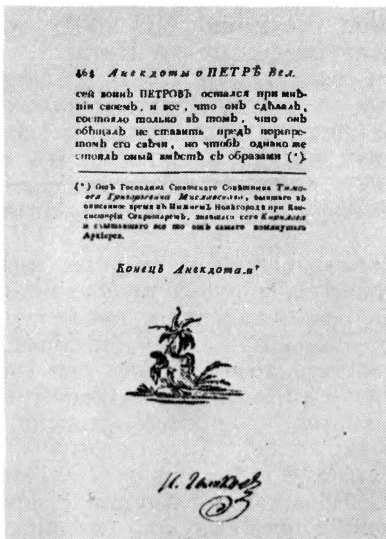
«Анекдоты, касательно до великого государя», а XVIII том посвящен описанию состояния России после смерти Петра I.

Труд Голикова, таким образом, охватывает более столетия русской истории (от Бориса Годунова до Петра). Приемы изложения материала, комментирования, критики документов, ссылки на источники и т. д.—общие в двух частях сочинения, но, по мнению специалистов, «Дополнения» отличаются от первой части содержанием исторического комментария и глубиной критики источников.

Теперь, зная все это, можно обратиться к анализу тех книг голиковского сочинения, которые хранятся в отделе редкой книги музея. «Деяния Петра Великого...» представлены в библиотеке музея полностью—все 12 томов; «Дополнения к Деяниям...» представлены 8 томами из 18; кроме того, имеется еще том 14-й второго издания (1837—1843), купленный, видимо, позднее вместе с томами «Дополнений к Деяниям...» первого издания,—титульный лист в этом томе утрачен.

Таков состав голиковского собрания. В собрании есть книги с экслибрисами библиотек князя М. С. Воронцова в Алушке, графини Олсуфьевой в селе Никольское-Горушки, со штампами библиотек 4-й Московской гимназии и Касимовской прогимназии. Есть книги с владельческими надписями—П. Обольянинова, А. Гончарова (деда Н. Н. Пушкиной). Некоторые из надписей разобрать не удалось, самая же интересная пока не прокомментирована—на последней странице 17 тома «Дополнений к Деяниям...» орешковыми чернилами четко написано—«Иван Голиков». Говорить о том, что это владельческая надпись автора издания, пока преждевременно, но такая заманчивая возможность существует, все разрешит сравнение ее с бумагами, написанными рукою Голикова. Правда, личного фонда Голикова нет ни в одном архиве страны, но в ГБЛ хранится большая часть архива М. Погодина, куда попали в свое время рукописные книги и тетради Голикова, возможно, там когда-нибудь удастся что-то найти.

Многочисленные владельческие надписи, экслибрисы и штампы личных и общественных библиотек подтверждают, на примере одного лишь экземпляра издания, предположение о большой распространенности книги Голикова на протяжении всего XIX века. О том же свидетельствует и историк: «Лучшие люди того времени в каждом из многочисленных своих имений держали по экземпляру голиковских „Деяний“. На них воспиталось не одно поколение русских людей, а тот ореол необычного, лишенного корней в прошедшем, которым до половины XIX столетия была окружена деятельность Петра Великого, в значительной степени был создан книгою Голикова»⁴. Добавим еще,

Страница книги И. Голикова с его Запись А. Гончарова на книге
 предполагаемым автографом И. Голикова

что редкий каталог библиотек прошлого столетия обходился без указаний на голиковские «Деяния Петра Великого...».

В задачу этого короткого сообщения не входит изложение биографических сведений о бывших владельцах наших экземпляров книг Голикова: они найдут свое место в научном паспорте. Здесь же хотелось бы рассказать о том, как научное описание книг, имеющих индивидуальные особенности, дает в некоторых случаях возможность уточнить или объяснить события и факты жизни А. С. Пушкина. Таких книг, позволяющих в нашем случае «выйти к биографии» Пушкина, три: том с экслибрисом графа Воронцова, тома с владельческой надписью А. Гончарова и 14-й том второго издания, оказавшийся среди книг первого издания.

Начнем с экземпляра, принадлежавшего графу М. С. Воронцову. Экслибрис или ярлык библиотеки Алупкинского дворца с фамильным гербом владельца имеет, несомненно, позднее происхождение, скорее всего, он появился в середине 40-х годов, когда был отстроен библиотечный корпус дворца, самая поздняя его постройка. Казалось бы, к Пушкину все это не имеет никакого отношения. Но если мы вспомним, что в Алупку было переведено

одесское собрание книг Воронцова и оно составило большую часть теперь уже алушкинской библиотеки графа, то этот экслибрис можно воспринимать (с некоторой долей предположения, конечно) как знак того, что труд Голикова был в библиотеке Воронцова в Одессе. И Пушкин, читавший, по свидетельству Вигеля, в этой библиотеке, мог там впервые держать в руках издание «голиковского Петра». Или иначе, эту книгу можно воспринимать как первый реальный указатель на знакомство поэта с сочинением Голикова.

Почему важно знать, когда «Деяния Петра...» впервые были прочитаны Пушкиным? Дело в том, что сложилось традиционное мнение в пушкинистике о том, что «Деяния...» Голикова интересовали Пушкина только в период работы над «Историей Петра». Однако есть свидетельства интереса поэта к Голикову во времена Михайловской ссылки — фраза в письме к А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года с выражением «голиковская проза» и описание библиотеки в Тригорском, данное М. Семевским, который называет экземпляр «Деяний Петра...» в числе книг, использованных Пушкиным в 1824—1825 годах⁵. Этот хронологический промежуток — время работы над трагедией «Борис Годунов», и вполне логичным будет предположение о том, что «голиковский Петр» может находиться в кругу литературных источников трагедии (вспомним «Изображение предшествующих времен Петру Великому»). Сопоставление текстов «Бориса Годунова» и II тома «Дополнений к Деяниям Петра...», проделанное нами совместно с В. С. Листовым, убеждает в том, что предположение о знакомстве с Голиковым до «Бориса» не лишено оснований (этому вопросу нами посвящена отдельная статья).

Указание на то, что Пушкин мог читать Голикова впервые не в Михайловском, а в Одессе, очень существенно. Ведь письмо к Бестужеву написано 30 ноября 1825 года, когда трагедия уже закончена, а датировка Семевского очень расплывчата — весь период работы над «Борисом». Экслибрис Воронцовской библиотеки дает (еще раз повторяем, что с некоторой долей допущения) возможность отнести знакомство поэта с сочинением Голикова к 1824 году, ко времени пробуждения в нем глубокого интереса к истории. Неизвестно, была ли книга Голикова в лицейской библиотеке, скорее всего, была, но, во-первых, об этом нет никаких свидетельств, во-вторых, тогда другие замыслы владели Пушкиным. Совпадение же пробуждающегося интереса к истории России со сведениями из голиковской истории Петра могло способствовать возникновению замысла «Бориса Годунова» — ведь Пушкин начал работу над трагедией в первые месяцы пребывания в Михайловском, а это требовало определенной подготовки.

Другой том голиковского издания проливает свет на события, связанные с пушкинской работой над «Историей Петра». Этот том без титульного листа находился среди томов «Дополнений к Деяниям Петра», по его составу удалось установить, что это 14-й том второго издания сочинения Голикова. Выход первых трех томов этого издания в 1837 году сразу же порождает вопросы: кем был издан Голиков в год смерти Пушкина и не связано ли это издание каким-либо образом с работой поэта над «Историей Петра»?

Подпись двумя буквами «К. П.» в конце именного указателя в последнем томе позволила предположить участие в издательской работе Ксенофонта Полевого. Два источника подтвердили это предположение — А. Старчевский в своей книге «Очерк литературы русской истории до Карамзина» замечает в статье о Голикове: «Второе издание „Деяний Петра Великого“ сделано К. А. Полевым, оно выходило в 1837—1840 гг. в Москве в 15 томах»⁶; другое свидетельство — самого К. А. Полевого, в своих «Записках» он, рассказывая об отношениях с Белинским, замечает: «Я издавал тогда много томную книгу: „Деяния Петра Великого“, сочинение Голикова...»⁷. В скобках отметим, что Белинский тоже оказался причастным к этому изданию, он держал корректуру нескольких томов, эту работу предложил ему К. А. Полевой, чтобы поддержать в трудных обстоятельствах. Не отсюда ли такое знание сочинения Голикова у Белинского?

Определение имени издателя не проясняет, а затрудняет поиски. К. Полевой — человек из враждебного Пушкину лагеря, но все-таки трудно предположить, что это издание было задумано и осуществлено в пику работе поэта над «Историей Петра». Дата цензурного разрешения первых трех томов, вышедших в 1837 году, подписанного цензором Иваном Снегиревым «июля 21 дня 1837 года», не дает никакого решения вопроса. Хотя второе издание предполагало довольно большую работу — в нем произошло перераспределение материала по томам, — все же подготовить три тома за несколько месяцев, прошедших после гибели Пушкина, было реально. Тогда это издание можно было бы расценить или как совпадение с пушкинской работой или, наоборот, как некоторую реакцию на неосуществленный пушкинский замысел (тем более что Голиков был знаменитый земляк Полевых, они родом из курских купцов).

Но оказалось, что издание Полевого все же связано с пушкинской работой, хотя и нельзя утверждать, что связи здесь прямые. Дело в том, что К. А. Полевой всегда очень усердно помогал во всех работах своему брату Н. А. Полевому, издателю «Московского телеграфа», автору «Истории русского народа», так возмущившей Пушкина в свое время. Изданию «Деяний Петра

Великого...» К. А. Полевым предшествовала другая история, которая не могла не иметь хотя бы косвенного отношения к Пушкину. В начале января 1836 года Н. А. Полевой представил Бенкендорфу программу задуманной им «Истории Петра Великого». Бенкендорф доложил ее царю, сопроводив рапортом, в котором он рекомендовал Полевого человеком «с пылкими чувствами и отлично владеющим пером», а проект назвал «замечательным как по мыслям, в нем заключающимся, так и по самому изложению»⁸.

В программе Н. Полевого развивалась мысль о том, что до Николая I продолжался петровский период новой русской истории. С воцарением Николая этот период достиг своего предела, и начался новый: «Бог послал другого сына судьб, который начал период новый...» Полевой просил разрешение посвятить свой труд монарху и ссуды на его издание.

Резолюция Николая была такова: «Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив иностранной коллегии; двоим и в одно время поручить подобное дело было бы неуместно». Однако Бенкендорф, сообщая в письме Полевому решение царя, смягчает его отказ и пишет так, что отказ звучит разрешением: «Государю императору было бы приятно, если бы вы употребили способности и ваши сведения на предприятие, драгоценное для сердца каждого русского». Как разрешение писать «Историю Петра Великого» воспринял это письмо Н. Полевой. Вот какую запись сделал в дневнике И. М. Снегирев (кстати, будущий цензор голиковской истории) 8 февраля 1836 года: «Был у Н. Полевого, приехавшего из Спб. с приятными надеждами: ему поручено государем писать Историю Петра I по ходатайству Бенкендорфа»⁹.

Такова предыстория, которая имеет гораздо более важное значение для работы Пушкина над «Историей Петра», а быть может, и вообще для состояния его в 1836 году, чем второе издание Голикова,— оно наверняка появилось по инициативе кого-то из братьев, скорее Н. А. Полевого, начавшего работать над «Историей Петра I» с чтения Голикова.

А вот вокруг Пушкина все злое и неясно. Очевидно, что его «История» кому-то нежелательна. Либо царь искренен в своей резолюции, тогда Бенкендорф выглядит человеком, явно интригующим против поэта (и вспоминается пушкинское «Царь любит, да псарь не любит» — не в этот ли адрес?). Либо неискренен и царь: пишет резолюцию с отказом, а на словах ведет шефу жандармов приласкать Полевого и вдохновить на писание «Истории Петра», в которой отразится и николаевское царствование. В любом случае атмосфера вокруг Пушкина тяжелая, и, быть может, история с Полевым плохо отразилась на его самочув-

ствии. Вот к каким результатам привели поиски вокруг одного тома без титульного листа.

И наконец, еще два тома с одинаковой надписью. Владелец их был дед Н. Н. Гончаровой А. Н. Гончаров, записи — дата покупки книг: «Из книг А. Ганчерова. Куплена 1791-го года июня 6-го дня». Эти надписи и позднейшие штампы библиотеки Калужского музея указывают на то, что книги хранились в Полотняном Заводе. Пушкин эту библиотеку хорошо знал, как знал он и другую библиотеку Гончаровых — в Яропольце (об этом свидетельствуют письма его). И это обстоятельство позволяет предположить, что в нашем собрании оказались книги, которые были в руках у Пушкина — возможно, летом 1834 и 1835 годов, приезжая в Полотняный Завод, с этими книгами он работал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788, ч. 1, с. 111.
- ² Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. Спб., 1845, с. 175.
- ³ Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. Спб., 1912, с. 91.
- ⁴ Там же, с. 94—95.
- ⁵ Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. М., 1979, с. 86.
- ⁶ Старчевский А. Цит. статья, с. 175.
- ⁷ Полевой К. Записки.— В кн.: Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 351.
- ⁸ Документы об этом событии были опубликованы Вл. Орловым в комментариях к «Запискам» К. Полевого в вышеупомянутом издании, с. 487.
- ⁹ Там же.

Елена Андреева

ОТЕЦ

В 1976 году в болгарском городе Любимец был открыт памятник поэту-антифашисту Феодору Андрееву...

I

Сын не помнил отца,
Не беседовал с ним,
Не увидел лица —
Тот погиб молодым.
У могилы его
Никогда не стоял —
Он не знал, где она.
Оглушительный шквал,
Не оставивший даже
Заветных могил,
Близкой встречи последней
С погибшим лишил,
Оборвал дни отца
И унес вместе с ним
Даже голос его...
Лишь по книгам одним,
Да по песням о нем,
Да отцовским стихам,
Да рассказам живых,
Да по прежним боям
Сын отца узнавал,
И с отцовской судьбой
Дни свои он сверял
Потрясенной душой.

II

А поздней, возмужав,
Проследив путь отца,

Он спросил:
«Был он прав,
Что вот так, до конца
Был отчаянно смел
И в порыве горяч,
Отступать не умел
И терпеть неудач?
Будь он чуть осторожней
И чуть холодней,
Он бы дожил, возможно,
До нынешних дней!..
Будь другим он...
Другим?
Но ведь только такой
Он остался живым,
Лишь такой он —
Герой!
Видно: так суждено...»
Сын поник головой —
Не мальчишка давно,
А полковник седой.

III

Над Фракийской дорогой
Разлился рассвет.
Спит степной городок.
За легендами вслед,
По местам незнакомым —
Герою родным,
Сын и внук на свиданье
Приехали с ним.

Здесь он жил и учился,
Здесь снова живет —
Его имени улица вьется,
А вот —
Школа, памятник рядом,
Полотнищем весь
Он окутан пока.
Вечно быть ему здесь...

Через час станетлюдно
Вокруг, а пока

Он один в тишине,
Только он и века.
Он еще в полотне,
И не видно лица,
Только золото слов
Про поэта-борца.
Тихо сын подошел,
Прошептал:
«Здесь твой внук,
Он, быть может, в тебя...»
И увидел он вдруг,
Сам не веря себе,
Как из мраморных глаз
Слезы вытекли, их
Сделав зрячими враз.
Чуда не было —
Просто ночная роса,
Намочив полотно,
Проявила глаза.
Но в душевном накале
Подобных минут,
Видно, силы незримые
Тоже живут...

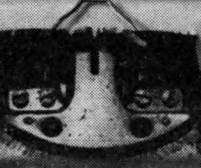
IV

Через час были речи
И море голов.
Был опущен тогда
Полотняный покров.
Вспышки белого пламени
Возле лица —
Сын седой увидал
Молодого отца.
Сын всегда это знал —
Тот погиб молодым,
Но отец для него
Оставался живым.
Он старел вместе с ним,
Он давно уже дед!
А теперь нарушалась
Дистанция лет...
Молодые шумели

Вокруг голоса.
Были снова спокойны
Героя глаза.
Был он снова горяч,
Беззаветен и смел,
Он — вожак и поэт,
Быть иным не умел!

*Наша
публикации*

ВВЕДЕНИЕ
ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ
ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ
ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ
ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ
ОБЩЕЕ СООБЩЕНИЕ

Книга не сто́ит ничего, если она не сто́ит многого; она бесполезна, если ее не прочитали, не полюбили, не оставили в ней заметок, чтобы можно было всегда найти место, которое понадобилось, как солдат тотчас находит свое ружье в арсенале, или хозяйка — нужную приправу в кладовой.

ДЖ. РЕСКИН

У меня есть друзья, чье общество мне необычайно дорого; они принадлежат разным векам и разным странам. Они отличились и в кабинетах ученых мужей и на полях сражений; они удостоились высших почестей за научные свои познания... Они отпирают передо мною замки ко всем наукам и ко всем искусствам, и благодаря их заботам я готов к любой случайности. За верную свою службу они требуют от меня лишь одного: устроить им удобное жилье где-нибудь в углу скромного моего дома, где бы они пребывали в мире и спокойствии; ибо обществом этих друзей лучше наслаждаться в уединении, чем среди шумной толпы.

Ф. ПЕТРАРКА

Сергей Львов

ПОЧЕМУ О ХУДОЖНИКАХ

«О жизни прекрасной, но краткой»...

Это слова из книги Сергея Львова о Дюрере («Он так выбрал три цветка—бутона, распустившийся и опадающий,—что они стали рассказом о жизни. О жизни прекрасной, но краткой»)...

Я долго не мог писать о нем. Так не можешь связать двух слов, стоя у гроба друга.

И вот вспомнилось, как четверть века назад он написал для журнала «Молодая гвардия» статью «Род занятий—литературная критика» с подзаголовком «Горестные и радостные размышления о своей профессии».

Действительно, тогда он был известным критиком с более чем десятилетним стажем.

И вместе с тем как-то не умещался Сергей Львов в рамках «своей профессии». Это было видно из самой статьи, где—пусть мельком—говорилось о его частых экскурсах в публицистику (однажды в результате их была даже написана пьеса, но критик был придирчив прежде всего к самому себе и быстро разочаровался в своем драматургическом опыте, а много лет спустя подверг его форменному разному).

Вскоре Сергей Львов стал работать в прозе и прочно там утвердился.

Он был на диво любознательным человеком, в котором огромная эрудиция и основательность подлинного ученого (столь редкостный специалист по немецкой литературе сделал бы честь учебному заведению самого высокого ранга) трогательно сочетались со способностью безоглядно увлекаться новыми для себя проблемами, жизненным материалом, людьми и отдаваться этому со всем жаром души.

Вспоминается, как некоторые искусствоведы были поначалу шокированы тем, что неспециалист в данной области отваживается писать о Питере Брейгеле и Дюрере, а затем не могли не отдать должного тому, как он это делает...

Я перечитываю эту давнюю статью Сергея Львова и нахожу в ней, там, где речь идет о необходимости изучать жизнь, слова:

«Итак, дорога. Дорога даже не столько в прямом, сколько в переносном смысле этого слова, то есть постоянное и деятельное изучение жизни не из вторых рук, а непосредственно».

Вот настоящее обозначение «жанра», в котором Сергей Львов трудился, что бы ни писал—критику, пьесу, фельетон, прозу, письма с дороги—с дороги жизни.

«Я не знаю, где похоронены папа и Юра. Знаю только—они погибли под Вязьмой,—говорится в его «Книге о книге».—Перед боями командир хотел отправить Юру в Москву—ведь он был еще совсем мальчишкой. Приказания Юра не выполнил... остался с отцом».

Скорбные страницы летописи московского ополчения—это страницы из жизни самого Сергея Львова. К победной главе истории Великой Отечественной войны он тоже причастен: сдававшиеся в Берлине в плен немецкие генералы

давали свои первые «интервью» военному переводчику старшему лейтенанту Львову (в его «репертуаре» был устный комический рассказ об этих «собеседованиях»)...

Обратите внимание на черту, которую будет сочувственно отмечать потом писатель в самых разных своих героях:

«На картинах, рисунках и гравюрах Дюрера любовно запечатлены книги: толстые фолианты и тонкие томки, книги в прекрасных переплетах, книги, которые лежат на полках, столах и пропитрах, книги, раскрытые для работы... Он рисовал руки, которые бережно снимают, крепко держат, осторожно перелистывают книги».

А вот в книге о Кампанелле «Гражданин Города солнца»:

«Библиотека его ошеломила и ошастливила. Здесь было несколько сот томов! Может быть, тысяча! Богатство невиданное...

Сам вид книг, шероховатость или гладкость бумаги, узор букв, то, как ощущался переплет, если медленно провести по нему рукой, запах бумаги — все волновало Томмазо».

Быть может, рискну я сказать, автор даже отдал герою свою собственную нежность.

Он с детства полюбил книгу. Эту любовь Сергей Львов пронес через всю свою жизнь, и последнее, что вышло из-под его пера, похоже на страстное признание:

«Мне хочется думать, — писал он, — что, читая „Книгу о книге“, вы ощутите хоть на мгновение близость к океанскому простору, широте и глубине, которые живут в понятии „книга“». И сама глава, откуда взяты эти слова, называется «Почему не может быть конца у „Книги о книге“».

Прекрасная, но краткая человеческая жизнь Сергея Львова завершилась. Но — не писательская!

Даже к тем, кто давно и хорошо знал его, еще идут последние «письма с дороги» — и статья, которую вы сейчас прочтете, и книга его публицистики «Быть или казаться?», вышедшая в издательстве политической литературы.

А каждое новое поколение читателей, листая его книги, откроет для себя по-прежнему живого, умного, ироничного собеседника и почувствует в них неостывающее тепло любви к жизни, к людям, к великой мировой культуре.

Как горько, что его нет...

Как прекрасно, что он был и есть!

А. Турков

Почему мне пришла в голову мысль писать о художниках: Брейгеле, Дюрере, Петрове-Водкине? Отвечаю, начав издаю. Родители мои тяги к изобразительным искусствам не ощущали. Они были для них книгой за семью печатями. В квартире висела темновато-коричневая картина маслом, портрет старика в позолоченной раме. Хорошая картина или плохая? Никто в семье не мог этого определить. Ее называли просто: «Старая картина».

Мы, дети, думали, что картина эта висит в доме, потому что человек, на ней изображенный, похож на дедушку с отцовской стороны.

А еще в доме было пять бронзовых фигур: пышнотелые женщины с подпоясами на подставках: «Европа», «Азия» и т. д. Безвкуснейший «модерн», как я сказал бы о них теперь. Они занимали много места. Отец любил мастерить, и, когда в семье наступил денежный кризис, он переделал эти фигуры в настоль-

ные лампы и отнес их в комиссионный магазин. Некоторое время они нас кормили.

Кроме того, в доме было две папки с репродукциями. Показывая нам папку «Третьяковская галерея», мама объясняла содержание картин: «Бурлаки на Волге тянут баржу, Иван Грозный убивает сына», — растолковывала она сюжет и делала некоторые исторические и литературные пояснения. Вот и все, что она могла сказать о репродукциях.

Если же в такой воображаемой экскурсии по галерее принимал участие отец, он обычно говорил о том, как похоже написаны на картинах деревья, утварь, одежда.

Я знал эту папку наизусть, много раз читал текст, который сопровождал репродукции. Либо в нем было мало сказано о собственно живописном, о краске, о тоне, о колорите, о свете, либо все было так написано, что мне запомнились лишь рассуждения о сюжете. Вторая папка была посвящена одному из французских музеев. Не Лувру! Мне кажется, что в ней были представлены французские художники XIX века, однако не импрессионисты. Это слово я впервые услышал много позже. Помню репродукцию с картины Пюви де Шаванна. Не знаю, как она называлась. Я сам придумал для нее название — «Печальный рыбак». Картина была бесконечно печальной. Такое впечатление производила не только сгорбленная спина, но и краски. Понимал ли я это уже тогда?

Пояснения в папке давались на французском языке. Мама попыталась их перевести и не смогла, ее познания в языке, обладающем столькими специальными терминами именно для живописи, были недостаточными.

Тем временем выяснилось, что если на уроках рисования в школе я самый неспособный, то мой брат Юра хорошо рисует и хорошо обращается с красками. Однажды — мне было тогда лет тринадцать — родители предложили: «А пойдем-ка мы все в Третьяковскую галерею!» Собственно говоря, это уже давно следовало сделать: они и сами-то были там много лет назад, а с тех пор все не могли выбраться. Это был торжественный случай. Мама тщательно осмотрела костюмы — наши и отца. Отец перелистал папку репродукций «Третьяковская галерея», чтобы осветить свои познания. При этом он добросовестно делал выписки.

Мы совершили ошибку неопытных посетителей и прошли по всем залам музея примерно за два часа.

Я сразу узнал некоторые картины, мне показалось, что они точь-в-точь как в папке с репродукциями, только больше.

Я не понимал тогда, чем отличается рассматривание подлинника картины от репродукции. Я видел только: «Что изображено?» Вопрос: «Как изображено?» — не возникал у меня в уме. К

концу осмотра осталось ощущение отупляющей усталости и разочарования, которых я ни за что не хотел показать. Родители так радовались, что мы все вместе — как и подобает культурным людям — побывали в Третьяковской галерее! Они тоже страшно устали, но не признавались в этом.

— Собственно говоря, это следовало бы делать чаще, — сказал отец, но его голос звучал неубедительно.

Подсознательно запомнилось: многое Юра рассматривал в галерее совсем не так, как мы. На некоторые картины он вообще и глядеть-то не хотел. У других, которых мы не замечали, он задерживался. Пока мы рассматривали гигантское полотно Александра Иванова «Явление Христа народу» (теперь-то я понимаю, что это великое произведение, но тогда оно мне решительно ничего не говорило), Юра внимательно разглядывал подготовительные этюды к этому полотну, маленькие прибрежные ландшафты, не мог от них оторваться.

Никогда больше не был я с моими родителями в этой или другой картинной галерее.

Затем произошло большое событие. В Москве среди других существовала чудесная и необычная школа-интернат. Ее еще до революции основала семья Шацких, члены которой придерживались прогрессивных педагогических взглядов. Их традиции в школе сохранялись и развивались. Школе-колонии больше, чем другим, были нужны деньги на приборы, музыкальные инструменты, материал для живописи и т. д. Нескольким московским учреждениям предложили на летние месяцы послать своих детей за небольшую плату в эту школу, как в летний интернат. Мы с Юрой слышали о школе-колонии и охотно согласились, когда родители предложили нам поехать туда. Это были два счастливых летних месяца!

Занятий летом в школе не было, зато работали интересные кружки, например, биологический, члены которого могли работать в саду с лопатой, бродить по лесам и полям, трудиться в лаборатории с микроскопом. Я записался в этот кружок. В литературный тоже. А был еще кружок юных художников. Им руководил учитель рисования.

— Твой брат у меня занимается в кружке, а ты почему не приходишь? — спросил он меня. Я ответил, что у меня нет способностей к рисованию.

— Во-первых, ты сам не можешь этого определить, во-вторых, ты ведь пишешь стихи? Приходи!

Я пришел на занятия и не пожалел. Учитель не стал требовать, чтобы я непременно рисовал или писал красками. Я должен был только «участвовать». В чем?

— Смотреть, — сказал учитель.

Кружковцам предстояло рисовать и писать натюрморт. На грубый и выскобленный светлый стол, по которому было видно, что он происходит из деревенской избы, учитель поставил темную, почти черную глиняную кружку, разрезанный каравай хлеба с темно-коричневой коркой, светло-коричневым мякишем и несколько золотисто-желтых луковок. Он все это долго передвигал и переставлял, спрашивая нас:

— Хорошо? А теперь? А вот так?

Я не видел смысла в такой долгой подготовке, но участники кружка были целиком поглощены этим делом. «Может, это завтрак бедного крестьянина?— подумал я.— Хлеб, вода, лук? Возможно, но зачем все так долго двигать? Какое значение имеет, справа или слева от каравайной кринки?» Но я заметил: не только учитель старательно переставляет предметы, все кружковцы внимательно следят за тем, что он делает. Наконец кто-то радостно воскликнул:

— Вот так!

Большинство согласилось.

— Да, вот так!

Значит они видят что-то, чего не вижу я. Это мне не понравилось. Тут есть над чем поразмыслить! Кружковцы начали работать.

— Хочешь попробовать?— спросил меня учитель. Я не хотел. Рисовать кринку. Зачем?

— Тогда взглядишь как следует. Но если не хочешь, можешь уйти.

Я остался. Было что-то завораживающее в том, как другие начали рисовать и писать красками. Некоторые писали маслом. Запахло скипидаром. Я не подозревал тогда, что годы спустя жизнь нашей семьи будет долго сопровождать этот запах.

Не буду утверждать, что сразу же заметил, как предметы натюрморта влияют друг на друга, как на черно-коричневый бок кринки ложатся золотые отблески желтых луковок, как коричневая мякоть хлеба и светлая поверхность стола ведут между собой беседу и как меняется весь натюрморт, когда передвигают предметы. Я почувствовал, как все изменилось, когда стол покрыли старой красной тряпкой. А как непохоже друг на друга выглядели картины, которые написали мои друзья, изображая одни и те же предметы! Я не смог бы выразить этого тогда ясно, но я— хоть поначалу и смутно— ощутил: одни и те же простейшие вещи воспринимались ими по-разному и выражали различные чувства.

Затем начались походы на этюды. Школа лежала посреди лесов и полей. Учитель отправился с нами искать подходящий пейзаж. Искали долго. Ради чего столько искать? В конце концов

все деревья одинаковы! — подумал я. Наконец, на опушке леса было выбрано место. Перед нами узкая просека, уголок пруда, старые березы на берегу, кажется, все. Все? Целый мир! Но тогда я этого еще не понимал.

Кружковцы были в восторге, особенно потому, что на переднем плане лежал большой валун.

— Лежит тут, верно, уже несколько тысяч лет, — сказал учитель.

Началась работа. Так как я повторил, что у меня нет способностей к рисованию, учитель снова предложил мне, чтобы я внимательно наблюдал, как рисуют другие. Я увидел, как все они, включая учителя, рисуют и пишут один и тот же лесной уголок, услышал слова, которыми они перебрасывались, почувствовал, как запах красок и скипидара сливается с запахом луговых трав и леса.

Оказалось, что уголок леса выглядит по-разному на различных этюдах. Мирный и гостеприимный на одних, он таинствен на других, мрачен на третьих. Я бы не смог выразить тогда это в словах, но мне кажется, что у меня уже тогда возникло ощущение — художник не просто пишет «портрет» лесного уголка, он пишет и «портрет» своего настроения, «портрет» состояния природы и своего собственного.

А еще важнее другой вывод: ни натюрморт — кринку, краюху хлеба, лук, ни пейзаж — уголок леса — березы, пруд, камень, не увидишь сразу. Чтобы увидеть по-настоящему, надо долго вглядываться. Старый художник не научил меня ни рисовать, ни писать красками, а вот смотреть немного научил.

...А теперь я переносюсь через несколько десятилетий. Я рассказал по радио о школе-колонии и об уроках старого художника. Сказал, что, к сожалению, забыл его имя, но не забуду его самого. В ответ пришло много писем. Писали люди, которые тоже были в этой школе, и не случайно, как я, два летних месяца, а несколько лет. Они знали старого учителя рисования. Оказалось, то известный художник — Дмитрий Иванович Архангельский, он еще жив и его бывшие ученики приезжают к нему на каждый день рождения. А живет он под Москвой в поселке с поэтическим названием Родники. Ближайший день рождения — через неделю. Меня приглашают, старый мастер очень будет рад.

На вокзале собрались женщины и мужчины примерно моего возраста. По дороге они рассказали, что к ученикам Дмитрия Ивановича принадлежал один из самых известных советских художников — покойный Аркадий Пластов, он учился у Д. И. Архангельского — двадцатые годы, что самые талантливые из учеников Архангельского по школе-колонии, с которыми я позна-

комился летом 1935 года, погибли на фронте и что старый мастер сохраняет их работы, что из сегодняшних гостей, за исключением одного, никто не стал профессиональным художником.

Дмитрий Иванович встретил нас на пороге своей квартиры. Он был очень стар. Я бы не узнал его. Он меня тоже не узнал. Когда я представился и рассказал, как посещал его кружок, он сказал:

— А это вы! Тот, который не рисовал, а только наблюдал, чтобы потом написать об этом. Интересная идея!

Я хотел сказать, что идея принадлежала ему, но он прервал меня:

— Не было ли у вас брата? Очень способный мальчик.

Я подтвердил: брат был!

— Что он делает?

— Погиб на войне...

Мастер вздохнул и смолк.

Гости обменивались воспоминаниями, говорили об одноклассниках и учителях. Мы уселись за длинный стол. Первый бокал был выпит за тех, кому не суждено появиться за этим столом. Мы выпили его молча, не чокаясь. Второй тост был обращен к мастеру. Рассказывали, что он до сих пор каждый день много часов рисует и пишет на воздухе. Если у него нет сил добраться до зеленой окраины, он остается перед дверями своего дома и пишет соседнюю улицу, дома, куст сирени. Из этого постепенно возникает сюита «Моя улица». Я вслушивался в этот рассказ и размышлял, почему многие художники живут столь долго, сохраняя бодрость. Может быть, они иначе, чем окружающие, связаны с природой?

Потом началось главное. Притащили старый деревянный сундук, полный акварелями и гуашами мастера. Даты восходили к началу 30-х годов. Последние работы возникли несколько месяцев или недель назад. Их разложили по столу, скамьям, кушетке и стульям. Начался просмотр. Как я уже говорил, среди гостей только один стал профессиональным художником. Остальные — врачи, инженеры, ученые. Но как они рассматривали работы! Какими точными были их суждения! Затем произошло нечто неожиданное и драматическое. Старый мастер начал раздавать свои листы. Мы пробовали возражать, говорили, что работы могут понадобиться ему для выставки.

— Выставок у меня было достаточно, — устало и мудро сказал мастер.

Он принял на обороте листов подписывать работы старой, но уверенной рукой. Каждый из нас по его просьбе рассказал о своей жизни, о своей профессии. Я упомянул, что мой первый рассказ назывался «Рисунок карандашом» и что он во многом

был вдохновлен моим с ним знакомством. Правда, я перенес действие рассказа в высшую школу, превратил кружковцев из школьников в студентов, но оставил руководителю черты Дмитрия Ивановича. Рассказ появился в 1954 году—это был мой дебют в прозе,—его много раз перепечатывали, читали со сцены, инсценировали для телевидения и, что всего неожиданнее, перевели на вьетнамский язык и издали в сражающемся Вьетнаме. Рассказ был связан с войной...

— Но я давно ушел от него,—сказал я.—Изобразительное искусство трактуется в нем слишком литературно, только с точки зрения содержания.

— Прочитаю,—пообещал мастер.

Я получил от него подарок—этуд с изображением лесной школы той поры. Край леса, несколько березок, древний валун...

...А теперь вернусь в детство. Когда мне было 14 лет, я поехал в Ленинград. Мой ленинградский двоюродный брат тут же повел меня в Эрмитаж. Бесконечные залы, роскошные потолки с лепниной, инкрустированный паркет, картины, скульптуры, снова картины...

Двоюродный брат хотел показать мне музей как можно добросовестней. Мы осмотрели «все» за три часа, и я был измучен предельно. В голове мешанина: краски, темы, сюжеты, имена, даты, обрывки пояснений экскурсоводов, реплики брата. Вечером я пошел к бабушке. У нее в гостях был знакомый: литератор, большой знаток искусства. Он спросил меня, что я повидал в Ленинграде.

— Эрмитаж,—ответил я.

— А что именно?

Я попробовал рассказать. Сплошная каша!

— Не хочешь ли еще раз пойти в этот музей?

Я не был в восторге, но не мог разочаровать просиявшую при этом предложении бабушку и согласился. Этот осмотр не был похож на первый. Мой новый гид предложил мне показать ему картины, которые позавчера понравились мне особенно. Я неуверенно показал ему несколько полотен. Кажется, то были «Бобовый король» Иорданса, «Собака» Пауля Поттера, «Мужской портрет» Франса Хальса и натюрморт с виноградом, бокалом вина, ракушкой и разрезанным лимоном работы художника, имени которого я уже назвать не могу.

— Достаточно,—сказал мой руководитель, а я испугался, что он начнет меня расспрашивать.

— Ты бы хотел взять эти картины с собой?—неожиданно спросил он.

Я был поражен. Что бы это могло значить?

— Я предлагаю тебе внимательно рассмотреть каждую из

этих картин — внимательно и долго, покада они не отпечатаются у тебя в памяти.

— Но ведь я могу потом разглядеть репродукции или открытки,— возразил я.

— От репродукций есть некоторая польза. Но ты все-таки внимательнее погляди на сами картины.

Мы снова остановились перед «Бобовым королем» Иорданса. Я разглядывал картину несколько минут и хотел было идти дальше. Но мой спутник не сдвинулся с места. Я не решился уйти. Я смотрел на картину, я глазел на нее, я пытался ее понять. И вдруг—нет, не так уж вдруг—после некоторого времени произошло чудо. Исчезла рама, я больше не замечал ни посетителей, ни моего провожатого. Поверхность полотна тоже исчезла и передо мной было общество за столом, чужая жизнь, движение, радость...

Позавчера мой двоюродный брат и я прошли по всему музею за три часа, сегодня моему спутнику и мне понадобилось почти столько же времени на три картины. И как же это оказалось увлекательно!

— На сегодня достаточно,— сказал старый литератор, и мы ушли из Эрмитажа. И тут выяснилось, что я действительно взял с собой эти картины. Они остались со мной, во мне, перед моими глазами, и когда мы спустя несколько дней заговорили с моим новым знакомым о картинах, мне уже не нужны были репродукции! Каждая картина стояла передо мной. Не только ее сюжет, но и краски, светотень, ее неподвижное движение — все! Мне понравился такой способ разглядывать картины. Я еще несколько дней ходил потом сам в Эрмитаж и Русский музей и уносил с собой картины. Когда вернулся в Москву, оказалось, что я привез небольшую коллекцию, существующую и сейчас в моем воображении. С тех пор я придерживаюсь этого метода. Незримо-зримый музей постоянно обогащается, некоторые картины уходят в запасы подсознания, многие остаются в залах памяти...

...Наступили годы усиленных занятий литературой. Нас — участников литературной студии московского Дома пионеров старались образовать всесторонне, водили в Музей изобразительных искусств, объясняли нам сюжеты скульптур и картин, говорили о манере их создателей. В этих занятиях было много хорошего, но, как мне вспоминается, упор все же делался больше на «что?» — то есть на тему и сюжет, а «как?» оставалось несколько в тени. Все же постепенно во мне стал развиваться интерес к живописи. Когда у меня позже, уже взрослому, появилась возможность, я начал покупать книги по искусству, бывать на выставках, подружился с несколькими художниками. Но глубоким этот интерес тогда еще не стал.

Однако в самом начале этих усиленных занятий искусством я изрядно осрамился. Я работал тогда — это было четверть века назад — в редакции «Литературной газеты». Начал выходить новый литературный журнал. Он публиковал не только прозу и стихи, но и репродукции с картин и рисунков. Один рисунок мне чрезвычайно понравился. Он изображал мать, которая показывает сыну портрет отца, погибшего на фронте. А я как раз пытался тогда написать рассказ, посвященный моему отцу, который тоже погиб на фронте. Настроение этого рисунка совпадало с моим, точнее, так мне почудилось. Я написал восторженную рецензию на рисунок. Мои коллеги попытались убедить меня, что следовало бы быть покритичнее. В рисунке есть большие недостатки. Я и слышать не желал возражений. Статья была набрана и запланирована в следующий номер. Во время верстки меня позвал главный редактор. Гранки рецензии лежали у него на столе.

— Вы не преувеличиваете? — спросил он. «Ага, — подумал я. — С ним уже кто-то поговорил».

— Ничуть не преувеличиваю, — сказал в сердцах. — Прекрасный рисунок!

— И все-таки я вычеркнул бы этот абзац, — возразил шеф и указал карандашом на особенно патетическое место. — Все в целом должно стать более спокойным и деловитым.

Строки вычеркнули. На полосе возникла «дыра», которую нужно было заткнуть. Секретарь редакции предложил поставить на освободившееся место репродукцию взрослого мной рисунка. Так и сделали, и на следующий день все читатели смогли прочитать как мою рецензию, так и увидеть рисунок, которому она посвящалась. Они находились в резком контрасте друг к другу. Я писал о большом даровании, о простом и лирическом содержании рисунка, а читатели, понимающие в искусстве, видели, что оба персонажа рисунка позируют, как в сентиментальном спектакле, что изображение слащаво, линия невыразительна и слаба. Илья Эренбург, который очень интересовался изобразительным искусством и знал в нем толк, спросил у общей знакомой: «Что с вашим Львовым? Он что, спятил?» Мне это, разумеется, передали.

На редакционном совещании мне выдали по первое число. Я вызывающе защищался и твердо стоял на том, что рисунок хорош, хотя уже внутренне чувствовал, что ошибся.

Последний удар нанес случай. В санатории, где я лечился, жила писательница старшего поколения, работы которой производили на меня очень сильное впечатление. Я попросил общих знакомых представить меня ей.

— Это он написал такую дурацкую рецензию об этом рисунке? Если да, предпочитаю с ним не знакомиться!

Я все-таки представился ей сам, сказал, что эти строки действительно написал я, но признаю теперь, что был неправ. Я уже понял, в чем моя ошибка. Тема заслонила перед моим взглядом все остальное, я забыл, что рисунок должен быть изображением, которое выражает идеи средствами изобразительного искусства. Этот лишь обладал внешними признаками художественного произведения, подобно тому, как встречаются стихи, обладающие рифмами и ритмом, эпитетами и метафорами, но не ставшими поэзией...

...Я поклялся никогда больше не писать об изобразительном искусстве! Но тут заболела наша десятилетняя дочь. Когда после многих тяжелых недель в больнице она стала чувствовать себя легче и заскучала, я принес ей в палату альбом и цветные карандаши. Она принялась рисовать. Спустя несколько месяцев она оправилась от болезни, но рисования не бросила. Оно приносило ей очевидную радость. Есть ли у нее способности? Я сам определить этого не мог. Рисуют почти все дети и многие очень хорошо. Что это — период, который прекратится, или призвание? Если ребенок со страстным увлечением занимается чем-нибудь, надо посоветоваться со знатоками. Его начальные шаги могут оказаться ничего не означающими, но могут указывать на будущую судьбу. Я попросил двух известных художников, с которыми дружен — живописца и книжного иллюстратора Т. Маврину и ее мужа, графика и иллюстратора Н. Кузьмина, — посмотреть Ленины рисунки. Они разглядывали их очень внимательно. Затем был произнесен приговор.

— Способности, вероятно, есть, но цветные карандаши и акварель, — сказали они, — труднейшая техника. Она не подходит для ребенка! Купите вашей дочери простые гуашевые краски, толстые кисти, бумагу большого формата. Это может быть обратная сторона дешевых обоев. Дайте ей для работы большие плоскости.

Так я и поступил. Никогда не забуду дня, когда дочь очутилась перед большим листом бумаги, получила толстые кисти и баночки с плакатной гуашью. Первая же полоса, проведенная ею красным, вызвала у нее радостное восклицание. Рядом легла синяя полоса, потом желтое и зеленые пятна. Вначале хаос цветных полос и пятен, на следующий день — огромный фантастический, светящийся цветок, похожий на птицу, а птица, похожая на цветок.

С тех пор прошло много лет и в нашем доме неизменно пахло красками, маслом, скипидаром, повсюду лежали рисунки, наброски, эскизы. Все крынки, вазы, платки превращались в натюрморты. Моя жена и я были постоянными объектами портретирования, к нам то и дело приходили Ленины друзья —

молодые художники и ее натурщицы. Она обучалась живописи вначале в кружке для детей, потом в студии талантливого и своеобразного художника.

Мы покупали папки с репродукциями, книги по истории искусства, посещали выставки. Я помогал Лене натягивать холсты на подрамники, таскал, когда ей самой это было не под силу, ее картины к ее учителям и на выставки, познакомился с ее новыми друзьями, помогал ей готовиться к экзаменам на искусствоведческое отделение Московского государственного университета. Изобразительное искусство стало частью нашей жизни.

Я по-прежнему прилежно посещал музеи и выставки, рылся в букинистических магазинах в поисках книг по изобразительному искусству, наблюдал, как трудятся художники, и присутствовал при их разговорах.

И тут произошло еще одно событие. Мне посчастливилось принять участие в большом путешествии: наша делегация побывала в Голландии, на Кубе, в Мексике и Канаде. Всюду наряду с другими достопримечательностями мы осматривали картинные галереи. Мне бросилось в глаза, как по-разному смотрят картины разные люди. Большинство начинает с подписи. Если под картиной имя известного художника, они мгновенно делают вывод: это стоит посмотреть! Но прежде, чем смотреть на нее, они читают еще и название картины, будто надеются, что оно выразит все ее содержание. Некоторые посетители, особенно американцы из Штатов, проходят по залам с раскрытыми путеводителями. Находят номер в путеводителе, бросают беглый взгляд на картину, убеждаются в том, что это та, которую описывает путеводитель, и погружаются в его чтение — ведь все, что надо знать о картине, там написано! Иначе смотрели картины другие посетители, среди них и часть моих спутников. Они уже издали замечали произведение, привлекающее их взгляд, часто узнавали художника по манере, еще не прочитав его имени. Название картины не играло для них особой роли: они понимали, что содержание картины не может быть полностью выражено словами, да и название, под которым она выставляется, часто вообще не соответствует тому, которое дал мастер, а следует позднейшей традиции элементарных словесных пояснений к ней.

Среди спутников меня в этом отношении больше всего поражал знаменитый химик, академик В. Каргин (он скончался несколько лет спустя после нашего путешествия). Раньше мне не приходилось встречать у непрофессионала такого чутья к живописи и скульптуре. Он смотрел на картины так, как рекомендовал мне когда-то старый ленинградский литератор: выбирал

немногие и стоял перед ними до тех пор, пока они не отпечатались в зрении и памяти. Но при этом было видно: его способность верно оценивать картины основывается не только на непосредственном созерцании, но и на многообразных познаниях в искусстве и истории искусства. Многие в нашей группе считали, что он готовился к путешествию специально. Вероятно, готовился. Всю предшествующую жизнь.

Наша поездка приготовила нам много неожиданностей. Кто из нас тогда в Москве в 1961 году мог догадываться, какие сокровища искусства увидим мы в Музее истории искусства на Кубе? Мы были второй делегацией советской интеллигенции в этой стране, побеседовать с первой у нас не было возможности. Путеводителя у нас не было. Все было неожиданным и новым. У входа в один из залов академик Каргин остановился и восторженно воскликнул:

— Фаумская живопись! Она как здесь оказалась?

Никоим образом он не мог подготовиться к тому, что мы увидим в Гаване большую и ценную коллекцию этой своеобразнейшей живописи Древнего Египта I—III веков. Очаровательная кубинская девушка—наш гид по музею—коротко рассказала, как эти произведения попали на Кубу. Я, к сожалению, не помню ее пояснений. Но я не забуду импровизированную лекцию академика Каргина об истории, темах и технике фаумского портрета, лекцию, прочитанную без всякой подготовки специалистом по химии.

Он занимался пластическими массажи. Когда репортеры брали у него на аэродроме в Мехико-Сити интервью, он заговорил о мексиканском искусстве. Один из журналистов решил, что ослышался, когда называли должность, и написал в своей информации — «академик В. Каргин — руководитель научного института по изучению пластических искусств».

Позже я принял участие в другой поездке — в Австрию. Там я пережил восторг встречи с Питером Брейгелем Старшим. Вот тогда я нарушил обет никогда больше не писать об изобразительном искусстве. Написал небольшую заметку о зале Брейгеля. Увы, допустил в тексте небольшую ошибку и получил критическое письмо читателя. Тогда я решил разобраться в своей ошибке, а пока разбирался, увлекся Брейгелем больше, чем прежде. Оказалось, что хотя о живописи Брейгеля написано очень много, его жизнь остается совершенно в тени. И не потому, что она не интересует исследователей и читателей, а потому, что о ней не сохранилось почти никаких сведений. Все, что известно, можно легко записать на одной страничке. Мне показалось интересным попытаться воссоздать жизнь, в которой так много белых пятен. Я занимался этим несколько лет и написал книгу о

Брейгеле. Она появилась в 1971 году. В промежутке между заметкой о Брейгеле и книгой о нем я написал два небольших эссе о скульпторе Барлахе, вдохновленный повестью писателя из ГДР Франца Фюмана «Барлах в Гюстрове», в 1977 году — книгу о Дюрере. Собираюсь ли я дальше писать книги о художниках?

Непреренно. Повесть о жизни и творчестве выдающегося русского художника и писателя Петрова-Водкина (1878—1939) только что закончена. Петров-Водкин — одна из самых значительных фигур в искусстве XX века. Писать о нем — задача нелегкая. Петров-Водкин, сам всю жизнь разрываясь между живописью и литературой, написал несколько автобиографических книг. В них много материала, но мою работу они осложняли.

Следующий замысел не привязан к одному лицу. Хочу попытаться написать о художниках, которые были одновременно еще прозаиками и поэтами. Художники и скульпторы часто уверяют, что их искусство не может быть выражено словом и в слове. Притом многие из них, вспомним хотя бы Микеланджело, Дюрера, Делакруа, Репина, Барлаха, берут перо и становятся большими художниками слова.

Два года назад я был в ГДР. Там как раз состоялась VIII выставка изобразительного искусства (1976—1977). В поезде я познакомился с двумя молодыми немцами, техниками-строителями. Они оказались общительными и разносторонними собеседниками. От общих вопросов: откуда я приехал, где изучал немецкий язык и т. д. разговор перешел к моей профессии и через нее к книгам, которые я написал о старых художниках. Мои спутники захотели услышать мое мнение об упомянутой выставке и были очень разочарованы, когда я сказал, что знакомство с ней мне еще предстоит. Все-таки они задали мне нелегкий вопрос: надо ли прилагать усилия, чтобы понять картину, или каждая картина должна говорить языком, понятным с первого взгляда?

Мне приходится слышать этот вопрос часто и не только применительно к живописи. Я попытался ответить на него. Предполагается, что красоту природы каждый человек воспринимает без труда. Каждый-де видит, как прекрасно поле, грозна гроза, привлекательно дерево, величественна гора. Так уж и каждый? Мне случалось видеть людей, для которых все это на протяжении всей их жизни не существовало. Для них снег был белым и только белым, как писчая бумага или сахар в сахарнице. Они никогда не замечали и не верили поэтам и художникам, что под солнечными лучами снег может казаться голубым и что на нем лежат синие тени. Разве каждый заметит красоту пейзажа, описанного в повести «Степь» Чехова, в «Певцах» Тургенева, в повестях Эйхендорфа, в стихах Гейне?

— Взгляд,— сказал я моим спутникам,— нуждается в упражнении и обучении, хотя с этим согласятся не все.

Для соседей по купе это оказалось несколько неожиданным. Но ведь в упражнении нуждаются все! Не каждому от природы даны способности воспринимать серьезную музыку, поэзию, живопись. Однако это такая задача, которой стоит отдать часть своей энергии, не страшась, что зря ее растратишь. Великий английский ученый Дарвин на склоне лет решил подытожить свой жизненный опыт. Он сожалел, что его восприятие искусств—в широком смысле слова—недостаточно. И написал в этой связи: «Утрата восприятия подобных вещей (он имел в виду художественную литературу и искусство.— С. Л.) равносильна утрате счастья». Прекрасные слова!

И еще одна мысль по этому поводу. Часто молчаливо предполагается, что старые мастера говорили в изобразительных искусствах общедоступным языком. Далеко не всегда! Вспомним хотя бы гравюру на меди Дюрера: «Меланхолия». Можно уставить длинную полку книгами, которые стремились истолковать это произведение, а оно осталось неисчерпанным. То же можно сказать, например, и о «Нидерландских пословицах» Брейгеля Старшего. Искусство и художники—старые и наши современники—говорят на своем особом языке. Ритм линий, игра красок, характер мазка и поверхности полотна, прикосновение кисти—вот слова и слогги этого языка, вот ноты этой музыки. Научиться понимать этот язык—сложная задача, радость и счастье. Для того чтобы овладеть им, не жаль ни времени, ни стараний.

Примерно так я ответил на вопрос моих попутчиков. Подумал, что VIII выставка, вероятно, заслуживает внимания, если может стать поводом для такого разговора. А мои собеседники не просто слушали, они выдвигали контраргументы.

Попав, наконец, на выставку, я прежде всего заметил несколько сложных картин, созданных при помощи так называемого симультантного монтажа. На них действие происходит одновременно на нескольких временных уровнях и оно не жизнеподобно, а символично. Мне подумалось, что именно эти картины вызвали вопросы моих новых знакомцев. Не стану утверждать, что эти картины с первого взгляда стали мне понятны и понравились безоговорочно. Но впечатление они произвели на меня сильное, особенно те из них, которые посвящены историческим темам.

Когда вглядываешься в эти картины, возникает принципиальное соображение. Некогда Лессинг в своем «Лаокооне» установил границы между важнейшими родами искусств. Есть художники, которые с самого начала признают эти правила, не переступают через них и не хотят через них переступить. При

соблюдении этих принципов возникает диалектическое противоречие. Сопротивление правил и материала: камень, поверхность металла или бумаги, сонетная форма выдвигают перед художником и поэтом особые задачи и трудности. Преодоление этих трудностей в пределах заданных правилами границ вызывает величайшую силу воздействия.

Эразм Роттердамский восхищался и высочайшим образом оценивал выразительность, которую обретают гравюры Дюрера: целый мир, полный движения и страсти, создан чередованием черно-белых пятен! В этом смысле мне понравились на выставке многие картины, которые достигают большой силы воздействия, казалось бы, самыми скромными средствами, их создатели знают, сколь много можно достичь отбором средств, какой большой выразительностью обладает, казалось бы, сдержанный колорит. Я имею в виду некоторые портреты и автопортреты, некоторые пейзажи и жанровые картины.

Но может ли тут существовать общее правило? Вряд ли. Мы свидетели развития, которое совершают сейчас многие писатели и художники. Современная литература многому учится у современного кино: перебивки, крупные планы, наплывки, симультантная композиция, разные монтажные средства. И многое другое. Исключить эти приемы из современной прозы невозможно. Кино со своей стороны многим обязано современной живописи и графике. Многие хорошие кинокартины последних лет немыслимы без средств, заимствованных у живописи. В свою очередь, живопись пытается разгадать и использовать секреты других искусств. А почему бы и нет? Это взаимодействие искусств — характерная черта нашего времени. VIII выставка изобразительных искусств ГДР утвердила меня в этих мыслях.

Изобразительное искусство — поле, бесконечное для размышлений писателя. Вот почему я писал, пишу и собираюсь писать о нем.

И еще один вывод.

Понимание живописи не всем дается от рождения, как не всем дается от рождения музыкальный слух. Но я уверен, что его можно развить в себе и что усилия, потраченные на это, вознаградят человека.

Чего-нибудь не знать и не понимать — не стыдно. Стыдно вставать на позицию: «Я этого не понимаю, значит, это плохо!» Плодотворен иной подход: «Я этого не понимаю, значит, надо посмотреть, вникнуть и разобраться».

Когда-то живопись была для меня книгой за семью печатями, теперь я не могу представить себе жизни без нее. Поэтому и написал эти заметки. Поэтому пишу о художниках.

Александр Бобров

КНИГИ СОБРАТЬЕВ

На память сыну, а не веку,
Не все подряд — ведь не музей —
Я соберу библиотеку
Стихов собратьев и друзей.

Они не больно знамениты
По первым книгам и стихам,
Их барельефы не отлиты
И будут ли — судить не нам.

Ликуя, мучаясь и веря,
Не от сохи, но от земли,
Они вместили наше время
И отразили как могли.

А время было не из легких,
Да их и нет, иных времен,
Кому-то не хватило легких
Пропеть о том, что понял он.

Но строки, что сумел собрать я
И передать на юный суд,
Не подведут моих собратьев,
Забудут их иль вознесут.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Ф. А. 9, 27
 Абрамов Я. В. 141
 Аверченко А. Т. 47, 55, 56
 Азанова М. А. 123
 Айтматов Ч. 33
 Акимов Н. П. 47, 49—51, 58, 68
 Аксаков И. С. 32
 Аксаков К. С. 32
 Аксаков С. Т. 196
 Александр I 226, 227
 Алексеев В. В. 124, 145
 Алексеев В. М. 74
 Алексеев М. Н. 9
 Алексей Михайлович 77
 Алтаев Ал. (Ямщикова М. В.) 113
 Алчевская Х. Д. 186
 Альшенишкис П. 149
 Ананьев А. А. 30
 Андерсен Х. К. 13, 18, 65, 166
 Андреев Л. Н. 45, 139
 Андреев Ф. 239
 Андреева Е. И. 239
 Андрейчик А. С. 60
 Анненков Ю. П. 60
 Антанавичюс В. 150
 Антик В. М. 113
 Антонов С. П. 9, 55
 Антоновский Б. И. 60
 Аписит А. П. 145
 Апулей 127
 Арапов П. Н. 50
 Ардаматский В. И. 55
 Ардов В. Е. 53, 54
 Ариосто Л. 35
 Аристотель 85
 Аристофан 35
 Архангельский Д. И. 250—252
 Архилох 104
 Асако Сано 118
 Асафьев Б. В. 64
 Асеев Н. Н. 60
 Астафьев В. П. 9
 Аугустинавичюс А. 153
 Афанасьев А. Н. 12, 65
 Афанасьев К. 216
 Афонин Г. И. 64
 Ахматова А. А. 70, 72
 Бабель И. Э. 60
 Багдонавичюс Г. 150, 152, 153
 Байрон Дж. Н. Г. 18, 35
 Бакланов Г. Я. 30
 Балакирев, шут 45
 Балашов Д. М. 31
 Балугьянский М. А. 218, 219
 Бальзак О. де 8, 36, 100
 Бальмонт К. Д. 72, 175
 Бальцывичюс П. 151
 Бантыш-Каменский Н. Н. 81—83
 Барановский П. Д. 81
 Баратынский Е. А. 130, 227

- Барбюс А. 20, 98
Барлах Э. 258
Бартошевич А. А. 51
Бартэн А. А. 55
Баснин П. П. 84
Батюшков К. Н. 134, 227
Бахрушина В. Ф. 86
Бахтин М. М. 39
Бебель А. 142
Бедный, Демьян 55, 145
Безыменский А. И. 60
Белинский В. Г. 134, 135, 221,
222, 229, 236
Белов В. И. 9, 27
Белокуров С. А. 86
Белоусов Л. А. 216
Белоусов Р. С. 69
Белуха Е. Д. 158, 159
Белый А. 70, 139
Беляев И. Д. 206
Беляев И. П. 30
Бем Е. М. 145
Бенкендорф А. Х. 237
Венуа А. Н. 189
Беранже П. Ж. 36
Берков П. Н. 178
Бернес М. Н. 50
Бернштейн С. Б. 18
Бессонов С. В. 50
Бестужев А. А. 226, 235
Бестужев Н. А. 86
Бехер И. Р. 104, 105
Бец М. 192
Биссет Д. 167
Бисти Д. С. 114
Благодаров Я. 63
Бласко Ибаньес В. 66
Блок А. А. 70—74, 103, 139,
199
Бобров А. А. 261
Богатов Н. А. 145
Богатырев К. П. 189
Богатырев П. Г. 18
Богданович М. 176
Бодлер Ш. 198
Бомарше П. О. Карон де 36
Борель П. 220
Борис Годунов 232, 233
Брайль Л. 112
Брейгель П. Старший 245,
257—259
Брехт Б. 58
Бриммер Н. Л. 159
Бродский И. И. 97, 98
Бродский С. Г. 115
Брокгауз Ф. А. 49, 58
Брюс Я. В. 126—128
Брюсов В. Я. 44, 70, 72, 74, 139
Буало Н. 35
Будищев А. Н. 55
Булак М. 153
Булгаков М. А. 174, 175
Бунин И. А. 45, 139
Бунин Л. 86
Бурба А. В. 157
Бург И. Ф. 82
Бутовский А. И. 86
Буш В. 63
Бычков С. С. 162
Бюлер Ф. А. 84—86
Вавилов С. И. 99
Вагин В. В. 31
Вадимов А. А. 52
Валери П. 196, 198
Валос Т. 153
Василевский И. Ф. 135
Васильев И. 27
Вахтангов Е. Б. 58
Вашак Б. 118
Вейсс Р. Ф. 225
Венгеров З. А. 111
Вергилий Марон Публий 35
Вересаев В. В. 103, 104
Верн Ж. 12
Вигель Ф. Ф. 235
Вийон Ф. 198
Виланд К. М. 17
Виллиам Г. Я. 64
Вилутис М. П. 150

- Виноградов В. В. 23
 Винтер К. 21, 23
 Вишнеvский В. Е. 50
 Воейков А. Ф. 134
 Воинов В. П. 55, 56
 Воинов Вc. В. 56
 Войнич М. 123
 Войнич Э. Л. 8, 110—120, 122, 123
 Волжина Н. А. 114
 Волинский А. П. 79
 Вольтер 35, 63
 Вольф М. О. 60
 Воробьев К. Д. 9
 Воронцов М. С. 233—235
 Востоков А. X. 216, 218, 219
 Вудхауз П. Г. 49, 66
 Вяземский П. А. 130

 Габрилович Е. И. 122
 Гаварни П. 63
 Гагарин П. Г. 227
 Галауне П. 152, 153
 Галле И. С. 64
 Гальперин М. П. 122
 Гальперина Е. М. 122
 Гамсун К. 36
 Гарин Н. (Гарин-Михайловский Н. Г.) 13
 Гарт Ф. Брет 66
 Гатцук А. А. 139
 Гауптман Г. 20
 Гачев Г. Д. 33
 Гачев Д. И. 34
 Гегель Г. В. Ф. 17, 39
 Гедминас А. 153
 Гейне Г. 17, 35, 258
 Гельфрейх В. Г. 88
 Геньшена И. 150
 Герберштейн Э. 86
 Гермашев М. М. 145
 Гернет М. Н. 64
 Геродот 20, 85

 Герцен А. И. 44, 202
 Герценштейн Г. М. 140
 Гесиод 104
 Гёте И. В. 17, 34, 35, 41, 69
 Гибавичюс Р. 150, 151
 Гиляровский В. А. 47
 Глаголев Н. 113
 Глазков Н. И. 102
 Глазунов И. И. 200, 201
 Глазунов И. С. 173
 Гнатюк В. М. 185
 Гнедич Н. И. 16
 Гоголь Н. В. 31, 37, 61, 146
 Голиков И. И. 65, 229—238
 Голицын П. А. 86
 Голлербах Э. Ф. 98, 158, 159
 Голсуорси Дж. 66
 Гомер 16, 35, 103, 104
 Гончаренко С. Ф. 24
 Гончаров А. Н. 233, 234, 238
 Гоппе Г. 139
 Гораций 35, 85
 Горбунова 199
 Горелов А. Е. 71
 Городецкий С. М. 72, 91, 98, 139
 Горький Максим 8, 31, 72, 98, 145, 146, 148, 162—164, 186—188
 Готье В. Г. 200
 Готье Ю. В. 206
 Гранвиль 14
 Грачев 200
 Грейг А. С. 61
 Греч Н. И. 219
 Грибоедов А. С. 128, 129
 Гримм Я. и В. 166
 Гринченко Б. Д. 186
 Гринь Иванович 180
 Грот Я. К. 212, 220, 222, 224
 Гуань Ханьцин 75
 Гусев Г. М. 25
 Гюго В. М. 8, 36

- Давыдов Д. В. 228
Д'Актиль А. 60, 61
Даль В. И. 50
Данилевский Г. П. 87
Данте Алигьери 35
Дарвин Ч. Р. 259
Декарт Р. 37
Делакруа Ф. В. Эжен 258
Демокрит 63
Державин Г. Р. 40
Дефо Д. 14
Джамбул Джабаев 100
Джекобс В. 49
Джером Дж. К. 66
Джованьоли Р. 13
Диделите Г. 157
Дидро Д. 34, 35
Диккенс Ч. 18, 35, 47, 66, 100
Добржинский К. А. 140
Добужинский М. В. 60, 155,
173
Доде А. 50, 66
Дойл А. К. 66
Домье О. В. 61
Доре Г. 14, 15, 63
Доризо Н. К. 9
Дорошевич В. М. 65
Достоевская А. Г. 201
Достоевский Ф. М. 31, 40, 59,
139, 174
Драйзер Т. 105, 106
Дрожжин С. Д. 189
Дыховичный В. А. 55
Дюма А. 66
Дюрер А. 245, 246, 258—260
- Евреинов Н. Н. 55, 58
Еврипид 35
Екатерина II 61, 80, 205, 230
Елизавета Петровна 205
Есенин С. А. 8, 91, 94—96, 109
Ефрон И. А. 49, 58
- Жанна д'Арк 226
Жаров А. А. 60
- Ждановский И. А. 83
Жебенкен И. 153
Жердиновская М. 117
Жид А. 194, 195
Жиркович Б. В. 61
Жирмунский В. М. 102
Жуковский В. А. 13, 130, 223,
224
Журавлевы, купцы 229
- Забелин И. Е. 64
Заболоцкий Н. А. 91, 109
Загоскин М. Н. 64
Залыгин С. П. 31
Зворыкин Б. В. 142, 143, 145
Зенкевич М. А. 72
Зибер-Рильке К. 199
Зибер-Рильке Р. 199
Зикс А. А. 122
Зленко Г. Д. 184
Злочевский Г. Д. 77
Золя Э. 8, 18, 36, 66
Зощенко М. М. 47, 49, 52, 56,
60, 61
Зуев А. С. 50
- Ибсен Г. 17
Иван III 85
Иван IV 85, 179, 247
Иванов А. А. 248
Иванов А. И. 50
Иванов Вс. В. 91, 95—97
Изенберг В. К. 158
Измайлов А. А. 139
Ильф И. 95
Иордан Ф. И. 221
Исаковский М. В. 6
Искрин М. Г. 225
Истомин К. 86
Иорданс Я. 252, 253
Каверин В. А. 162
Калачев Н. В. 206
Калинаускас В. 150
Каменский В. В. 139
Кампанелла Т. 246

- Кан С. 119
 Кант И. 40
 Кантакузин Н. 182
 Кантемир А. Д. 217
 Капельгородский Ф. И. 186
 Каразин В. Н. 230
 Каразин Н. Н. 145
 Карамзин Н. М. 65, 83, 87, 230
 236, 238
 Каран д'Аш 63
 Каргин В. А. 256, 257
 Касаткин Н. А. 140, 145
 Кассиль Л. А. 117
 Катаев В. П. 60, 61
 Кащенко А. 188
 Кениг Г. 195
 Кер Г. Я. 78
 Кернер К. Т. 17
 Кибальчич Н. И. 186
 Кизеветтер А. А. 205, 206
 Киплинг Р. Дж. 66
 Киппенберг А. 189—199
 Киппенберг К. 190, 191, 193,
 195—197, 199
 Киприянов В. А. 126
 Кирилл и Мефодий, братья 182
 Кирильчук С. В. 179
 Киров С. М. 98
 Кисараускас В. 149, 156, 157
 Клдиашвили С. Д. 112
 Клейст Г. фон 17
 Климов В. М. 33
 Клишявичюс А. 150
 Клюев Н. А. 91
 Ключевский В. О. 87
 Кмеляускас А. 151
 Кнооп В. 197—199
 Кнопф А. 120
 Кнорре Ф. Ф. 175
 Ковалев К. П. 91
 Коваленко О. 186
 Коган П. С. 36
 Козьмин Б. П. 102
 Кок П. Ш. де 49
 Кокорев И. Т. 64
 Колесников Ю. А. 30
 Колосов М. М. 7, 8
 Комаров Б. М. 188
 Комаров М. Ф. 187, 188
 Коменский Я. А. 164
 Коновалова Е. И. 45
 Кончаловская Н. П. 54, 91
 Корнель П. 35
 Корнилович А. О. 226
 Короленко В. Г. 185
 Корсаков Д. Л. 201, 207
 Косач О. П. 184
 Косенков Ст. С. 173
 Костомаров Н. И. 202, 207
 Костомарова А. Л. 201
 Коцюбинский М. М. 185
 Коча Л. А. 200
 Кошанский В. Ф. 219
 Кошанский Н. Ф. 211, 212,
 217—224
 Крекшин П. Н. 230
 Кроткова Л. А. 110
 Крутилин С. А. 9
 Крыленко Н. В. 143
 Крылов И. А. 55, 130
 Крымский А. Е. 182, 186, 187
 Крымский Е. С. 182
 Кузмин М. А. 56, 70, 72, 73
 Кузминские Й. 152, 153
 Кузьмин Н. В. 255
 Кукрыниксы (Куприянов М. В., Крылов П. Н.,
 Соколов Н. А.) 54, 55, 63,
 173
 Купер Дж. Фенимор 12, 18
 Куприн А. И. 45
 Курбатов П. 78
 Курочкин Н. С. 139
 Кусков И. С. 114
 Кутузов М. И. 132, 133
 Кучас А. 152, 153
 Кэрролл Л. 166
 Кюхельбекер В. К. 225—228
 Лабиш Э. М. 51

- Лагерлеф С. 166
Лалова З. 116
Лансон Г. 17
Лао Шэ 75
Лассаль Ф. 142
Лафонтен Ж. 17, 166
Лашин А. 176
Лебедев-Кумач В. И. 60
Левенсон А. 141
Левитин М. З. 55
Левитов А. И. 64
Лейбович Г. 151
Лейкин Н. А. 47
Лёлис Й. 150
Лемперт Э. М. 114
Ленау Н. 36
Ленин В. И. 141—143, 145
Леонов Л. М. 55, 91, 95, 109, 165
Лермонтов М. Ю. 8, 31, 146, 189
Лесажа А. Р. 17
Лесков Н. С. 31, 136, 173, 174
Лессинг Г. Э. 17, 259
Либкнехт К. 142
Ливен К. А. 215—217
Лидин В. Г. 90, 106, 108
Листов В. С. 235
Литвиненко А. М. 158, 159
Логинов М. И. 49
Лозинский М. Л. 91
Локк У. Дж. 66
Ломоносов М. В. 6, 79
Лондон Дж. 8
Лу Синь 75
Луганский А. 143
Лукарис К. 182
Луначарский А. В. 143, 164
Львов С. Л. 245
Львов Ю. Л. 248
Любимов Н. М. 73
Люсинова Л. 93
Лятос Я. 182
Ляхов В. Н. 162
Маврина Т. А. 255
Мазурин Ф. Ф. 86, 88
Македонская Е. И. 45
Маккавейский В. 199
Максименко К. 188
Максимов Д. Е. 71
Малиновский А. Ф. 81—84
Мало Г. 8
Малюгин Л. А. 55
Мандельштам О. Э. 72
Манн Г. 104
Манн Т. 41
Мануции (Альды), семья итальянских издателей 85
Маркс А. Ф. 47
Маркс К. 142
Марриет Ф. 12
Марциал Марк Валерий 35
Маршак С. Я. 102, 108, 164
Масанов И. Ф. 61
Масютин Ю. И. 57
Матвеев А. С. 77
Матвеев Н. 64
Матуляускас А. 151
Матуляускас М. 150
Матэ В. В. 213
Маяковский В. В. 31, 39, 40, 60, 95, 103
Мейерхольд В. Э. 57, 59, 72
Мерзляков А. Ф. 134, 214—217, 220
Мериме П. 70, 71, 73
Микеланджело 258
Микешин М. О. 61, 173
Микини В. К. 144
Миклашевский А. М. 158
Миллер Г. Ф. (Ф. И.) 79—81
Мильтон Дж. 36
Минский Н. М. 111
Мирный П. 186
Митрохин Д. И. 56, 57, 60
Михаил, архимандрит 230
Михайлова Н. И. 211
Михайлович Т. 182
Михалков С. В. 164, 167, 175

- Модестова Н. А. 54
 Мольер Ж. Б. 17, 35, 58, 66
 Мопассан А. Р. А. Ги де 20, 36, 47, 49, 66
 Мордвинов С. И. 230
 Мстиславец П. Т. 179
 Мультатули 13
 Мусин-Пушкин И. А. 125
 Мусин-Пушкин П. И. 79
 Муханов В. А. 85
 Муханов Н. А. 84
 Мюссе А. де 36
 Мясницкий И. И. 47
- Нагаев А. И. 230
 Наливайко С. 181
 Наполеон I 86
 Наровчатов С. С. 71,
 Нарышкин К. П. 84
 Наумов П. 83
 Неверов А. С. 8
 Некрасов К. Ф. 199
 Некрасов Н. А. 32
 Немирович-Данченко В. И. 58
 Неплюев И. И. 230
 Нерваль Ж. де 198
 Нестор, летописец 79
 Николаева А. Т. 230
 Николай I 237
 Нилл А. 119
 Новиков Н. И. 80, 82, 130, 232
 Новицкий И. В. 182
 Норвежский (Картожинский) О. М. 138
 Носов Е. И. 9
- Оболенский М. А. 84, 85
 Обольянинов П. 233
 Образцов С. В. 55
 Обресков А. М. 80
 Овечкин В. В. 9
 Овидий 35
 Овнан Г. 112
 Овчинников В. В. 29
 О'Генри 49, 66
- Огнёва Е. А. 189, 197
 Одоевский В. Ф. 32, 228
 Олеарий Адам 86
 Олесь А. 186
 Олеша Ю. К. 60, 69
 Олсуфьева 233
 Ончуков Н. Е. 65
 Опиньский Х. 120
 Орлов В. Н. 71, 72, 238
 Осмоловский А. 123
 Остен-Сакен Ф. Р. 85
 Остерман А. И. 79
 Остерман И. А. 80, 82
 Островский А. Н. 58
 Островский Н. А. 8
 Острогорский М. Я. 140
 Острожский К. К. 181
 Остроумова-Лебедева А. П. 56, 57
- Павленков Ф. Ф. 47
 Павлишин Г. 31
 Павлович Н. А. 71
 Пантелеев Л. 8
 Пантелеев Л. Ф. 66, 207
 Паньков М. А. 145
 Пастернак Б. Л. 91, 99, 189
 Первик А. 175
 Перкин В. Д. 111
 Перовский А. А. (А. Погорельский) 167, 168, 172, 212, 213, 216—218
 Перро Ш. 13, 166
 Петкер Б. Я. 55
 Петр I 45, 64, 73, 78, 79, 84, 125, 126, 226, 229, 230, 232—238
 Петрарка Ф. 35, 244
 Петров-Водкин К. С. 246, 258
 Пикассо П. 195
 Питоев Ж. 189
 Пичугин З. Е. 141
 Плавт Тит Макций 35
 Пластов А. А. 250
 Платонов А. П. 41

- Платтен 227
 Плетнев П. А. 221—224
 Плеханов С. Н. 25
 Пликените-Бружене И. 156
 Плиний Старший Гай Секунд
 20, 85
 Плутарх 85
 Поволяев В. Д. 30
 Погодин М. П. 230, 233
 Пожарский Д. М. 83
 Пожарский С. М. 159
 Полевой Б. Н. 116
 Полевой Кс. А. 236—238
 Полевой Н. А. 236—238
 Поликарпов Ф. 125
 Полонский Я. П. 145
 Полушин Н. А. 144
 Поляков В. С. 55
 Понсон дю Террайль П. А. 49
 Поттер П. 252
 Прево А. 65
 Придворова Л. Н. 55
 Пришвин М. М. 91, 108
 Проскурин П. Л. 9
 Проханов А. А. 30
 Прыжов И. Г. 64
 Пу Сунлин 75
 Пушкин А. С. 8, 12, 15, 30, 31,
 40, 61, 70, 129—131, 146,
 186, 208, 210—212, 214,
 217, 220, 222, 223, 225—238
 Пушкина Н. Н. 233, 238
 Пыляев М. И. 64
 Пюви де Шаванн П. 247
 Пяст В. А. 74
 Пяткин Е. О. 61

 Рабле Ф. 14, 36, 39
 Радищев А. Н. 23, 86
 Радлов Н. Э. 60, 61
 Расин Ж. 17, 35
 Раскин А. Б. 55
 Рассел Б. 120—122
 Рассохин С. Ф. 47
 Ратас-Ратайскис В. 153

 Реймерс Я. И. 84
 Ремизов А. М. 65
 Репин И. Е. 258
 Репшис П. 150, 156, 157
 Рескин Дж. 244
 Рижский И. С. 212
 Рильке Р. М. 189—199
 Роден Р. Ф. Огюст 199
 Ройтер Ф. 17
 Роллан Р. 20, 34, 36, 66
 Романов Ф. П. 141
 Романова-Ткаченко О. 186
 Ростопчин Ф. В. 82
 Ротштейн Э. 117
 Рубакин Н. А. 6
 Рубан В. Г. 130
 Рубенс П. П. 173
 Рублев А. 81
 Румянцев Н. П. 81
 Руссо Ж. Ж. 35, 225
 Ру斯塔вели Ш. 13
 Рылеев К. Д. 226
 Рыльский М. Ф. 106
 Рымша А. 125, 181, 182
 Рычков П. И. 230

 Сабашниковы М. В. и С. В. 205
 Салтыков-Щедрин М. Е. 138,
 146
 Самойлов Л. С. 53
 Санд Ж. 36, 49
 Сапфо (Сафо) 104
 Сахаров И. П. 65
 Сварог В. С. 47, 60
 Светлов М. А. 52, 53, 108
 Свирский А. И. 65
 Свифт Дж. 14
 Святослав Ярославич 127
 Северянин Игорь 72
 Сейфуллина Л. Н. 95, 100
 Семашко Н. А. 143
 Семеновский М. И. 87, 235
 Семенов С. Т. 31
 Семенов Ю. С. 30
 Сенкевич Г. 16

- Сент-Экзюпери А. де 166
 Серафимович А. С. 91, 99, 185
 Сервантес Сааведра М. де 14,
 15
 Сергеев В. Ф. 36
 Сетон-Томпсон Э. 167
 Сидоров А. А. 148
 Сименон Ж. 54, 66
 Синклер Э. Б. 66
 Скорина Ф. (Г.) 85, 179
 Скотт В. 36, 66
 Славский Р. Е. 55
 Слободской М. Р. 55
 Слуцкий Е. Е. 195
 Смирдин А. Ф. 55, 130
 Смиренский Х. 39
 Смирнов-Сокольский Н. П. 59,
 159
 Смотрицкий Г. Д. 181
 Снегирев И. М. 236, 237
 Советов И. Г. 138
 Сойкин П. П. 66
 Соймонов Ф. И. 79
 Соллогуб В. А. 50
 Соловьев Б. И. 71
 Соловьев Вл. С. 72, 201—204
 Соловьев Вс. С. 201—204
 Соловьев М. С. 202—207
 Соловьев С. М. 87, 200—207,
 230
 Соловьев С. М. (внук историка)
 204, 205
 Соловьева А. И. 204
 Соловьева П. В. 201
 Сологуб Ф. 65, 139
 Соломонов М. С. 158, 159
 Соскин Л. М. 158
 Софокл 35
 Спадавеккиа А. Э. 117, 118
 Спасский В. В. 143
 Сперанский М. М. 218
 Станиславский К. С. 57, 58
 Старчевский А. В. 230, 236
 238
 Стасюлевич М. М. 201, 207
 Стендаль 34, 36
 Стерн Л. 35
 Стивенсон Р. Л. 66
 Стийенский Р. 15
 Страленберг Ф. И. 232
 Стрешнев В. И. 84
 Стрешнева Е. Л. 84
 Стриттер И. Ф. 80
 Ступин К. 139
 Стуруа М. Г. 29
 Суворин А. С. 135, 139, 204
 Сулейман Стальский 100
 Сумароков А. П. 79
 Суражский В. 181
 Сургайнеле А. 156
 Сухаревская Л. П. 49, 52, 54,
 67, 68
 Сучков Б. Л. 104, 105
 Сытин Д. И. 124
 Сытин И. Д. 45, 139, 141, 144,
 205
 Талызин И. Л. 230
 Талызин М. И. 218, 219
 Таратуа Е. А. 110, 114, 116—
 119, 121
 Тархов А. 83
 Тархова Н. А. 229
 Тассо Т. 35
 Татищев В. Н. 87
 Твен М. 49, 66
 Теккерей У. М. 66
 Тельбке Ф. 140
 Тенин Б. М. 45—68
 Тербенев И. И. 86
 Теренций Публий 35
 Тиман В. 190
 Тихонов Н. С. 91, 108, 109
 Тициан Вечеллио 173
 Тишков А. А. 69—76
 Товстоногов Г. А. 58
 Тодорский А. И. 95
 Толмачев Я. В. 212, 214, 218
 Толстая С. А. 201
 Толстой А. К. 167

- Толстой А. Н. 13, 91, 101
Толстой И. И. 103, 104
Толстой Л. Н. 16, 30, 31, 40, 47,
57, 59, 71, 136—139, 144,
146, 159, 163, 189, 195, 202
Травьесо Х. 117
ТрEDIAKOBCKИЙ В. К. 79
Трубачев О. Н. 11
Тургенев И. С. 8, 141, 258
Турков А. М. 71, 246
Турнье М. 165
Тусузов Г. Б. 60
Тэффи Н. А. 47
Тюрин А. 173
Тютчев Ф. И. 41
- Уитмен У. 100, 145
Украинка Леся 184, 185
Уланд Д. 36
Улуг-зода С. 112
Ульянов И. Н. 141
Унамуно М. де 24
Усиевич Г. А. 110, 111
Успенский Г. И. 102
Устрялов Н. Г. 230
Ушаков Ф. В. 86
Уэллс Г. Дж. 13, 66
- Файнциммер А. М. 122
Фалеев В. М. 42
Фасмер М. 13, 15, 21—23
Федин К. А. 91, 108
Федор Алексеевич 77
Федоров И. 125, 179—183
Фейнберг И. Л. 238
Филдинг Г. 35
Флит А. Д. 60, 61
Флобер Г. 36
Фогелер Г. 194
Фонвизин Д. И. 218
Форш О. Д. 91
Франс А. 36
Фрунзе М. В. 143
- Хальс Ф. 252
- Хемингуэй Э. М. 100
Херасков М. М. 79
Хижинский Л. С. 159
Холлингсворт Б. 122
Холодович А. А. 18
Хоткевич Г. И. 179, 185, 187,
188
Храбра Ч. 182
Хрущев А. 79
Хютль-Уорт Г. 23
- Цамутали А. Н. 206
Цветаева М. И. 70, 189
Цилле Г. 63
- Чагин П. И. 91—109
Чагина М. А. 91, 92, 96, 98,
100, 108, 109
Чапаускас А. 152
Чаплин Ч. С. 58
Чарушин Е. И. 167
Чевельча П. В. 208
Черемных М. М. 60
Черепнин Л. В. 206
Черкасенко С. Ф. 186
Чернышева В. Ф. 86
Чернявский М. Ф. 186
Честертон Г. К. 66
Чехов А. П. 31, 45, 47, 59, 108,
135, 258
Чехова М. П. 108
Чехонин С. В. 159
Чжоу Синьфан 75
Чичерин Г. В. 72
Чуковский К. И. 91, 99, 100,
120, 164
- Шагинян М. С. 108
Шамбинаго С. К. 65
Шамиссо А. фон 17
Шант Л. 112
Шаплен Ж. 225
Шацкие, семья педагогов 248
Шевалье Г. 50
Шевченко Т. Г. 123

- Шекспир У. 14, 17, 35, 66, 100
Шеллер-Михайлов А. К. 45
Шелли П. Б. 39
Шенгели Г. А. 36
Шереметев Д. Н. 131
Шереметев С. Д. 55
Шиллер И. К. Ф. 17, 35, 41, 134
Шимонис К. 156
Ширинский-Шихматов П. А.
214, 215, 219
Ширинский-Шихматов С. А.
226
Шишмарева М. А. 113
Шкловский В. Б. 58, 103, 108
Шмурло Е. Ф. 232, 238
Шолом-Алейхем 66
Шопен Ф. 120
Шопенгауэр А. 17
Шостакович Д. Д. 122
Шоу Дж. Бернард 57, 66
Штелин Я. 65
Шульц М. И. 83
- Щеголев П. Е. 65
Щепкина-Куперник Т. Л. 102,
103
- Щербатов М. М. 87
Щербина В. Р. 101
Щуко В. А. 88
- Эйзенштейн С. М. 55
Эйхендорф Й. фон 258
Эльзевирсы, семья голландских
издателей и типографов 85
Энгельс Ф. 142
Эразм Роттердамский 260
Эренбург И. Г. 254
Эсхил 35
Эшенбург И. И. 216
- Ювенал Д. Ю. 35
Юдин Г. Н. 162—167, 169,
173—175
Юркунас В. 153
Юрьев Ю. М. 54
Юткевич С. И. 55, 58
Юхавичюс Э. 152
Юцис В. 151
- Ягужинский С. И. 145
Якубович Д. П. 217
Ярослав Мудрый 19

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ (р. 1930)

Известный советский языковед. Член-корреспондент АН СССР, член-корреспондент Югославянской академии в Загребе. Член советского комитета славистов. Автор многочисленных работ в области истории славянских языков и народов.

МИХАИЛ МАКАРОВИЧ КОЛОСОВ (р. 1923)

Главный редактор еженедельника «Литературная Россия». Прозаик. Перу известного писателя принадлежат книга «Три круга войны», сборники повестей и рассказов «Ночной буря», «Похвала недругу», «Родная окраина», «Три куля черных сухарей» и многие другие.

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГУСЕВ (р. 1933)

Журналист. Заслуженный работник культуры РСФСР. Директор издательства «Современник». Среди его публикаций особо известна книга «Странствия Великой Мечты».

ГЕОРГИЙ ДМИТРИЕВИЧ ГАЧЕВ (р. 1929)

Литературовед, эстетик науки. Автор книг «Жизнь художественного сознания», «Содержательность художественных форм», «Жизнь. Творчество. Искусство» и других.

ЕЛЕНА ИОГАННОВНА МАКЕДОНСКАЯ

Журналист. Публикует на страницах центральных изданий статьи о собирателях книг, о личных библиотеках.

ЗЛОЧЕВСКИЙ ГАРОЛЬД ДАВИДОВИЧ (р. 1936)

Кандидат технических наук. В массовой печати появляются его статьи о редких изданиях, посвященных истории Москвы.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВ (р. 1955)

Журналист. Историк культуры. Автор ряда статей об истории Москвы, древнерусских городов, об охране окружающей среды, о поисках и находках в мире книг, о музыкальной культуре.

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАТУТА

Критик. Литературовед. Из-под ее пера вышли книги «Этель Лилиан Войнич. Судьба писателя, судьба книги», «По следам „Овода“», «„Подпольная Россия“ С. М. Степняка-Кравчинского» и другие, а также статьи по детской литературе.

ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ (р. 1941)

Инженер. Автор многих публикаций, рассказывающих о книгах, о русских, советских календарях.

ВИНЦАС КИСАРАУСКАС (р. 1934)

Художник. Его кисти принадлежат многочисленные живописные работы. Из-под резца мастера вышли многие известные гравюры и экслибрисы.

ЛЕОНИД МАРКОВИЧ СОСКИН (р. 1915)

Известный библиофил. Автор работ по истории миниатюрной книги, статей по книговедению.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БЫЧКОВ (р. 1946)

Поэт, переводчик. Его перу принадлежат переводы стихов с английского, китайского, вьетнамского и других языков.

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА КИРИЛЬЧУК

Старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного заповедника в г. Остроге Ровенской области.

ГРИГОРИЙ ДЕМЬЯНОВИЧ ЗЛЕНКО (р. 1934)

Писатель. Автор книг «Нетеленное», «Книга памяти», «Одесские тетради», многочисленных публикаций, рассказывающих о поисках и находках в книжном мире, о судьбах книг и прототипах героев литературных произведений.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ОГНЁВА

Литературовед. Автор статей о русской литературе начала XX столетия.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА МИХАЙЛОВА

Кандидат филологических наук. Заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина. Автор статей о творчестве А. С. Пушкина, книги о В. Л. Пушкине «Парнасский мой отец».

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА ТАРХОВА

Литературовед. Заведующий сектором Государственного музея А. С. Пушкина. Автор статей о творчестве А. С. Пушкина и А. П. Чехова.

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ИСКРИН (р. 1920)

Журналист. Его перу принадлежат книги «Сильнее смерти» и «Норвежские были» (обе — об участии советских граждан в движении Сопротивления в годы второй мировой войны), а также статьи о творчестве А. С. Пушкина.

SUMMARIES

O. TRUBACHEV **Books in my life**

Numerous works on Slavic languages and cultures by O. Trubachev—acclaimed linguist, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and Yugoslav Academy in Zagreb, member of the Soviet Committee of Slavists—have been a source of inspiration and knowledge for many scholars. In this article Trubachev looks through the history of his home library, concentrating on the books of his childhood and youth. The article sketches out his scientific endeavour including his Russian translation of M. Vasmer's "Russisches etimologisches Wörterbuch".

M. KOLOSOV **In tune with the times**

A popular Soviet writer, Editor-in-chief of the "Literaturnaya Rossia" weekly answers the special questionnaire of the Bibliophile Almanac.

G. GUSEV **Chronicles of today**

"Sovremennik" ("The Contemporary") Publishing House publishes all sorts of books which answer its title. The Director of the Publishing House speaks on its plans and perspectives, the impact of books on the minds of the young.

G. GACHEV **Travelling through pages**

G. Gachev's name is very popular with specialists in literature and history of sciences. With a great number of philosophic and publicistic writings on his record, he always relies on books for information describing them as a Baedeker to all epochs and countries. In this interview to our correspondent Gachev states his world outlook.

Y. MAKEDONSKAYA **By-profession**

With the release of the film "A Man With A Gun" Boris Tenin, starring in it, won universal recognition. Now his record includes dozens of roles played both in cinema and theatre. But apart from his acting profession Tenin is an eager bibliophile. The article reviews his rare home collection.

G. ZLOCHEVSKY
Since the ambassadorial office...

The article takes you on a tour through one of the richest bookeries of pre-revolutionary Russia, the Foreign Ministry Library.

K. KOVALEV
From P. I. Chagin's archive

Peter Chagin was known both as a gifted journalist and as the head of a number of publishing houses including "Academia", "Goslitizdat", "Moskovsky Rabochy". Many books which now present the cream of the crop of Soviet literature were published under him. The documents of his private archive reflect his friendship with foremost Soviet literary figures, S. Yesenin, N. Zabolotsky, A. Tolstoy, S. Gorodetsky, V. Zhirmunsky, B. Pasternak, M. Chekhov, V. Veresayev, M. Prishvin, N. Tikhonov among them. The publication includes some of the archive letters and documents.

Y. TARATUTA
The Book for a Lifetime

The critic's collection of E. L. Voynich's "The Gadfly" numbers over two hundred copies of the novel in various languages.

V. ALEXEYEV
From the history of Russian calendars

A character of A. Griboyedov's comedy "Woe From Wit" exclaims, "All calendars tell lies", referring above all to the Brüss Calendar, one of the most popular in early XIX century when the comedy was written. But the history of Russian calendars begins much earlier than that. The essay outlines their long history up to the dawn of the Soviet State.

V. KISARAUSKAS
Singularity of Lithuanian bookplates

A popular Lithuanian artist surveys the history, traditions and originality of bookplates designed by Lithuanian draftsmen.

L. SOSKIN
Publishing signs of the Leningrad Bibliophile Society

Throughout its history the Leningrad Bibliophile Society, known to have published the famous 1929 Bibliophile Almanac, has changed a number of publishing signs, designed by prominent Soviet artists. We present some of their works.

S. BYCHKOV
Georgy Yudin's book design

G. Yudin has designed a vast number of books including those by N. Leskov, M. Gorky, L. Leonov, M. Bulgakov, and several books for kids. His illustrations show his originality and brilliant artistic skill. His "ABC, Jr.", the book with both illustrations and the text done entirely by himself is a true masterwork.

S. KIRILCHUK
A museum in Ostrog

The city of Ostrog is the birthplace of the Primer and the Bible produced by the pioneer of printing in Russia Ivan Fedorov. Nowadays the city has a museum of early-printed books.

G. ZLENKO**An almanac from gaol**

Numerous publications by the book historian have featured latest discoveries in the line of books. Now his subject is an obscure revolutionary almanac in Ukrainian.

Y. OGNEVA**A. Kippenberg, Rilke's publisher**

A. Kippenberg, the founder of "Insel Bücherei" popular series happened to be the first publisher of nearly all R. M. Rilke's works. The article deals with the prolific cooperation of the poet and his publisher.

L. KOCHA**S. M. Solovyev's "History" and its publishing history**

"The History of Russia Since Antiquity" can be regarded as S. Solovyev's lifework. The historian's biographer describes the book's thorny way to the reader.

N. MIKHAILOVA**N. Koshansky's "Rhetoric"**

In early XIX century N. Koshansky's "Rhetoric" was a standard textbook used by the students of the Lycée where A. S. Pushkin studied. The article traces the book's progress.

N. TARKHOVA**"Golikov's noble and artless work..."**

While working at "The History of Peter the Great" Pushkin derived ample information from P. Golikov's classic "Deeds of Peter the Great". Golikov's book is the subject of this essay.

M. ISKRIN**Excerpts from the northern poems**

An attempt to bring to light the prototypes of some characters in Pushkin's poems.

S. LVOV**Why I write on artists**

The essay is one of the latest publications by a distinguished Soviet writer whose special interest is in the lives and works of Russian and Soviet artists.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Михаил Колосов.</i> Созвучное с современностью	7
<i>Олег Трубачев.</i> Книга в моей жизни	11
<i>Геннадий Гусев.</i> Летопись времени. <i>Беседу вел С. Плеханов</i>	25
<i>Георгий Гачев.</i> Путешествие по страницам. <i>Беседу вел Владимир Климов</i>	33

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Е. Македонская.</i> Спутник профессии	45
<i>Роман Белоусов.</i> «Упорный труд рождает мастера»	69
<i>Г. Злочевский.</i> Со времен Посольского приказа	77

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Константин Ковалев.</i> Из архива П. И. Чагина	91
<i>Евгения Таратута.</i> Книга на всю жизнь	110
<i>Валерий Алексеев.</i> Из истории русских календарей	124

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

<i>Винцас Кисараускас.</i> Традиции и новаторство в литовском экслибрисе	149
<i>Л. Соскин.</i> Издательские марки Ленинградского общества библиофилов	158
<i>Сергей Бычков.</i> Нарисовал и написал Георгий Юдин	162

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Светлана Кирильчук.</i> Музей в Остроге	179
<i>Григорий Зленко.</i> Альманах из неволи	184
<i>Елена Огнёва.</i> А. Киппенберг — издатель Р. М. Рильке	189
<i>Леонид Коча.</i> Издания «Истории России» С. М. Соловьёва ...	200

ПУШКИНИАНА

<i>Н. Михайлова.</i> Судьба «Реторик» Н. Ф. Кошанского	211
<i>Мих. Искрин.</i> «Отрывки северных поэм». Об одной загадке Пушкина	225
<i>Н. Тархова.</i> «Благородный и простодушный труд Голикова...»	229

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Сергей Львов.</i> Почему о художниках. <i>Предисловие А. Туркова</i>	245
---	-----

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Мигель де Унамуно.</i> «Грамматика пейзажа...». <i>Перевод с испанского С. Гончаренко</i>	24
<i>Владимир Фалеев.</i> Рожденный в землянке	42
<i>Максим Богданович.</i> Переписчик. <i>Перевод с белорусского А. Лашина</i>	176
<i>Петр Чевельча.</i> Читая Пушкина	208
<i>Елена Андреева.</i> Отец	239
<i>Александр Бобров.</i> Книги собратьев	261
Именной указатель	262
Коротко об авторах	273
Резюме на английском языке	275

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск шестнадцатый

Редакторы ВОК *К. П. Ковалев, А. М. Кузнецов*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *А. З. Коган*
Корректор *Т. Ф. Ртищева*

НК

Сдано в набор 30.11.83. Подписано в печать 29.04.84.
А07083. Формат 60×84/16. Бум. офсетная № 1-70 г., офсетная 120 г. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,28+0,93. Усл. кр.-отт. 39,99. Уч.-изд. л. 16,42+0,82. Тираж 50 000 экз. Изд. № 3856. Заказ № 2468. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Московская ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, ул. Валовая, 28.